

**ИССЫК-КУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ.К. ТЫНЫСТАНОВА**

На правах рукописи

УДК: 81*1(811.512.1+811.111)

НОГОЕВА ЧИНАРКУЛЬ АЙТАКУНОВНА

**КОНЦЕПТ «СВОБОДА» И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ В АНГЛИЙСКОМ И
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

С.Н. Абдуллаев -д.ф.н., профессор

Каракол - 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
1. Глава 1. Вопросы исследования концептов в современной науке о языке	12
1.1 Концепт и его изучение в современной лингвистике.....	12
1.2 Языковая картина мира.....	20
1.3 Динамичность концепта «Свобода».....	34
1.4 Концепт через призму лингводидактики, колоронимов и идиом	44
Выводы по 1 главе.....	69
2. Глава 2. Методология и методы исследования концепта «Свобода» в английском и тюркских языках	73
2.1. Концепт «Freedom/Эркиндик» как объект исследования	73
2.2. Предмет и методы исследования	77
2.3. Англистика в контексте межкультурной коммуникации в лингвистике: трансляция ценностного компонента концептов.....	80
2.4. Тюркология на современном этапе: путь к моделированию синтаксиса и выражение ментальных единиц.....	82
Выводы по 2 главе	89
3. Глава 3. Результаты исследования репрезентантов концепта «Freedom/Эркиндик» в английском и тюркских языках и их обсуждение	91
Вводная часть.....	91
3.1. Образность и художественная картина мира	97
3.1.2. Образ свободы: американская экранная версия на примере мультипликационного фильма «Спирит».....	106
3.2. Акциональный аспект структуры концепта свободы и его акцентные	

вариации.....	112
3.3. Грамматический контекст репрезентации концепта свободы в английском и тюркских языках.....	119
3.4. Предикативное воплощение концепта в кыргызском и английском языках.....	132
3.5. Концепт свободы и вопросы ономастики.....	147
Выводы по 3 главе.....	156
4. Заключение.....	159
5. Список использованной литературы.....	167

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Англ. – английский

Вик.- википедия

Инф. – информант

Газ. – газета

Каз.- казахский

Кырг. – кыргызский

НКРЯ- национальный корпус русского языка

Погов. - поговорка

Посл. - пословица

Ср. – сравните

Тат. - татарский

Тюрк. – тюркский

Акк – аккузатив

BNC- Британский национальный корпус

COCA- Корпус современного американского английского языка

Nom - номинатив

Post - послелог

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях языковые и этнические коллективы все активнее вступают в процессы межкультурной коммуникации. В этих процессах язык и культура оказываются тесно переплетенными. При этом актуальным становится исследование единиц ментально-языкового и культурного порядка. Среди таких ключевых единиц можно назвать концепт свободы, отличающийся безусловной релевантностью во многих лингвокультурах.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими факторами:

Концепт «Свобода/ Freedom/Эркиндик» в настоящее время представлен практически во всех лингвокультурах. Вместе с тем он постоянно демонстрирует свою динамичность и способность к трансформации, а также вовлечение в процессы лингвокультурного взаимодействия языков в настоящее время. Известно, что к систематике способов выражения концептов можно подходить с позиций лексики, фразеологии, грамматики и текста [111, с. 33].

Актуальность темы предпринятого исследования объясняется тем, что в работе акцент делается на исследование в основном не лексических и фразеологических способов репрезентации концепта, а на малоисследованные грамматические (синтаксис) и текстовые (контекст) способы выражения концепта. Такой подход обнаруживает самые устойчивые лингвистические механизмы экспликации концепта, т. к. грамматика является относительно консервативным уровнем системы языка по сравнению с лексикой. В этом смысле здесь отмечаются устоявшиеся модели, характеризующие своеобразие конкретного языка или языков. В исследовании концепта «свобода» были взяты конкретные контексты из творческой лаборатории мастеров художественного слова. Это можно интерпретировать как типичную иллюстративную базу при изучении того или иного концепта. Мы используем широкий контекст из аутентичных художественных произведений как способ выражения концепта свобода в качестве типовой иллюстративной базы при исследовании того или иного концепта.

Связь темы диссертации с научными направлениями, крупными научными программами, проводимыми научными учреждениями. Работа выполнена в порядке индивидуальной инициативы.

Целью нашей работы является выявление малоизученных способов репрезентации концепта «Свобода» в английском и тюркских языках.

Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих **задач**:

проработать специальную литературу по теме исследования;

исследовать и адаптировать понятийно-терминологический аппарат для представления результатов исследования;

определить современные способы вербализации концепта свободы и описать понятие свободы.

Научная новизна полученных результатов:

1) рассмотрены на материале английского и тюркских языков грамматические способы выражения концепта «Freedom/Эркиндик»;

2) в сопоставительном плане проанализированы гендерный и ономастический аспекты бытования концепта «Freedom/Эркиндик»;

3) концепт «Freedom/Эркиндик» описан в широком контексте языковой и художественной картин мира, вводится понятие типовой иллюстративной базы;

4) при учете современных реалий установлены направления межкультурного трансфера экономического компонента содержания концепта «Freedom/Эркиндик»;

5) разработан ситуативно-событийный подход к изучению проблематики предикативного воплощения концепта «Свобода» посредством синтаксических моделей предложений в английском и тюркских языках.

Практическое значение полученных результатов. Практическая значимость итогов исследования определяется возможностью использования выводов работы в практике преподавания основ межкультурной коммуникации и лингвокультурного взаимодействия языков. Итоги исследования могут быть

использованы в практике вузовского преподавания в курсах модельного синтаксиса и раздела ономастики в лексикологии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концепт «Свобода» характеризуется относительно высокой степенью динамизма. В настоящее время примечателен в этом смысле акциональный аспект концепта, приобретающий характер дифференциального признака. В течение последних десятилетий наблюдаются существенные сдвиги в функционировании концепта, выражающиеся в выдвигении на передний план экономического, правозащитного и других ракурсов свободы. Это особенно характерно для тюркоязычных лингвокультур.

2. Концепт «Свобода» в разных традициях выражается во всей ткани языка. В привлекаемых к исследованию языках отмечены не только фразеологизмы и пословицы, но и широкий и устойчивый грамматический потенциал языка, в том числе синтаксические модели как речемыслительный инструмент и способ вербализации концепта. Они не являются концептами и как единицы языка отличаются в привлеченных языках как со стороны означающего, так и со стороны означаемого.

3. Предикативное воплощение концепта «Свобода» предполагает использование четырех семантических групп предикатов и серии моделей коммуникативных единиц конкретных языков. Содержательной стороной моделей являются обобщенные пропозиции, которые, вслед за современными авторами, можно назвать синтаксическими концептами. Последние выражают тему свободы в контексте отдельных классов ситуаций или событий.

4. Выражение концепта «Свобода» предполагает учет пресуппозиций языковых и художественных картин мира. В этом смысле оправдано использование типовой иллюстративной базы, позволяющей на примере одной творческой личности с ключевой темой свободы сфокусированно проследить широкий фон лингвокультурного бытования концепта.

5. Способы «овнешнения» концепта «Свобода» могут открывать возможности для его осмысления в гендерном, ономастическом, художественном аспектах. Смысловой и символично-исторической подоплекой различий служит правовое представление о свободе в англо-американской лингвокультуре как о функционировании закона, тогда как в тюркской лингвокультуре преобладает эзотерический компонент. Этим обусловлено отражение рассматриваемого концепта в тюркских антропонимах в отличие от английского языка.

Личный вклад соискателя. Выбор темы, сбор и анализ материала, изучение специальной литературы, составление библиографии, описание результатов исследования являются итогом самостоятельной работы автора.

Апробации результатов исследования. Результаты диссертации апробированы на международных научных конференциях: Международной научно-практической конференции «Современные исследования основных направлений гуманитарных и естественных наук». Казань. – 2017; XVI Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». Ульяновск.- 2017; Литература на экране.-Москва, 2018; Международной научно-практической конференции «Лингвокультурологический аспект изучения и преподавания русского языка в условиях отсутствия языковой среды». Москва, 2018; V Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы преподавания иностранного языка в высшей школе». Чебоксары.- 2021; XV Международной научно-практической конференции «Иностранные языки в современном мире».- Казань, 2022; Кирилло-Мефодиевские чтения.-М., 2023. Работа обсуждалась на расширенном заседании кафедр киргызского, иностранных и русского языков ИГУ имени К. Тыныстанова и была рекомендована к защите.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Основные положения диссертационного исследования отражены в статьях:

- 1 Духовность как индикатор интенций свободы в художественном самосознании // Гуманитарное знание и духовная безопасность.-Грозный: ЧГПУ, 2016. С. 314-320.
- 2 Концепт свободы и образ поэта-героя: корреляция экранной и литературной версии по роману А. Талипа «Qaynam orkishisi» // Литература на экране: взгляд психологов, писателей и кинематографистов.-М., 2016. С. 106-109.
- 3 Иссyk-Кульская манифестация модели межкультурной коммуникации как интенция духовной свободы // Актуальные вопросы гуманитарного знания в современном обществе. Материалы Международной научно-практической конференции «Современные исследования основных направлений гуманитарных и естественных наук». Казань. - 2017. С. 23.
- 4 Это сладкое слово «Свобода» // Современные евразийские исследования. 2017, № 4. С. 99-103.
- 5 Литературный псевдоним как вид антропонима и синтез концепта «свобода» // Ономастика Поволжья. Материалы XVI Международной научной конференции. Том 2. - Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, 2017. С.270-272.
- 6 Образная составляющая концепта “Свобода” в американской лингвокультуре// Вестник ОшГУ. 2017, №5.- С. 191-195.
- 7 «А что на свете выше, чем она»: свобода как судьбоносная категория в литературе и на экране (на примере творчества Ч. Айтматова) // Литература на экране.-М., 2018.-С. 50-53.
- 8 Вопросы развития современной тюркологии // Вестник КРСУ. 2018, № 1.- С. 3-9.
- 9 Язык на перекрестке культур // Лингвокультурологический аспект изучения и преподавания русского языка в условиях отсутствия языковой среды. сборник статей и тезисов Международной научно-практической конференции. Российский университет дружбы народов. 2018. С. 71-74.
- 10 Языковая картина мира //Вестник ИГУ . 2021, №50-2.- С. 200-202.

- 11 Особенности вербализации концепта «Свобода» в разных языках // Известия ОшГУ, 2021, № 2, Часть 1.- С. 153-157.
- 12 Дефиниции концепта в современной лингвистике//Вестник ИГУ. 2021, №45.- С. 304-306.
- 13 Предикативное воплощение концепта «свобода» в английском, русском и тюркских языках // Актуальные вопросы преподавания иностранного языка в высшей школе. Вып. 6. Чебоксары, 2022. С. 202-208;
- 14 Мультилингвальные пресуппозиции бытования языка // Иностранные языки в современном мире. сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. Казань, 2022. С. 86-90.
- 15 Синтаксис свободы: предикативное представление концепта «Свобода» // Кирилло-Мефодиевские чтения.-М., 2023.- С. 35-39.
- 16 Выражение синтаксических концептов в языках разного строя // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. №1. С. 485-493. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/98/65>.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность; характеризуется степень разработанности темы в лингвокогнитивном языкознании; формулируется проблема; определяются объект и предмет исследования, основная цель и задачи работы; характеризуется материал исследования; перечисляются методы исследования; указываются научная новизна и практическая значимость; приводятся положения, выносимые на защиту.

Основная часть композиционно состоит из трех глав.

Первая глава называется **«Вопросы исследования концептов в современной науке о языке»** и состоит из следующих параграфов: 1.1. Концепт и его изучение в современной лингвистике; 1.2. Языковая картина мира; 1.3 Динамичность концепта «Свобода»; 1.4. Концепт через призму лингводидактики, колоронимов и идиом.

Вторая глава носит название **«Методология и методы исследования концепта «Свобода» в английском и тюркских языках»**. Она включает несколько параграфов: 2.1. Концепт «Freedom/Эркиндик» как объект исследования; 2.2. Предмет и методы исследования; 2.3. Англистика в контексте межкультурной коммуникации в лингвистике: трансляция ценностного компонента концептов; 2.4. Тюркология на современном этапе: путь к моделированию синтаксиса и выражение ментальных единиц.

Третья глава называется **«Результаты исследования репрезентантов концепта «Свобода» в английском и тюркских языках и их обсуждение»**. Она распадается на следующие параграфы: Вводная часть; 3.1. Образность и художественная картина мира; 3.1.2. Образ свободы: американская экранная версия на примере мультипликационного фильма «Спирит». 3.2. Акциональный аспект структуры концепта свободы и его акцентные вариации; 3.3. Грамматический контекст репрезентации концепта свободы в английском и тюркских языках; 3.4. Предикативное воплощение концепта в кыргызском и английском языках; 3.5. Концепт свободы и вопросы ономастики.

Объем диссертационного исследования составляет 166 страниц машинописного текста без списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ О ЯЗЫКЕ

В данной главе обсуждаются теоретические вопросы исследования и описания концептов. Как результат бурного развития когнитивной лингвистики в последние десятилетия в науке о языке сложились ряд исследовательских направлений, отличающихся своими подходами и акцентами в исследовании концептов как ментальных единиц. Отдавая должное всем достижениям исследователей, мы намерены обозначить тот вектор в исследовании концептов, которому мы будем следовать в своей работе.

Вслед за многочисленными последователями Новосибирской филологической школы в разных странах считаем, что вопросы вербализации концептов на примере паремий и фразеологизмов изучены сравнительно хорошо. Поэтому мы намерены акцентировать свое внимание на грамматических (синтаксических) способах выражения концепта и – шире – выразительных возможностях контекста.

1.1. Концепт и его изучение в современной лингвистике

В современной лингвистике одним из понятий, к которому чаще всего обращаются специалисты, является понятие концепта. Считается, что понятие «концепт» было введено в употребление философской наукой ещё в средние века. Латинское слово *conceptus* означает обобщённое, абстрактное представление о предмете или явлении. Постепенно, по мере расширения границ взаимодействия философии с психологией и лингвистикой, термин «концепт» стал входить в научный филологический (лингвокультурологический) понятийный аппарат.

В развитие понимания концепта как объекта лингвофилософского исследования большой вклад внесли такие учёные, как С.А. Аскольдов-

Алексеев, Д.С. Лихачёв, Ю.С. Степанов, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик и др. Концептуальные исследования занимают значительное место в современной лингвистике.

Введение в понятийно-терминологический аппарат современных лингвистических исследований термина „концепт“ явилось результатом сдвига в ориентациях на исследования антропоцентрического характера, в которых исследователи стали стремиться осмыслить закономерности познания человеком окружающего мира и закрепления этого познания в своем языке. Существует множество определений концепта в специальной литературе. Обратимся к ним с тем, чтобы уяснить то, что накоплено в интересующей нас области знаний и наметить актуальные направления дальнейших исследований.

Одним из первых в советской филологической науке термин *концепт* употребил С. А. Аскольдов. Ученый определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (*концепты растение, справедливость, математические концепты*) [13, с. 274].

Д. С. Лихачев примерно в это же время использовал понятие *концепт* для обозначения обобщенной мыслительной единицы, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка и, являясь своего рода обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка, позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов. Концепт, по Д. С. Лихачеву, не возникает из значений слов, а является результатом столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом говорящего. Концепт в этом плане, по Д. С. Лихачеву, выполняет заместительную функцию в языковом общении [80].

В. И. Карасик приводит ряд подходов к концептам, развиваемых разными авторами. Среди них назовем следующие: концепт - идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а

также спрессованную историю понятия; концепт- личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения; концепт - это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [62, с. 246]; концепт- сущность понятия, явленная в своих содержательных формах - в образе, понятии и в символе [62, с. 19-20]; концепты - своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры, самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные (как минимум трехмерные) идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный или псевдопонятийный базис.

Концепт, согласно Е.С. Кубряковой, - это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (*lingvamentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике [72, с. 90]. Исследователь предлагает такое определение концепта: «*Концепт* - оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [72, с. 90-92].

Удачное, по мнению многих исследователей, определение концепта дает А. Вежбицкая: он из мира «Идеальное», имеет имя и отражает культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность» [30, с. 11].

Д. С. Лихачев под концептом понимал «своего рода алгебраическое выражение значения, которым человек оперирует в своей письменной и устной речи» [81, с. 6]. Размышляя над природой концепта и его значимостью в масштабе культуры целиком, исследователь пришел к понятию «концептосферы». Он отмечал «Термин «концептосфера» вводится мною по типу терминов В.И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр. Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры — культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [82].

По мнению С.Г. Воркачева [35], в настоящее время в лингвистике наметилось три основных подхода к пониманию концепта.

1. В число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную языковую картину мира» носителей языка. Совокупность таких концептов образует концептосферу языка.

2. Концепты – семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры.

3. Концепты – семантические образования, список которых в достаточной степени ограничен и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей. Исследование концептуальной сферы определенного этносообщества направлено на комплексное изучение культуры, языка и сознания.

Для выяснения вопроса о соотношении феноменов «представление», «понятие» и «концепт» необходимо определить каждый из них отдельно. Проблема соотношения вышеперечисленных понятий рассматривалась многими исследователями разных эпох. Самой распространенной точкой зрения является та, согласно которой понятия – объективны и безобразны, представления же – индивидуализированы и образны [36, с. 21]. Исходя из этого разграничения «понятия» и «представления», попытаемся соотнести их с «концептом». Представление часто рассматривается как индивидуальное знание о предмете, в то время как концепт включает как субъективную, так и объективную информацию, являющуюся общей для говорящих на одном языке. Таким образом, «концепт» обладает более широким содержанием и может включать в себя «представление».

В.И. Карасик делает одно существенное замечание относительно того, что термин «понятие» стоит в одном ряду с другими феноменами. Это такие феномены, как «суждение» и «умозаключение». Исследователь приходит к выводу, что термин «понятие» в этом смысле «представляет собой сгусток рациональной части концепта» [62, с. 128]. В доказательство прямого соотнесения «концепта» и «понятия» Ю.С. Степанов [120] обращается к этимологии этих слов: концепт является калькой с латинского *conceptus* – «понятие», понятие же образовано от

древнерусского глагола «понятие», т.е. по своей внутренней форме эти слова одинаковы. Единственная их разница заключается в сфере употребления. Концепт является термином в математической логике и в последнее время закрепился также в культурологии и лингвистике. Понятие же употребляется главным образом в логике и философии.

Разные определения концепта позволяют выделить следующие инвариантные признаки: 1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении; 2) это основные единицы обработки, хранения и передачи знаний. 3) это основная ячейка культуры. Следовательно, концепты представляют мир в голове человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы. Отсутствие единого определения объясняется сложной, многомерной структурой концепта, включающей помимо понятийной основы, социопсихокультурную часть. Эта часть не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и венчает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре, данному народу.

Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он окружён эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом.

Часто концепт – это «свёрнутый» текст. Многие концепты свёрнуты во фреймы. Фрейм – это разновидность концептов, точнее это обобщённая стереотипная модель организации культурного знания вокруг некоторого концепта. Как утверждает В.Н. Телия, фреймы могут быть структурированы в форме эпизода, сцены, фрагмента сценария или даже целого сценария. Например, фрейм любви: традиционная и стереотипная сцена, когда предлагают руку и сердце. Следовательно, фреймы – это структуры знания о мире, ассоциирующиеся с конкретной языковой единицей. Сам концепт при таком понимании – элемент картины мира [126, 25-31].

Свой ряд способов репрезентации концепта в языке выделяют З.Д. Попова и И.А. Стернин. По мнению учёных, концепт представлен в языке готовыми

лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные); свободными словосочетаниями; структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты); текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных абстрактных или индивидуально-авторских концептов) [111, с. 38]. Концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации. Они складываются из: а) его непосредственного чувственного опыта – восприятия мира органами чувств; б) предметной деятельности человека; в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами; г) из языкового знания (концепт может быть сообщён, разъяснён человеку в языковой форме); д) путем сознательного познания языковых единиц [111; 81, с. 6].

В целом, направления по изучению концептов на сегодняшний день сводятся к лингвокогнитивному и лингвокультурологическому осмыслению этих явлений. При лингвокогнитивном подходе за отправную точку берутся единицы - репрезентаторы, через которые описывается структура концепта. В данном случае описание идёт от языковых единиц, вербализующих концепт к его целостному пониманию. С помощью данного подхода устанавливается строение семантического пространства языка.

Второй подход к изучению концептов - лингвокультурологический. Исследования данного вида отталкиваются от актуальных для культуры ценностей, и через них описывают способы вербализации концепта в языке. Данные два подхода не являются строго взаимоисключающими и часто дополняют друг друга.

Таким образом, в современной лингвистике наблюдается большой разброс дефиниций концепта. Он колеблется от простой констатации в качестве ментальной единицы до калейдоскопического диапазона своего содержательного наполнения [5].

Концепт может выражаться на различных уровнях языковой системы. Говоря обобщенно, концепт выражается во всей ткани языка при его реализации в речи: словами (лексически), фразеологизмами, поговорками и синтаксическим контекстом. Репрезентативные возможности последнего изучены гораздо меньше других аспектов выражения концептов.

Концепт в нашем понимании является ментальной единицей. Он имеет сложную, во многом не изученную природу. В специальной литературе часто упоминается о многоуровневости концептов [см., например: 19, с. 124-134]. Соглашаясь с этим, мы подразумеваем под концептом ситуативно смоделированный контекст. Поэтому если спросить неподготовленного человека о том, что такое для него, например, свобода, он говорит, что это когда делаешь, что захочешь;

когда не зависишь от кого-либо или чего-либо;

когда имеешь много свободного времени;

когда выезжаешь на природу ...

Другими словами, концепт часто репрезентуется через посредство ситуаций, которые являются денотатами синтаксических единиц. По этой причине, на наш взгляд, логично допустить синтаксический подход к изучению природы концепта. Он может исследоваться через обращение к пропозициям как плану содержания двусторонних синтаксических моделей, имеющих знаковую природу. Это своеобразные типовые мыслительные схемы. Такие исследователи, как Г. А. Волохина, З. Д. Попова называют их «синтаксическими концептами». Мы склонны рассматривать их в качестве важного и малоизученного вида (границы) концепта «Свобода» как ментальной единицы. Концепт как ситуативно смоделированный и культурно окрашенный контекст может иметь один или более стержней. Если их два, то могут соотноситься две ситуации, противопоставленные друг другу. Например, ситуация свободы и несвободы. Такие концепты мы называем бинарными.

Цель и задачи настоящей работы заставляют нас сконцентрироваться на способах репрезентации концептов и языковой картины мира. В крупном плане

подобные репрезентативы можно подразделить, как уже отмечалось, на лексические и синтаксические.

Первые включают в себя лексемы и фразеологические структуры, тем не менее рассматриваемые в составе так называемых прецедентных текстов. Вторые позволяют вычленять внутри себя текстовые структуры, синтаксические модели и конструкции, а также средства межфразовой связи. Синтаксические репрезентативы на сегодняшний день относительно мало исследованы по сравнению с лексическими.

Фреймовый подход к исследованию синтаксических репрезентативов позволяет шире подходить к осмыслению самих концептов как широкого ментального образа, контаминирующего в себе элементы представления и понятия. Фрейм при данном подходе выступает в качестве разновидности и представителя концепта, микротемы концептуального пространства, в котором актуализируются те или иные репрезентативы.

Фрейм при его анализе позволяет обратиться к слотам (дифференциальным когнитивным признакам, субконцептам) и далее к лексическим способам «овнешнения» концепта. Помимо этого, фрейм позволяет нащупать то синтаксическое пространство, в котором средства межфразовой связи и синтаксические модели выражают концепт.

Имея в виду тюркскую речь, иногда говорят «по русски сказал», хотя позвучавшие слова были что ни на есть тюркскими. Речь в данном случае идет по сути о синтаксическом построении и межфразовой связи, т. е. о том, чтобы в абракадабре типа той, что предложил академик Л. В. Щерба (глокая куздра ...), узнать конкретный естественный язык.

Для тюркских языков исконным является синтетический тип построения речевых конструкций, использующий чисто морфологические способы синтаксической связи. Для английского и тюркского языков характерны аналитические средства – предлоги и союзы. Однако в некоторых тюркских языках используется «союз» КИ, перекраивающий синтаксическую структуру по аналитическому типу и детерминирующий восприятие концепта

реципиентами. В связи с этим намечается противопоставление средств межфразовой связи в полипредикативном контексте. Это аналитические и синтетические способы. К числу первых относятся, например, уже упомянутый КИ в тюркских, WHEN в английском. Синтетический тип, широко представленный в тех же тюркских языках подразделяется на собственно синтетический и аналитико-синтетический подтипы [2, с. 108-109].

Таким образом, мы рассматриваем синтаксические факторы, в частности, средства межфразовой связи, в качестве релевантного способа репрезентации лингвокультурных концептов. Этот способ на данном этапе пока мало изучен в рассматриваемом ключе, т. к. внимание исследователей в основном привлекают лексический и проverbsиальный аспекты «овнешнения» лингвокультурных концептов.

В нашем понимании, средства межфразовой связи – это средства соединения предложенческих структур и предикативных единиц. Их денотаты – целостные события. Способы оформления межсобытийной связи задают характер «столкновения» представлений и понятий относительно того или иного концепта как означенной информации.

1.2. Языковая картина мира

Вопросы исследования любого концепта сопряжены с понятием языковой картины мира. На наш взгляд, это вполне оправданно, т.к. понятие концепта является центральным понятием при обращении к языковой картине мира применительно к той или иной лингвокультурной традиции. Более того, актуальность осмысления лингвистических характеристик языковой картины мира усиливается при сопоставительном обращении к конкретному концепту на материале двух языков.

Языковая картина мира – это разновидность картины мира вообще. Мы отдаем себе отчет в том, что понятия, о которых в данном случае идет речь, используются преимущественно в метафорическом плане. Однако такой подход

позволяет в этнолингвистическом плане понять великое многообразие языков и культур нашего мира и поэтому, на наш взгляд, поддерживается большинством современных исследователей. Подобный подход импонирует и нам. При этом мы рассматриваем языковую картину мира как видовую вариацию картины мира вообще, понимаемой в качестве широкого родового понятия.

По крупному счету картина мира – это система образов. Когда употребляется слово «картина», люди представляют, прежде всего, отображения чего-либо. Когда мы говорим о языковой картине мира, необходимо представлять мир, представленный картинками и образами.

Картина мира, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Конечно, людям отнюдь не свойственны четкие визуально осмысленные изображения, хранимые в их сознании. Отношения человека и отображаемого им мира носят гораздо более сложный характер. Эти отношения очень интересны, и в их осмыслении значимую роль играют культура и язык.

Культура упорядочивает отношение человека к окружающему его миру. Благодаря этому единый мир становится многообразным и интересным. Язык же выполняет требования познавательного процесса, выступая в то же время своеобразным зеркалом культуры.

Картина мира есть не просто набор «фотографий» предметов, процессов, свойств и т. д., так как она включает не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам. Пропущенная через фильтр ментальности картина мира предстает как осмысленная система образов.

На примере концепта свободы можно говорить о разных видах отношений к понятию свободы в отношении к смежному понятию патриотизма, подчас в указанном аспекте граничащего и даже переходящего в космополитизм в наше динамичное и быстро изменяющееся время. Обратимся для этого к английской пословице, имеющей глубокие латинские корни.

Where freedom is, there shall my country be. - Где есть свобода, там моя страна.

В приведенном примере эксплицитно выражается отношение к связи понятий свободы и патриотизма. Лингвистически это демонстрируется употреблением личного местоимения *my* «мой, моя, мое».

Указанная фраза-поговорка своей общей семантикой вносит некоторую ясность в понимание авторской картины мира, в частности таких ее объектов, как родина в смысле моя страна. Это достигается благодаря модальности высказывания, или иными словами, наличию позиции говорящего. Причем, позиция субъекта является такой же реальностью, как и сами объекты. Более того, поскольку отражение мира человеком не пассивно, а деятельно, отношение к объектам не только порождается этими объектами, но и способно изменить их через деятельность.

Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее. На основе этой идеи возникла новая наука - лингвокультурология, которую можно считать самостоятельным направлением лингвистики, оформившимся в 90-е годы XX в. Термин «лингвокультурология» появился в последнее десятилетие в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В.Н.Телия, работами Ю.С.Степанова, А.Д.Арутюновой, В.В.Воробьева, В.Шаклеина, В. А. Масловой и других исследователей. Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык и культуру, находящиеся в диалоге, и взаимодействии.

Лингвокультурология - наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Как специальная область науки лингвокультурология возникла в 90-е годы XX в. Попытки дать периодизацию

ее становления на основе четких и непротиворечивых критериев едва ли увенчаются успехом: во-первых, слишком мало прошло времени, а во-вторых, оценки итогов существования науки за определенный период, по справедливому замечанию Р.М.Фрумкиной, не могут быть объективными, поскольку они отражают субъективное мнение исследователя, занятого в определенной научной области.

Представляется рациональным выделить два периода в развитии лингвокультурологии: первый период – это период предпосылок развития науки (труды В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Э. Сепира и др.) и второй период – период оформления лингвокультурологии как самостоятельной области исследований. Динамика развития науки позволяет прогнозировать еще один третий период, на пороге которого мы сейчас находимся, появление фундаментальной междисциплинарной науки – лингвокультурологии. Построению такой научной дисциплины и посвящено наше исследование.

В лингвокультурологии к сегодняшнему дню оформилось несколько направлений.

1. Лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркой в культурном отношении период, т. е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации.
2. Диахроническая лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени.
3. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингво-культурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.
4. Сопоставительная лингвокультурология. Она только начинает развиваться.

В самом конце XX в. сложились четыре лингвокультурологические школы.

1. Школа лингвокультурологии Ю.С. Степанова, которая по методологии близка концепции Э. Бенвениста, целью ее является описание констант культуры в их диахроническом аспекте. Верификация их содержания проводится с помощью текстов разных эпох, т.е. как бы с позиции внешнего

наблюдателя, а не активного носителя языка.

2. Школа Н.Д. Арутюновой исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов. Эти термины культуры также конструируются с позиции внешнего наблюдателя, а не реального носителя языка.

3. Школа В. Н. Телия, известная в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов (MSLCFraz)', В. Н.Телия и ее учениками исследуются языковые сущности с позиции рефлексии носителя живого языка, т.е. это взгляд на владение культурной семантикой непосредственно через субъект языка и культуры. Эта концепция близка позиции А. Вежбицкой (*Lingua mentalis* -- ментальной лингвистики), т. е. имитация речедейательностных ментальных состояний говорящего.

4. Школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов В. В. Воробьевым, В.М. Шаклеиным и др., развивающими концепцию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова.

Итак, лингвокультурология - гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру. Лингвокультурология активно развивается в наши дни.

Объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком. Объект размещается на «стыке» нескольких фундаментальных наук - лингвистики и культурологии, этнографии и психолингвистики.

Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания

Таким образом, лингвокультурология исследует и живые коммуникативные процессы - связь используемых в них языковых выражений с

культурой и менталитетом народа, т.е. его массовым сознанием, традициями, обычаями т.д.

Обозначенный нами список предметов исследования в лингвокультурологии не представляется нам окончательным и неизменным, здесь указаны лишь основные области, где активно взаимодействуют язык и культура. Далее, в следующих частях нашей работы, нами будут скрупулезно рассмотрены отдельные, наиболее «культурноносные» предметы.

Когнитивная лингвистика занимается важными теоретическими вопросами о том, как хранятся наши знания о мире, как они систематизированы и структурированы в языке в процессе внутриязыковой и межъязыковой коммуникации [85; с.19-20]. В последние десятилетия опубликованы ряд трудов, ведущих лингвистов России, которые посвящены вышеуказанным исследованиям. Это труды А.Вежбицкой, Н.Д.Арутюновой, Н.Н.Болдырева, Е.С. Кубряковой, В.А.Масловой, В.Н.Карасика и мн др.

В Кыргызстане становлению когнитивной лингвистики путь открыла профессор Дербишева З.К. Впервые под ее руководством была использована терминологическая база когнитивной лингвистики в кыргызском языкознании. В последующие годы были защищены ряд кандидатских и докторских диссертаций в данном направлении [45].

Терминологическую базу и теоретические основы когнитивной лингвистики, полученные через русский язык, впервые в сопоставительном языкознании и в кыргызском языке начали использовать лишь с 2000-х гг. Важную роль в развитии когнитивной лингвистики в кыргызском языкознании сыграли работы, связанные с сопоставительным исследованием языковых единиц и концептов. В последние годы появились большое количество исследований, посвященных анализу различных концептов в кыргызском языке и в сопоставлении с другими языками.

Самым важным понятием когнитивной лингвистики является концепт. В современной лингвистике существует три основных подхода к пониманию концепта: лингвистический, когнитивный и лингвокультурологический.

Лингвистический подход представлен в трудах С.А.Аскольдова, Д.С.Лихачева, В.В. Колесова, В.Н.Телия. Представители этого направления понимают «Концепт как весь потенциал значения слова вместе с его коннотативным элементом» [126].

Представители когнитивного подхода З.Д.Попова, З.Д. Стернин и др. представители воронежской школы при понимании сущности концепта относят концепт к мыслительным явлениям, определяя его как глобальную мыслительную единицу, «квант структурированного знания» к явлениям ментального характера» [107, с. 30].

Культурологический подход рассмотрен в трудах С.Воркачева, В.Красных, И.Зыкова и др. Они рассматривают большое число концептов и отношений между ними. Концепт трактуется ими как основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Необходимо отметить, что в современном языкознании принимаются во внимание все три подхода.

Если в когнитивной лингвистике фразеология изучается как познавательный механизм, играющий роль в кодировании и трансформации информации, то в лингвокультурологии фразеологизмы рассматриваются как феномен культуры, как хранитель культурного кода нации.

Лингвокультурология выступает как гуманитарная наука, изучающая облакаемую в языковую форму материальную и духовную культуру этноса и человечества в целом. Именно она позволяет установить и объяснить каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры.

Данные утверждения согласно определению В.А.Масловой, чья работа «Лингвокультурология» на сегодняшний день является самой популярной. Ученая приводит методологическую базу, описывает современные направления лингвокультурологических исследований в русской лингвистике. Автор подчеркивает междисциплинарный характер лингвокультурологии, определяя ее «как отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии», как «гуманитарную дисциплину, изучающую воплощенную в

живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» или как интегративную область знаний, вбирающую в себя результаты исследований культурологии и языкознания, этнолингвистике и культурной антропологии. В.А.Маслова утверждает «возможность использования самих разнообразных приемов «от интерпретационных до психоллингвистических» [84, с. 35]. Лингвокультурология предстает как дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию в языке и дискурсе культуры, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса.

Представитель Волгоградской школы В.И.Карасик рассматривает лингвокультурологию как «комплексную область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» и делает акцент на ее сопоставительном характере [61; с.108, 121].

Несмотря на то, что в Кыргызстане появились труды по когнитивной лингвистике лишь за последние 10-20 лет, лингвокультурология также была предметом изучения лингвистов. Так появились ряд статей и монография С. Ибрагимова (Лингвокультурология – тилдик маданият таануу), в которой изложил историю и теорию, принципы лингвокультурологии применительно к кыргызским фактам. Особую роль для развития лингвокультурологии в Кыргызстане сыграла монография З.К. Дербишевой «Ключевые концепты кыргызской лингвокультурологии», «Кыргызский этнос в зеркале языка» [45; 47]. В них содержатся основные идеи и принципы современной лингвокультурологии, а сами работы отличаются многоплановостью и полиаспектностью исполнения. В данных работах определены важнейшие этнокультурные концепты кыргызского ментально-языкового культурного сознания. Автор отмечает то обстоятельство, что лингвокультурный концепт отличается от других типов концептов национально обусловленной ценностной составляющей. Такие концепты, представленные системой ключевых слов, отображают наиболее частые значимые части культурно-языкового сознания и

мироощущения народа. Лингвокультурные концепты распределены в трудах по тематическим группам, например, концепты бытия, концепты природного мира, национально-культурные концепты, духовно-нравственные концепты и т.д.

Поскольку язык служит основным способом формирования и существования знаний человека о мире, то именно естественный человеческий язык выступает в качестве важнейшего объекта исследования специалистов-когнитивистов. Совокупность этих знаний носителей языков об окружающей их действительности, запечатленных в языковой форме, и представляет собой то, что в различных концепциях называется различными синонимичными терминами. Это термины, предстающие то как «языковой промежуточный мир», то как «языковая репрезентация мира», то как «языковая модель мира», то как «языковая картина мира».

Таким образом, языковая картина мира – это целостный, глобальный образ, или система образов мира. Языковая картина мира – это своеобразный жизненный опыт, который является результатом всей духовной активности человека.

Языковая картина мира возникает у человека в ходе всех его контактов с миром. Познавая мир, человек составляет свое представление о мире, т.е. в его сознании возникает определенная «картина мира», или «языковая модель мира». Поскольку возникновение картины мира тесно связано с языком и во многом им определяется, ее и называют «языковой картиной мира».

Концептуальная картина, естественно, гораздо богаче, чем языковая картина мира: «Картина мира – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, - феномен более сложный, чем языковая картина мира, т.е. та часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломлена через языковые формы» [72, с. 142].

Картина мира может быть представлена с помощью пространственных параметров (например: верх – низ, правый – левый, восток – запад, далекий - близкий); временных (день – ночь, зима - лето); количественных, этических и

других параметров. На ее формирование влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы. Картина мира может быть целостной – таковы мифологическая, религиозная, философская физическая картины мира, но она может отражать и какой-то фрагмент мира, т.е. быть локальной.

Концептуальные картины мира у разных людей в принципе одинаковы, т. к. человеческое мышление относительно едино. Исключения могут составить сегодня этносы, которые проживают совершенно в изолированных условиях бытия.

Национальные языковые картины мира – это придание разнообразных тонов и оттенков при восприятии единого объективного мира. Языковую картину мира можно сравнить с визуальным восприятием объективной реальности. Если человек говорит на национальном языке как родном с детства, и его использование данного языка носит естественный характер, то можно говорить о том, что носитель языка как бы смотрит на мир без очков и наиболее приближен к нему. Если человек осваивает в достаточной степени какой-то иной язык и может им пользоваться, то он смотрит на мир уже через очки. И такие очки меняются в зависимости от того, о каком языке и, соответственно, культуре идет речь [8, с 34].

Языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней» [Дарбанов 2012: 157]. При обращении к исследовательским проблемам выявления языковой картины мира важно обращение ко всей языковой ткани речевых произведений. Целесообразно обращение к различным уровням и единицам языка. Обращение только к лексико-провербиальному уровню обуславливает часто поверхностное обнаружение фактов языковой картины мира. Хотя мы не умаляем роли подобных языковых единиц, т. к. именно они в емкой форме содержат этнокультурную специфику речевых произведений.

Картиной мира в философии, лингвистике, психологии называется представление о мире, отражённое в человеческом сознании. Также иногда

используются синонимичные понятия: «видение мира», «образ мира», «мировидение», «восприятие мира», «модель мира», «образ действительности», «тезаурус».

В.И. Постовалова в своей работе отмечает, что картина мира выражает «специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [113, с. 11]. В картине мира отражены главные компоненты человеческого сознания - познавательный, нравственный, эстетический, которым соответствуют сферы: наука, мораль и право, искусство. Практика создаёт картину мира и влияет на неё, регулирует поведение человека.

В.В. Морковкин и А.В. Морковкина, обращаясь к сферам изучения картины мира, считают: «картина мира - ментальное образование, хотя мышление вне языка фактически невозможно, поскольку это одна из ипостасей ментально-лингвального комплекса наряду с сознанием и языком» [90, с. 63-70].

Основные элементы картины мира - информемы - некоторые информационные целостности. Картина мира экспонируется в языке, в жестах, в изобразительном искусстве и музыке, ритуалах, вещах, этикете, мимике, модах, способах ведения хозяйства, технологии вещей, в социокультурных стереотипах поведения людей и т.д. Так, среди современных тюркских народов для кыргызского этноса, например, картина мира экспонируется главным образом в эпическом искусстве, а в сравнении с ним для карлукских и огузских тюрков релевантным экспонентом картины мира является музыка, квинтэссенцией которой выступают знаменитые «12 мукамов» [8].

Картина мира может быть глобальной, общечеловеческой, поскольку включает в себе логику человеческого мышления. В этом смысле картины мира у всех людей имеют общие черты, так как человеческое мышление осуществляется по единым законам. Однако у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и профессий картины мира могут быть различными Люди, говорящие на разных

языках, могут иметь при определённых условиях близкие картины мира, а люди, говорящие на одном языке, - разные. В картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное, социальное и личностное.

Каждая культура имеет свою, свойственную только ей, систему ценностей и категорий. Хотя эти ценности и категории повторяются во множестве культур, но там они имеют иную иерархическую организацию. Язык занимает особое место в системе описания картины мира. Благодаря языку может быть изображена целостная картина мира – как своя, так и «чужая». [18, с. 11].

В современной лингвистике проблема картины мира активно разрабатывается в трудах представителей разных областей научного знания и в разных аспектах. Многие ученые, например, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Г.А. Брутян, Е. Барминский, А. Вежбицкая, В. Г. Гак, Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, Р.И. Павиленис, Б.А. Серебренников занимаются исследованием самого понятия картина мира, а также её разновидностей (языковая, концептуальная картины мира) и их соотношений.

Г.Д. Гачев, В.В. Колесов, В.Н. Телия, А.Д. Шмелев обращаются к национальной картине мира в ее связи с менталитетом. А.А. Залевская, Р.М. Фрумкина изучают психолингвистическую природу концепта как компонента картины мира. З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин разрабатывают когнитивные аспекты картины мира. Описанием внутреннего и внешнего мира человека как компонентов картины действительности занимаются С.Г. Воркачев и М.В. Пименова.

Понятие картины мира основано на изучении представлений человека о мире, образе мира, который, по мнению Б. А. Серебренникова, не является зеркальным отражением мира. На самом деле, постигая мир, человек интерпретирует его в своем сознании соответственно своему жизненному опыту, образованию, образу жизни и т. д. Картина мира – это образ мира в индивидуальном восприятии, представлении и интерпретации каждого отдельного человека и общества, возникающий вследствие активного взаимодействия.

Можно наметить, как уже отмечалось, разные параметры интерпретации окружающего мира. Например: пространственные (верх – низ, восток – запад), временные (день – ночь, зима – лето), количественные (много – мало), этические (хорошо – плохо) параметры представляют картину мира, которая может быть целостной, например, религиозная, философская картины мира, а может быть локальной, отражающей какой-то фрагмент мира.

То, что не входит в представления человека о мире, остается незамеченным человеком. Таким образом, картина мира – это совокупность представлений и знаний о мире, лежащая в основе индивидуального и общественного сознания.

Под национальной картиной мира допустимо понимать совокупность представлений о мире определенной этнической группы, сформировавшихся под влиянием тех или иных факторов, отражающихся в культуре и языке этой группы. Исследователями отмечается, что формирование национальной картины мира обусловлено такими факторами, как: географические и климатические условия проживания народа; культурно-исторический опыт развития образа жизни народа; тип ведения хозяйства (оседлый или кочевой образ жизни); менталитет, особенности миропонимания народа; традиции и обычаи, верования.

Действительно, географическими и климатическими условиями кыргызов и англичан или американцев можно, наверное, объяснить то, что в английском языке для выражения понятия «forest» «лес» используются слова: wood- grove- роща, depth of the forest -чаща, тогда как в кыргызском языке используется слово «токой», бак токой, токойдун терендиги. Кочевым образом жизни кыргызов объясняется наличие в национальной картине мира таких понятий как «жайлоо», «юрта», «кыштоо», «кыштак», «кыштым». Даже при слове «родина» носителям английского языка видятся образы статуи свободы, перипетии выборов, уютный домашний камин (мой дом – моя крепость), носителям тюркского языка, например, у казахов перед глазами возникают образы свободного Отечества, земля и образ жизни, составляющие понятие

Родина, у кыргызов - образ Манаса, горы Ала-Тоо, комуз, жайлоо, арча, родники.

В ходе работы над диссертацией, проводя ассоциативный эксперимент, мы ставили перед американскими информантами прямой вопрос аналогичного типа относительно ассоциаций:

What associations, expressions, ideas and images do you have of the word freedom ?

На это, как правило, следовал примерно такой ответ:

I associate the US Constitution and Declaration of Independence, The Statue of Liberty, American flag, Ellis Island and my own house with freedom.

«Какие ассоциации, выражения, идеи и образы вызывают у вас слова свобода?»

«Я связываю Конституцию США и Декларацию независимости, Статую Свободы, американский флаг, остров Эллис и мой собственный дом со свободой».

Образом жизни можно объяснить появление многих ключевых культурных концептов, образующих основу мировоззрения народа. Именно поэтому ключевые концепты во многом объясняют этническую ментальность.

Когнитивная картина мира включает не только содержательное, концептуальное знание о действительности, но и совокупность ментальных стереотипов, которые определяют понимание и интерпретацию различных явлений окружающей действительности. Следовательно, когнитивная картина мира представлена концептами, образующими концептосферу народа.

Национальная картина мира выявляется в поведении народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа об окружающей действительности, в высказываниях и суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах. Следовательно, язык является способом отражения этих представлений, а языковая картина мира определяется как совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о

действительности, отраженное в значениях языковых знаков - языковое разбиение мира, языковая систематизация предметов и явлений, информация о мире, скрытая в значениях слов [49, с. 29]. Другими словами, язык вербализует представления народа в единицах различных языковых уровней (словах, фразеологизмах, синтаксических конструкциях), т.е. языковая картина мира представлена значениями языковых знаков, образующих общее семантическое пространство языка.

Обращаясь к языковой картине мира целесообразно подчеркивать то обстоятельство, что изменения, происходящие в объективном мире и в самом человеке, отражаются языком постепенно, иногда с опозданием, с помощью различных языковых явлений и процессов, что свидетельствует о статичности языковой картины мира. Например, появление нового предмета требует номинации в языке, из-за невозможности точной передачи научных терминов в языке появляются заимствования и т.д.

Картина мира в художественном тексте создаётся языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается:

- в отборе элементов содержания художественного произведения;
- в отборе языковых средств: использование определённых тематических групп языковых единиц, повышение или понижение частотности отдельных единиц и их групп, индивидуально-авторские языковые средства и др.;
- в индивидуальном использовании образных средств (система тропов).

1.3. Динамичность концепта «Свобода»

Человек и его мир – это целый космос. Почти все грани этой вселенной сопряжены с понятием свободы. Именно эта когнитивная релевантность данного концепта, по нашему мнению, обусловила значительный исследовательский интерес специалистов к данному концепту. Концепт

«Свобода» - это сложное ментальное образование на основе противопоставления понятий свободы и несвободы.

Необходимо сразу же сказать, что при изучении концепта свободы традиционно в первую очередь имеется в виду социально-политический аспект. Так уж сложилось в человеческом сознании, что свобода в первую очередь ассоциируется с независимостью родной страны, т. е. страны, в которой ты родился и проживаешь. Художественная литература и другие виды искусства как формы художественного отражения действительности накопили многочисленные примеры борьбы за свободу, породив многочисленные образы героев – борцов за свободу.

Первоначально и автор настоящей работы представляла себе предмет своего исследования именно в области художественно-политического дискурса. Быть может на это нас подтолкнуло и то обстоятельство, что в традициях классической филологии материалом, иллюстрирующим анализ той или иной научной проблемы, является в первую очередь эмпирический материал, почерпнутый из художественной литературы.

Мы отдаем себе отчет, что художественная литература складывается из произведений отдельных авторов, в которых отражается авторская картина мира, являющаяся индивидуальной. Поэтому мы в определенной мере сознательно не ограничивали себя только материалом художественной литературы, обращаясь и к другим сферам функционирования английского и тюркских языков. В немалой степени нас утвердило в этой позиции и то обстоятельство, что в настоящее время в обществе стали относительно меньше читать. Однако тем не менее в реальности языки продолжают функционировать и выражать концепты.

Современный мир – это мир взаимодействующий и объединяющийся. Процессы взаимодействия идут по всем направлениям и сферам. Они касаются и ментально-языковой сферы. При этом высвечиваются не только политические, но и другие аспекты функционирования концепта свободы. Так,

например, в последнее время это касается прагматико-экономической стороны жизнедеятельности людей.

Очень много представителей общества в настоящее время заняты индивидуально-предпринимательской деятельностью, пустившись в «самостоятельное свободное плавание». Это было трудно представить лет тридцать назад, когда люди в основном работали на государственных предприятиях. Сейчас четко разделились ситуации, в которых человек сам работает на себя и отвечает по своим обязательствам или работает на иного работодателя. В этой сфере человек тоже стал активно применять противопоставление «свобода : не свобода» [20, с. 135]. Мы посчитали обязательным обратить внимание на подобные современные процессы.

Еще один момент. В тех случаях, когда современные авторы обращаются к вопросам репрезентации того или иного концепта, в специальных работах чаще описываются лексические и близкие им функционально другие единицы, например, фразеологизмы, поговорки и др. [109, с 149]. Мы сочли возможным акцентировать и грамматические возможности языка, когда целостный грамматический (синтаксический) контекст является типологически релевантным способом выражения (овнешнения) концепта.

Отмеченный подход базируется на внимании к вопросам глагольно-предикативного представления концепта свободы, которые открывают широкий диапазон эксплуатации данного концепта от ситуаций освобождения, в частности, от вредных привычек до идей духовной и творческой свободы личности. Это составляет одно из новшеств нашей работы, которое, как нам кажется, дополнит сведения по сопоставительной когнитивной лингвистике наших дней.

Концепт «Свобода» входит в число ключевых концептов во многих лингвокультурах. Английская и тюркские лингвокультуры в этом смысле не составляют какого-либо исключения. При обращении к данному концепту обычно во главу угла ставится его функционирование и использование в политическом дискурсе [116]. Исследователи, как уже отмечалось, больше

обращаются к контексту борьбы за политическую независимость (свобода Родины), за освобождение от колониального гнета и т. д. В значительной мере данное обстоятельство обусловлено политизированностью развития культуры и науки в прошлом столетии.

В указанном аспекте были проведены исследования, в том числе и сопоставительного характера, использования концепта свободы в разных лингвокультурах [ср. работы: 108, с. 149-150]. Наши исследовательские интересы в большей степени связаны с процессами эксплуатации и межкультурной трансляции затронутого концепта в гражданском социодинамическом аспекте. Поэтому мы больше были вынуждены обращаться к ценностному компоненту концепта и процессам формирования сдвигов акцентов в этом малоизученном аспекте.

Сопоставительный характер работы создает предпосылки для осмысления взаимодействия концептов в пространстве нескольких культур. По сути речь идет о межкультурных процессах в современном глобализирующемся мире, когда меняются многие представления, понятия и концепты в сознании людей. На наш взгляд, эти процессы отличаются значительной степенью актуальности и содержат в себе определенные закономерности, которые необходимо вскрыть и осмыслить.

Для подробного рассмотрения ценностного компонента концепта «Freedom» в рамках американской лингвокультуры в данной работе в соответствии с целью исследования в качестве материала для анализа было отобраны книги современных авторов такие как “Путь к финансовой свободе” Бодо Шефер, “Мани, или азбука денег” Бодо Шефер, “Наука денег” Брайан Трейси.

Будучи особенностью менталитета и психологической методики, позитивное мышление в то же время является одной из распространенных коммуникативных стратегий, которую используют представители американской национальной культуры.

Существуют 2 базовые национальные ценности представителей американского общества – свободой и независимостью. На мировоззренческом уровне они проявляются прежде всего в американском индивидуализме, который подчеркивает свободу и независимость индивида. Однако интересной с лингвистической точки зрения является частотность употребления в материале возвратных местоимений (myself, yourself, himself, herself, ourselves, yourselves, themselves), что указывает на важность свободы и независимости для людей они часто использует в тексте лексемы freedom и independence: ● I was free to roam from one end of the house to the other, which gave me a real sense of independence [12, с. 187]. Американцы склонны считать, что человек сам отвечает за свои поступки, поэтому должен контролировать все происходящее вокруг него. Достижение успеха воспринимается им как личная заслуга, поскольку, по его мнению, все происходящее вокруг находится под контролем человека. В опросе людей часто встречаются слова с положительной коннотацией, тем или иным образом подчеркивающие важность успеха – success, succeed, successful (успех, преуспеть, успешный) :

● I knew it would be risky, but “the successful outcome of the maneuver would not be seriously in doubt”. Я знал, что это будет рискованно, но «успешный исход маневра не вызывал серьезных сомнений». (пер. наш-Н.Ч.)

● My desire to succeed and to maintain my independence seemed more important than my relationships. Мое желание добиться успеха и сохранить независимость казалось более важным, чем мои отношения. (пер. наш-Н.Ч.) Высокой степенью частотности обладают глаголы, семантически ориентированные на указание достижений, например achieve и accomplish:

● America has a tradition many nations probably envy: We frequently achieve the impossible. В Америке есть традиция, которой, вероятно, завидуют многие страны: мы часто достигаем невозможного. (пер. наш-Н.Ч.)

- Sara knows, and now I know and we want you to understand as well, that with just this tiny bit of hope, we can accomplish the impossible. Сара знает, и теперь я знаю, и мы хотим, чтобы вы тоже поняли, что с помощью всего лишь этой крошечной надежды мы можем совершить невозможное. (пер. наш-Н.Ч.)

Таким образом, на примере проанализированного материала было показано, что дискурс, несущий в себе информацию культурологического характера, дает возможность рассмотрения ценностного компонента изучаемого концепта. Нами также была выделена доминирующая особенность менталитета американцев – позитивное мышление, которое сильно влияет на ценностный компонент национальной культуры США. основополагающие американские ценности – вера в Бога, тяжелый труд, свобода и независимость, контроль, личная ответственность, успех, мужество и упорство – определенным образом отражены в опросе людей, говорящих о них, на что указывает частая встречаемость соответствующих средств языкового выражения. Ценностный компонент «Свобода» лингвокультурного концепта обладает неоднородным номинативным полем, включающим в себя такие лексемы, как *fine, positive, God, Lord, faith, purpose, mission, (master) plan, (hard) work, freedom, independence, control, responsibility, success, achieve, accomplish, fight, persevere, strength* и др. могут изменить не только свою жизнь, но и жизнь окружающих.

Наш аспект исследования детерминирует обращение к материалу, который создается что называется буквально на наших глазах. Этим обусловлено, в частности, наше обращение к финансовому аспекту концепта Свобода: к таким новым понятиям и концептам как «*financial freedom*», «*financial thermostat*», «*financial independence*», «*financial cushion*» из английского языка, появившихся в тюркских языках, в том числе и в кыргызском языке как «финансалык эркиндик»-финансовая свобода, Если обратиться к понятию «Финансовая свобода» — это состояние, в котором у вас достаточно ресурсов для покрытия затрат на достижение ваших финансовых целей. Это означает, что вы не зависите от зарплаты или регулярного дохода и можете свободно принимать

решения о том, как использовать свои финансы. «Финансальк термостат»- финансовый термостат. Сразу дадим определение по этому вопросу, что такое финансовый термостат?:

1. Термостат— прибор для поддержания постоянной температуры.
2. Финансовый термостат - это отражение нашего понимания того, чего мы достойны в финансовом плане в текущей точке сборки. Текущая точка сборки - это комплекс параметров, которые свойственны вам на данный момент (где мы родились, с кем общались, какие у нас есть навыки, какими мыслями мы живём, какие слова произносим, какие задаём себе вопросы ну и всё подобное).
3. Финансовый термостат, другими словами, - это ваши финансовые убеждения и привычки, приобретенные с жизненным опытом.

Рис 1.1. За уровень дохода на 99% отвечают не знания и связи, а уровень нейронного финансового термостата

Рис 1. Пример рисунка на финансовый термостат

А теперь представим себе, что у каждого человека есть финансовый термостат. Этот чудо-прибор или внутренний механизм определяет, сколько ты зарабатываешь в месяц плюс-минус 20%. Термостат ограничивает твой комфортный доход, в пределах которого ты и живешь. Обрати внимание,

миллионеры нередко теряют весь капитал. Но не проходит и нескольких лет, как возвращаются к своим доходам и даже приумножают их. Для них быть богатым – привычное финансовое состояние. Так же и сорвавший джекпот человек, в конце концов, вернется к работе, к своему прежнему образу жизни, потому что его термостат так настроен. Этот прибор, сливает лишние деньги, если ваш доход перегревается, и, напротив, дает дополнительные вливания, если охлаждается.

Установим следующие понятия межкультурного трансфера экономического компонента содержания концепта «эркиндик». «Финансалык көз карансыздык» - финансовая независимость

Рис 2.1. FIRE, когда есть финансовая независимость можно рано уходить на пенсию. Концептуальные слова FIRE: финансовая независимость на пенсию пораньше . Оранжевый фон.

Рис 2. Пример рисунка на финансовую независимость

Рис.3.1. «Каржылык жаздык же кутуча»-финансовая подушка

Рис 3. Пример рисунка финансовая “подушка”

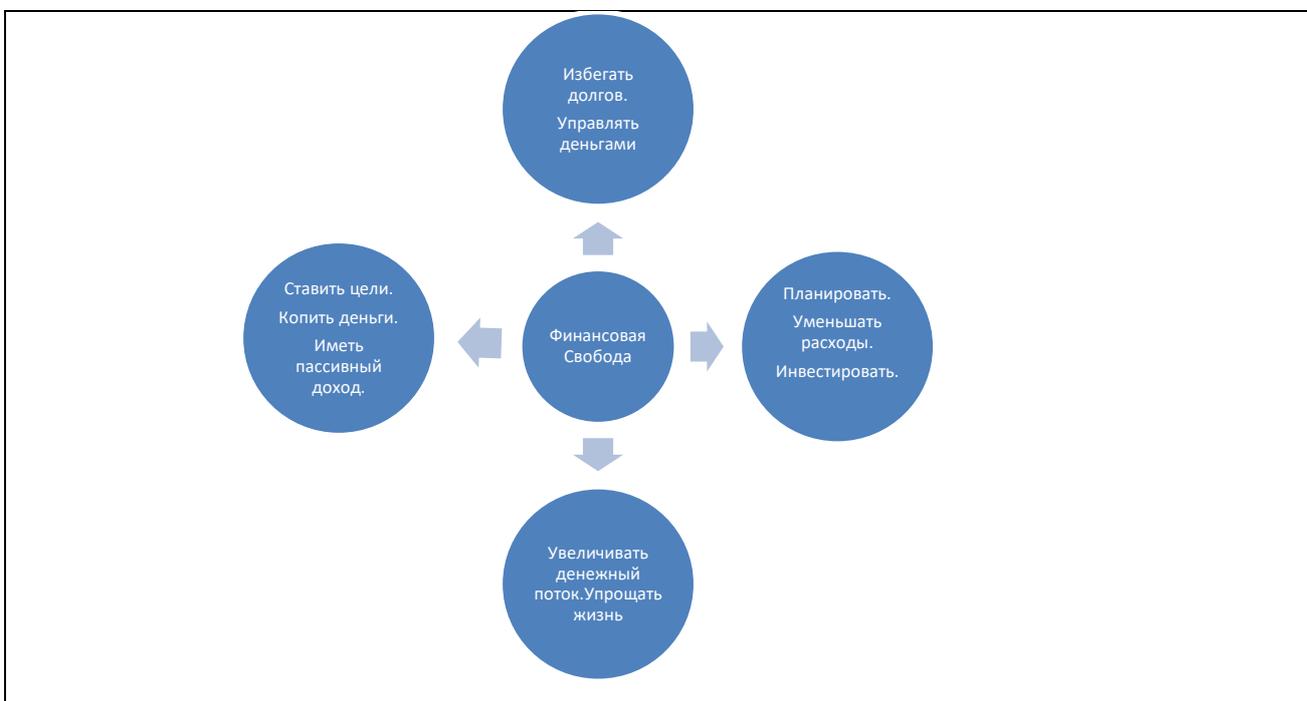
Финансовая подушка или резервный фонд — это деньги, которые вам рекомендуется иметь в резерве на случай непредвиденных расходов, таких как поломка автомобиля, замена бытовой техники или любые другие незапланированные расходы.

«Дени сак каржы»-здоровые финансы, «кара базар же рыногу»- черный рынок и др. Если возьмем, к примеру, термин «финансалык эркиндик», то можно привести следующее определение для кыргызского читателя: «Финансалык эркиндик - бул сиздин каржылык максаттарыңызга жетүү үчүн чыгымдарыңызды жабуу үчүн жетиштүү ресурстарга ээ болгон мамлекет. Бул сиз айлыкка же үзгүлтүксүз кирешеге көз каранды эмессиз жана өзүңүздүн каржыңызды кантип колдонуу боюнча чечимди эркин кабыл ала аласыз дегенди билдирет» (Тод Кристен). Для большей наглядности обратимся к визуальному представлению финансовой свободы.

Рис. 4.1. Что такое финансовая свобода (англ.яз)

Рис 4. Пример-кластер рисунка Финансовая свобода (рус.яз)

На этом рисунке через кластер хорошо видно, что из себя представляет финансовая свобода для человека. Цвет рисунка в зеленом цвете, что очень привлекательно и ярко. Это цвет денег и цвет доллара, который олицетворяет собой благосостояние, процветание, богатство, много денег, изобилие, наконец, финансовую свободу. Какие предикаты действия при этом играют важную роль в достижении финансовой свободы - поставить цели, копить деньги, иметь пассивный доход, избегать долгов, управлять деньгами, планировать,

уменьшать расходы, инвестировать, увеличивать денежный поток, упрощать жизнь. Для нас было интересно выразить это новое понятие «Финансылык термостат» - бул биздин фантазиябыз, биз үчүн кирешенин жана жыргалчылыктын кайсы деңгээлине татыктуу экенин көрсөткөн сүрөт.

Эти понятия позволяют судить о том, как язык во взаимодействии с другими языками перерабатывает и выражает своими средствами новые представления, понятия, образы свободы в контексте данной лингвокультуры. Язык является зеркалом того, как мыслят члены социума. Что касается концептов, то они выступают в первую очередь в качестве ментальных единиц. В этом смысле для нас любопытно, существует ли динамика в бытовании концептов, и как она отражается в языках.

1.4. Концепт через призму лингводидактики, колоронимов и ИДИОМ

«Сколько земли, сколько простора и света, а человеку все равно чего-то недостает, и прежде всего – свободы ...», - так писал Ч. Айтматов, обращаясь к особенностям человеческого мышления, отражающегося в языке. Мысль о том, что языку свойственна образность, была высказана учеными-лингвистами разных стран, жившими в разное время. Многие исследователи отмечали, что слово есть часть «художественного образа», вызванного живейшим импульсом, которое природа и жизнь в человеке возбудили. Корни языковой образности, очевидно, лежат не только в семантике, но и в тезаурусе, в системе знаний. Поэтому информация, касающаяся концепта «Свобода» в практическом ракурсе широко может применяться в лингводидактике.

В процессе понимания речи на изучаемом языке у иностранных учащихся активизируются накопленные *знания*, необходимые для построения речи, «работает» сформировавшаяся общезыковая картина мира. Картину мира исследователь В.И. Постовалова рассматривает как «концептуальное образование - результат человеческого опыта в конкретных языковых и

культурно-этнических условиях» [113, с.11]. При освоении иностранного языка, как считает В.И. Постовалова, происходит «либо сосуществование двух картин мира, опосредованных в одном случае родным, в другом случае – изучаемым (русским и др.) языками, либо «креолизация» этих двух картин. Последний случай означает несовершенное владение вторым языком» [113, с.16].

По нашему мнению, в процессе усвоения второго языка активно участвуют и внеязыковые знания, к которым относится «общечеловеческая картина мира, социально-этическая, научная и обыденная. Второй язык может рассматриваться как средство экспликации уже существующей картины мира, необходимым средством взаимопонимания, то есть работает весь комплекс информации и знаний» [90, с.315].

«Языковая картина мира может быть представлена в глобальном тексте, то есть всей совокупности текстов, порождаемых и порожденных обществом» - отмечал В.Г.Колшанский [68, с. 93].

С таким аргументом перекликается позиция и М.М. Копыленко, который подчеркивает, что «само по себе понятие картина мира включает в себя признак целостности и может быть реализовано в языке только в виде текста как длительного акта общения людей, поскольку изолированное слово неспособно выполнить функцию общения» [69, с.97].

В контексте нашей работы представляются релевантными положения о мультиэтнической картине мира, каковой является современная интернет-картина мира, представленная в Рунете [5, с.58] и Интернете в целом. Транскультурная специфика функционирования кыргызского языка в современных условиях взаимодействия разных культур в рамках глобализационных процессов открывает новые направления поисков для преподавания этого языка инофонам. Такой вектор лингводидактической мысли, помимо прочего, обязательно предполагает взаимодействие национальных картин мира в межъязыковой коммуникации.

О существующей универсальности законов картины мира пишет В.М. Сергеев: «Абсолютизация роли языка в познании приводит к пониманию его

концептуальной системы, особой системы знаний, которая существует как нечто вне человека, вне его познающей деятельности. Именно поэтому так важна общность картины мира для всех людей: универсальность законов ее формирования и существование создает базу для взаимопонимания. Картина мира у отдельного человека и человечества в целом меняется, и законы этой динамики универсальны: это правила формально-логического вывода, логика естественных рассуждений и др.» [121, с.15-16].

Мы думаем, что в преподавательской деятельности недостаточное внимание пока уделяется концептам. Это особенно актуально, когда речь идет о взаимодействии нескольких языков, т.е. о преподавании неродных языков. В частности, преподавание кыргызского или английского языков в иностранной аудитории чаще всего строится в лингвокультурологическом аспекте и тесно связано с явлением концепта. Концепт - это идеальная сущность, формирующаяся в сознании человека и, согласно Ю.Е.Прохорову, представляющая собой «совокупность разноуровневых элементов, объединенных для обозначения определенных фрагментов картины мира, устойчиво реализуемых в общении представителей тех или иных культур» [114, с.12]. Концепт может быть выражен в вербальных и в невербальных формах. Обычно концептом «выступает» слово, получившее статус имени концепта - языкового знака, через которое содержание концепта передается наиболее полно и адекватно (ср.: *пасха – паска майрамы-Easter, вера-ишеним-faith, любовь-махабат / сүйүү-love, золото-алтын-gold, копейка-тыйын-cent, счастье-бакыт таалай-happiness* и т.д.). Невербальное средство выражения концепта может быть показано через символ, цветовые гаммы, ср.: *white-белый*. Этот цвет в английской языковой картине мира ассоциируется с добром, радостью, честностью. *Black* означает черный. Этот цвет – противоположность белому. Он ассоциируется с тьмой, смертью, плохими событиями: *black day* -плохой день, *black look*-хмурый взгляд, *black as a hell* означает тьма кромешная. В 20 веке английское слово *black* стало ассоциироваться с незаконными действиями. Так появились выражения

black market-черный рынок, выражение которого перешло и в тюркские языки, в частности в кыргызском языке *кара базар*, *black econоту*-черная экономика, кара экономика, теневая экономика - кара-көмүскөдөгү экономика, *blackmail*-шантаж-шантаж.

Көк – синий, зеленый. Для тюркского сознания это цвет свободы, жизни и простора. В эпическом восприятии встречается образ синего волка как свободолюбивого животного. Синий цвет, также согласно тюркской мифологии, - символ священного неба и мужского начала. В восточном регионе Узбекистана одежду из ткани синего и черного цветов человек одевает во время похорон. В этом регионе Узбекистана эти цвета являются знаком траура. Самым жестоким считалось проклятие: "Надень синее! ".

Red – красный. В западнохристианской культуре красный – цвет дьявола, тогда как восточные христиане считают черный дьявольским цветом. В английском языке красный ассоциируется с кровью: выражение *to take somebody red-handed* означает «поймать с поличным», дословно – «поймать с красными (запятнанными кровью) руками». Словом *red* англичане также называют рыжие волосы.

Yellow – желтый. В английской культуре есть ассоциация желтого цвета с трусостью: трусливого человека называют *yellow-bellied* или просто *yellow*. Русское выражение «желтая пресса» – калька с английского *yellow press*.

Красный цвет – у многих народов обозначает «запрет» или ограничения вольностей. Красный цвет платья надевают невесты в Индии и в Китае, *белый цвет* - платья невесты у европейцев и большинства стран мира; *белый цвет* - платья вдовы в Индии). Невербальные концепты могут отразиться на стереотипах поведения людей, позволить определить принадлежность человека к «своему» этносу или к «чужому». Например, в Китае и Корее *белый рис* – больше, чем продукт, он символизирует достаток, чистоту души и т.п.

При обучении студентов языку и культуре учет особенности традиций намного облегчает осмысление получаемой информации. Раскрывается

значение некоторых слов и выражений чаще всего на уровне коммуникации, в процессе ситуации общения. Концепты в процессе коммуникации могут вызвать прямые и обратные связи, вызываемые у участников коммуникации. Ю.Е.Прохоров называет их «пучками» представлений, ассоциаций, образов, воспоминаний, действий и т.д., пробуждающими прямое и обратное движение смыслов, которые, попадая во все новые контексты, расширяют число наличных и возможных сочетаний и связей. Ряд концептов, рассмотренных в своей совокупности, образует концептосферу языка, в которой отражается культура нации (национальная концептосфера)» [112, с.182]. Диалог культур, выражаемый в коммуникативном поведении, способствует развитию человечества, является неременным условием нормального сосуществования человечества, необходим для всех членов общества в целях формирования взаимопонимания и сотрудничества.

В диалоге культур большое внимание уделяется двум основным факторам: национальному характеру и национальному менталитету, которые ярко выражаются в языковых единицах и в коммуникативном поведении. Национальный характер, будучи следствием отражения в психике людей общих своеобразно сложившихся условий существования нации, определяет совокупность психологических свойств и черт, которыми обладает большинство представителей нации и которые отличают ее от других наций и народов. В социальной среде формируется национальный характер, который во многом зависит от специфических природных, экономических, исторических условий страны и сохраняется у каждого народа, передается от поколения к поколению, характеризуя глубину коллективного сознания, представляя особое мышление, эмоционально-волевою и поведенческую сферу. В национально-языковой картине мира каждого народа находит свое непосредственное воплощение менталитет нации, отражающий опорные концепты, понятия, образы, символы, присущие данной нации, приоритеты и идеалы, отчасти подвергаясь изменениям под воздействием исторических обстоятельств, все-таки сохраняют свою форму и значимость в ценностях, нормах. Каждый народ отличается

своеобразным видением мира (иная вера, иной менталитет, другие традиции и обычаи, культура). В другой языковой среде обучаемые находят доступ к творениям другого национального духа, реалии других культур, изучая которые расширяют свой кругозор и формируют доброжелательное чувство интернационализма на основе взаимопонимания и взаимоуважения. В основе взаимопонимания лежит культура в разных аспектах.

В процессе соизучения английского языка и культуры студенты учатся быть способными воспринимать культурное разнообразие как норму сосуществование культур в поликультурных сообществах, видеть культурные сходства и различия между представителями различных лингвокультурных групп, осознавать свое место, роль и значимость в глобальных человеческих процессах.

Формирование коммуникативной компетенции обучающихся осуществляется чаще всего на материале пословиц, идиом, фразеологизмов и языковых афоризмов, поскольку в них ярко отражается национально-культурный способ восприятия и осмысления окружающей действительности, познавательный и социальный опыт людей. В национально-культурном колорите языка, как когнитивной памяти народа, отражается опыт его многовековых раздумий и наблюдений, духовные ценности и традиции. Для того чтобы понять культурные концепты народного творчества, считал В. фон Гумбольдт, необходимо научиться понимать содержащийся в нем особый глубокий смысл, как многовековой опыт многих поколений, поскольку в каждом языке содержится особый глубокий смысл, наработанный не одним поколением людей, благодаря чему можно постичь индивидуальное национальное своеобразие людей, что в каждом слове отражается «внутреннее языковое сознание нации» [43, с. 31-41].

Поэтичность характеризует язык на всех этапах его развития. В выражениях типа «*whiter than white*» – белее белого называют добродетельного человека. Слово *white* служит хорошей характеристикой для многих вещей и явлений: *white hope* – так называют человека, который

приносит успех, *a white lie* – ложь во спасение можно усматривать проявление «образного поэтического мышления». Словесный образ создается с помощью языковых средств, но вызывает в нашем сознании наглядные представления, позволяющие ярко и глубоко понять качественную сущность одних предметов (добродетель, человек) на основе их сопоставления с другими (ложь, успех). В английской культуре синий – цвет верности, о чем писал еще Джеффри Чосер. Некоторые лингвисты объясняют эту ассоциацию тем, что слова *true* и *blue* рифмуются. Возможно, именно поэтому в английской свадебной традиции есть предписание надевать невесте что-то голубое: *something old, something new, something borrowed, something blue*. В английском языке *синий* также считается цветом грусти: *to feel blue* означает «грустить», а название стиля *blues* происходит от этого значения. Зеленый в английском – цвет ревности: В.Шекспир называл ревность зеленоглазым чудовищем, *the green-eyed monster*.

Наиболее распространенный разряд всесторонне устойчивых фраз составляют пословицы, играющие большую роль в формировании и дальнейшем развитии литературного языка, так как они часто используются как в устной литературной, так и художественном тексте.

Пословицы, как яркое языковое явление, привлекали и привлекают к себе внимание многих лингвистов и литературоведов различных стран. Сторонники литературоведческого подхода к пословицам отмечают народное происхождение пословиц, их лаконичность, остроумие, общеупотребительность, возможность переосмысления значения. Для пословиц, по их мнению, характерны следующие черты: ясность, краткость, образность, обобщенность смысла, законченность мыслей, сжатость и т.д.

С середины XX в. в связи со становлением фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины проблема соотносительности пословиц и поговорок с другими видами фразеологических оборотов решается с качественно новых позиций. Это вызвано, в первую очередь, стремлением фразеологов уточнить границы фразеологии. Вопрос о том, относятся ли

пословицы к фразеологии, решается учеными по-разному в зависимости от понимания ими сущности фразеологического оборота как языковой единицы. По данному вопросу среди ученых нет единого мнения.

Противники признания пословиц фразеологическими единицами исходят в основном из их структурного своеобразия. Если пословицы имеют структуру предложения, то так называемые номинативные фразеологические обороты - структуру словосочетания. На этом основании исследователи, считающие фразеологическими оборотами только единицы номинации, исключают пословицы из состава фразеологии. Не все исследователи включают пословицы во фразеологию на том основании, что они отличаются от других фразеологических единиц синтаксической завершенностью и представляют собой грамматически оформленное суждение; в основе их целостного смыслового содержания лежат не понятия, а суждения, тогда как в основе лексического значения фразеологизма то или иное понятие; смысл их может быть передан только предложением (нередко развернутым), тогда как значение фразеологизма передается словом или словосочетанием; в состав фразеологии входят только поговорки, так как пословицы как фольклорный жанр во всей их совокупности не могут являться объектом толкования во фразеологическом словаре. Большинство лингвистов разделяет мнение о том, что отнесение к фразеологическим оборотам или, наоборот, выведение за пределы фразеологии тех или иных устойчивых сочетаний, обусловлено не тем, номинативные или коммуникативные это единицы, а тем, соответствуют ли они основным признакам фразеологичности. Признание пословиц и поговорок единицами фразеологического фонда прослеживается в работах Г.Л. Пермякова [103, с.31], В.Н.Телии [132, с.80-86].

Мы разделяем мнение исследователей, включающих пословицы, поговорки и простые выражения во фразеологический состав языка, придерживаясь в этом вопросе точки зрения Н.М. Шанского: «Отнесение тех или иных сочетаний слов к фразеологии или, напротив, выведение их за пределы фразеологических оборотов обуславливается не тем, номинативные

это единицы или коммуникативные, а тем, извлекаются они из памяти целиком или создаются в процессе общения» [139, с.160]. Мы не создаем пословицу по моделям, варьируя лексический материал, а берем ее в готовом виде такой, какая она есть в системе языка. Все номинативные фразеологические единства характеризуются тем, что имеют обобщенную и целостную семантику. Пословицам также все это присуще, т.к. они не членимы и обладают обобщенным актуальным значением, причем обнаруживая некоторую специализацию своей семантики. Это демонстрируют пословицы, даже если они необразны, а употребляются в буквальном смысле; ср. расширенно-обобщенную семантику пословицы: *«Самая короткая дорога – прямая»*.

В настоящее время ученые-фразеологи определяют фразеологический оборот через набор дифференциальных признаков. Проблема определения основных, определяющих признаков фразеологизма решается лингвистами по-разному: Н.М.Шанский основным признаком считает воспроизводимость [139], О.С.Ахманова - цельность номинации [15], А.В.Кунин - фразеологическую устойчивость [78], М.М.Копыленко - устойчивость и идиоматичность [69], А.И.Молотков - лексическое значение, компонентный состав [89].

Вслед за В.В.Виноградовым, который, придав большое значение «воспроизводимости по традиции», а также Н.М. Шанским, обосновавшим тезис о воспроизводимости в одной из своих работ, считаем, что основным, определяющим свойством фразеологического оборота является воспроизводимость, обобщенность, идиоматичность семантики [33, с.14-20].

Вслед за Н.М. Шанским и другими лингвистами мы считаем, что «фразеологический оборот - это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [139, с.20].

Рассмотрим пословицы через призму фразеологизмов, т.е. с позиции соотношения их критериям фразеологичности. Как и номинативные фразеологические обороты, коммуникативные фразеологические обороты, в

том числе пословицы, функционируют в языке в готовом виде, т.е. они не создаются в процессе общения, а воспроизводятся из памяти «в готовом виде с закрепленным и строго фиксированным значением, составом, структурой» [139, с.21]. Свойством воспроизводимости объясняется устойчивость фразеологизмов. Мы рассматриваем устойчивость пословиц на лексическом, синтаксическом уровнях в третьей главе диссертационного исследования.

Общей с фразеологизмами является и такая особенность исследуемых единиц, как целостность значения. Целостность значения фразеологической единицы - это ее неразложимость, нечленимость на составные части. Если это произвести, то наступает момент дефразеологизации. Для фразеологического выражения важно смысловое слияние, "растворимость" значения компонентов в общем значении выражения. Пословицы обладают целостным значением, не зависимым от значения составляющих их компонентов даже тогда, когда это значение соответствует сумме значений компонентов [130, с.45].

«Раздельнооформленность, сверхсловность и неоднородность - это признаки фразеологизмов применительно к пословицам не требуют доказательств. Пословицам присущи и такие признаки фразеологичности, как, например, эмоционально-экспрессивная выразительность, оценочность, образность. Самой типичной лексико-семантической чертой пословиц является образность. Не являясь их обязательным атрибутом, образность все же присуща большинству употребительных китайских пословиц. [130, с. 59].

Таким образом, пословицы обладают полным комплектом дифференциальных признаков, характеризующих фразеологический оборот, следовательно, их с полным правом можно отнести к разряду фразеологических оборотов. Назовем признаки, выделяющие пословиц в особую группу фразеологизмов.

Во-первых, их структурно-грамматическое своеобразие. Пословицы - это коммуникативные фразеологические обороты, соотносительные со структурой простого или сложного предложения. Являясь предложениями по своей структуре и значению, пословицы обладают смысловой и интонационной

законченностью, категориями предикативности и модальности.

Различаются пословицы и фразеологические обороты *номинативного характера* и с точки зрения их значения: в основе целостного значения пословиц лежат не понятия, а суждения. Смысл пословиц может быть передан только предложением, в то время как смысл фразеологических оборотов может быть передан словом, словосочетанием (нередко развернутым).

Группа пословиц, имеющая только буквальный смысл, или употребляющаяся в буквальном смысле (если это двуплановая пословица), обладает синтаксической членимостью и состоит из слов с определенным лексическим значением: *Live and learn* - Век живи, век учись; *As you make your bed, so you must lie in it* - Что посеешь, то и пожнешь и др.

Важнейшим признаком пословиц является обобщенность их значения. Пословица несет в своем значении обобщенный характер высказывания, поэтому она может быть применима не к одной какой-либо ситуации, а ко многим схожим. Рассмотрев пословицы с позиции их соотношения критериям фразеологичности, отметим, что пословицы обладают всеми признаками фразеологических оборотов: воспроизводимостью, целостным значением, устойчивостью значения, состава и структуры, раздельнооформленностью, сверхсловностью, а также характеризуются образностью, оценочностью и экспрессивностью.

Пословицы, поговорки и крылатые фразы тесно переплетены и взаимосвязаны, но, несомненно, они различаются между собой. Пословицы - всесторонне устойчивые фразы, в обобщенном виде констатирующие свойства людей и явлений, дающие им оценку или предписывающие образ действий. Элементом их содержания является «цитатность», т.е. ссылка на авторитет общепринятого мнения [104, с. 41]. Поговорки - это литературно-разговорные, обиходно-разговорные и просторечные всесторонне устойчивые фразы, способные выражать только частный смысл. Поговорки не содержат обобщений о закономерных связях действительности, как пословицы, и применимы лишь к единичным, конкретным ситуациям [104, с.73]. Пословицы,

в нашем определении, коммуникативно законченные, всесторонне устойчивые, идиоматические фразы обобщающего характера. К поговоркам мы относим коммуникативно законченные, всесторонне стабильные идиоматические устойчивые фразы непословичного и нецитатного характера с частным типом семантики.

В английском языке также имеют важное значение фразеологические идиомы. Идиома определяется как «составная часть или ряд составляющих, для которых семантическая интерпретация не является композиционной функцией формативов, из которых она состоит» [154, с.22]. Идиоматика является темой некоторых исследований и исследований в области лингвистики, психолингвистики, психологии развития и нейропсихологии [143]. «Важность идиом в любом языке не подлежит сомнению. Их повсеместное распространение делает их чем угодно, только не маргинальным явлением, и, несомненно, лингвистическая теория обязана объяснить их естественным образом» [145; 111].

Считается, что чем больше слов знает учащийся, тем более опытным он является в процессе изучения языка [158; 163]. Это предположение не учитывает различные комбинационные возможности слов [149]. Успешное овладение языком включает в себя важнейший компонент изучения шаблонных последовательностей, таких как идиомы, словосочетания и сложные слова [171]. Идиомы придают языку разнообразие и воображение [147], а их изучение воплощает изучение культуры [148; 156; 166]. Изучение идиом может привести к уровню владения языком, сравнимому с уровнем владения языком, поскольку идиомы изучаются порциями и, следовательно, они без колебаний извлекаются из памяти учащихся, что может привести к беглости речи [142; 144; 160; 170]. С другой стороны, когда изучающие язык изучают слова индивидуально, им может потребоваться больше времени, чтобы вспомнить их и составить правильные предложения. Переводчики или преподаватели языка не могут позволить себе игнорировать идиомы или идиоматичность, если их целью является естественное использование языка [152].

Кроме того, идиомы считаются особым видом лексических единиц. Лексические единицы представляют собой «социально санкционированные независимые единицы». Язык не определяется индивидуально; это скорее социальное явление. Льюис (1993) подчеркнул важность «лексического подхода» в преподавании и изучении языка. Согласно этому подходу, хотя язык можно подразделить на предложения, обороты, морфемы и фонемы, «лексические единицы» можно рассматривать как минимальные единицы для определенных синтаксических целей. Более крупные последовательности слишком велики для анализа, а более короткие — слишком короткие. Многословные единицы можно анализировать, но исследователи [159; 164] считают, что эти единицы следует воспринимать как единое, неанализируемое целое, что, в свою очередь, весьма важно в процессе преподавания и изучения языка.

Корпусная лингвистика может внести большой вклад, помогая проектировать и разрабатывать более аутентичные и систематические материалы с использованием обширных корпусов, которые обычно являются лучшими представителями целевого языка. В связи с этим настоящее исследование было направлено на поиск тематического указателя из 1506 идиом по 81 категории в конце Оксфордского словаря идиом в крупнейшем свободно доступном корпусе, то есть Корпусе современного американского английского языка (СОСА), состоящем из более 520 миллионов слов. Однако более современный подход к улучшению преподавания и изучения идиом состоит в том, чтобы представить их по категориям их общих тем. Чтобы сосредоточиться на наиболее часто используемых идиомах различных тем в реальных контекстах, преподаватели и изучающие английский язык могут извлечь пользу из этого списка идиом в Британском Национальном Корпусе и Корпусе современного американского английского языка для научных материалов и классных занятиях.

Ценности свободы выражаются в следующей английской идиоме *Have your say* – «высказывать своё мнение о чём-либо», во внутренней форме

отображается возможность словесного высказывания, 35 контекстов употребления.

We have a lot of people voting. You have about three minutes *to have your say* in tonight's live votes (spok: Fox on the record with Greta Van Susteren 10:00 pm EST, 2008) [BNC]. У нас есть много голосующих людей. У вас есть приблизительно три минуты, *чтобы высказаться* в сегодняшних живых голосах. ...it's going to be cool to actually be able to be involved with the next election and *have your say* (spok: NPR_ATC, 2007) [BNC]. Будет очень хорошо на самом деле быть в состоянии принять участие в следующих выборах и *высказаться*. Свобода слова – «право граждан свободно выражать мысли, убеждения в устной и письменной форме». Распространение современных информационных технологий, которому мы будем всячески содействовать, даёт беспрецедентные возможности для реализации таких фундаментальных политических свобод, как свобода слова и собраний. Во всех идиомах прослеживается метафорическая модель «свобода слова – открытость». Актуальное значение также вытекает из лексического состава, связанного с речевой деятельностью.

Свобода выбора затрагивает такие аспекты, как выбор поведения, решений. Следующие идиомы отражают политику управления, ценность реформ.

Open-door policy – «1) политика, позволяющая людям и товарам свободно прибывать в страну, 2) решение тех, кто у власти, быть доступными в любое время всем, кто хочет с ними поговорить», 118 контекстов употребления.

The Hungarian leader blamed Germany for the crisis, saying that its *open-door policy* toward Syrian asylum-seekers was propelling a wave of migrants to undertake dangerous journeys toward Europe's heart (NEWS: Washington Post, 2015) [BNC]. Венгерский лидер обвинил Германию в кризисе, заявив, что её *политика позволяющая людям и товарам свободно прибывать в страну* сирийских просителей убежища подталкивает волну мигрантов предпринимать опасные поездки к сердцу Европы.

Несложно просчитать, к каким макроэкономическим последствиям

приведёт эта «политика открытых дверей», если можно её так назвать (Не вспугните капитал! // «Итоги», 2003.03.11) [НКРЯ]. Выражение «Политика открытых дверей» восходит к американской политике, проведённой в Китае в отношении рынка. В современных контекстах ассоциации связаны со свободой передвижения.

Английская идиома *show / fly / wave the flag* – «показывать поддержку своей стране, организации или идеи, чтобы вдохновить или убедить других делать также». Идиома выражает идею патриотизма. *show* – 24 контекста, 30 контекстов с *fly*, *wave* – 18. Фрейм ‘показать флаг’ и фрейм ‘показывать поддержку’ стране связаны общим слотом «показать национальной символ, обозначающий принадлежность к стране».

Например, в предложениях: In the 2004 elections, “the Republicans had no trouble asserting their own patriotism; it was automatic that they were patriotic,” says Professor Nunberg. “So they didn’t really have to defend themselves against charges of being unpatriotic” the way the Democrats did. Democrats need to push a mission. Today, Nunberg says, the answer for Democrats is *not to fly the flag* more ostentatiously”. They have to reclaim patriotism in a new sense of American mission, “he says (News: Christian Science Monitor, 20060705) [BNC]. На выборах 2004 года, «республиканцы не испытывали никаких затруднений при утверждении их собственного патриотизма; они автоматически были патриотичны», говорит профессор Нунберг. «Таким образом, им не нужно было на самом деле защищать себя от обвинений в не патриотичности», как это делали демократы. Демократы должны выдвинуть миссию. Сегодня, Нунберг говорит, ответ для демократов – не для вида заявлять о своей преданности стране. «Они должны провозгласить патриотизм в новом смысле американской миссии», – говорит он.

Play hardball – «способ поведения, особенно в политике, который показывает, что человек намерен получить то, что хочет», «играть жестоко, агрессивно», 95 контекстов. Метафора пришла из игры в бейсбол, в которой жёстким мячом играют профессионалы. “There’s not a judge in town who’d issue

you an arrest warrant. Or a prosecutor who'd take the case.” “You want *to play hardball*? I can do that too. I have enough to go on to reopen the file. I can take Chomby in for questioning, break him down. Break down the so-called witnesses who gave him his alibi” (Analog Science Fiction & Fact, 2011) [BNC]. Нет судьи в городе, который выдал бы вам ордер на арест. Или обвинитель, который взял бы дело. Вы хотите *играть жёстко*? Я тоже так могу. У меня достаточно всего, чтобы вновь открыть файл. Я могу вызвать Чомбли на допрос, сломать его. Сломать так называемых свидетелей, которые предоставили ему алиби. The grass roots – «простые люди в организации, например, политическая партия или профсоюз, не чиновники, должностные лица», 248 контекстов.

Корни травы сравниваются с народом, простыми людьми. And you have, at *the grass roots*, where the people actually matter, in other words, where people actually vote, hundreds of parties this weekend Ready for Hillary (SPOK: ABC, 2015 (150208)) [BNC]. И у вас есть в широких массах, где люди на самом деле имеют значение, другими словами, где люди на самом деле голосуют, сотни партий в эти выходные готовы поддержать Хиллари.

В контекстах употребления идиом были выявлены семантические свойства идиом: приобретение дополнительных значений, регулярная сочетаемость идиом с теми или иными лексемами в контекстах. Синонимичные идиомы в контекстах обнаруживают значимые различия, обусловленные внутренней формой. Корпусный анализ при этом показывает современное восприятие тех же ценностей в контекстах, как и особенности употребления идиом. Свобода слова представлена как свободное выражение мнения, отношения к делу, как заявление о своей позиции в каком-либо вопросе, как возможность устного выступления, призыва к справедливости. Свобода выбора и политической активности акцентированы на проведении реформ, форм поведения в политической жизни, в которых также высвечивается ценность патриотизма и поддержки.

В этой работе мы рассмотрели двенадцать популярных английских финансовых идиом, которые составляют неотъемлемую часть финансового

аспекта концепта “Свобода”, представляют финансовую свободу, их происхождение и значение. Итак, рассмотрим мир английских «денежных» идиом. Деньги – это тема, которая так или иначе затрагивает повседневную жизнь каждого человека. Неудивительно, что «денежные» идиомы и выражения глубоко укоренились в английском языке.

1. *Balance the books* –подводить баланс

Наша первая денежная идиома — это бухгалтерский термин, который означает «закрывать счета в конце отчетного периода, согласовав суммы их дебетовой и кредитной сторон и, таким образом, определить прибыль или убыток, полученный за этот период».

For example: “Nancy works in the accounting department, and at the end of every three months she *has to balance the books.*”

Например: «Нэнси работает в бухгалтерии, и регулярно каждые три месяца ей *приходится подводить баланс*».

2. *Bring home the bacon* - зарабатывать достаточно денег, чтобы заботиться о своей семье

Эта английская идиома означает «зарабатывать достаточно денег, чтобы заботиться о своей семье».

For example: Carol stays home and takes care of the children, and her husband Jack *brings home the bacon.*

Например: Кэрол остается дома и заботится о детях, а ее муж Джэк *зарабатывает достаточно денег, чтобы заботиться о своей семье* .

3. *Go Dutch* - каждый платит за себя

Выражение «Go Dutch» означает, что каждый платит за себя (обычно в ресторане). Его часто используют, когда пара идет на свидание.

For example: You paid for dinner last Wednesday. This time let’s *go Dutch*, okay?

Например: Вы заплатили за ужин в прошлую среду. На этот раз *каждый платит за себя* , ладно?

4. *Gravy train* - Кормовой поезд

Эта денежная идиома относится к занятости. Это значит, что человек зарабатывает много денег, но мало работает.

For example: Lucky Tim! His job is a real *gravy train*.

Например: Счастливчик Тим! Его работа – настоящий *кормовой поезд*.

5. *Nest egg* - Хорошие сбережения

Я думаю, что у многих из нас есть (или были) сбережения. Выражение относится к деньгам, которые откладываются для особого случая или выхода на пенсию.

For example: I've been saving money for many years so I'll have a nice *nest egg* when I retire.

Например: Я много лет копил деньги, поэтому, когда выйду на пенсию, у меня будут *хорошие сбережения*.

6. *Cook the books* - Фальсифицировать бухгалтерские отчеты

Эта фраза используется для описания нечестного бухгалтера или счетовода. Это означает «фальсифицировать информацию в бухгалтерских или финансовых отчетах».

For example: Steve was fired when the board of directors found out he *was cooking the books*.

Например: Стива уволили, когда совет директоров узнал, что он *фальсифицировал бухгалтерские отчеты*.

7. *Golden handshake* - крупная сумма денег в качестве выходного пособия

Это идиоматическое выражение означает, что работника – обычно высшего руководства – увольняют или досрочно уходят на пенсию, и ему выплачивается крупная сумма денег в качестве выходного пособия.

For example: The Apple Company gave 400 of its employees *the golden handshake* last week.

Например: На прошлой неделе компания Эпл наградила 400 своих сотрудников *крупной суммой денег в качестве выходного пособия*.

8. *Cheapskate*- Скряга

Эта денежная идиома используется для описания скупого человека; тот, кто не щедр на деньги; тот, кто не любит тратить деньги.

For example: William is such a *cheapskate*!

Например: Вильям такой *скряга*!

9. *Money doesn't grow on trees* -Деньги не растут на деревьях

Многие родители говорят это своим детям, которые просят купить им что-нибудь или постоянно тратят деньги. Это означает, что не существует бесконечного запаса денег, на которые можно купить все, что хочешь (еще одна идиома для людей, рожденных в деньгах, — «рождаются с серебряной ложкой во рту»).

For example: “Mum, I want all these computer games. Please, buy them for me!”

“Calm down, Paul, *money doesn't grow on trees*. I can buy only one of them, so decide which one you want.”

Например: «Мама, я хочу все эти компьютерные игры. Пожалуйста, купите их для меня!» «Успокойся, Пол, *деньги не растут на деревьях*. Я могу купить только один из них, так что решай, какой тебе нужен».

10. *Money to burn* –Лишние деньги

Если у кого-то денег больше, чем ему нужно, и он может купить ненужные или несерьезные вещи, говорят, что у него есть «лишние деньги, которые можно с лихвой потратить».

For example: Mr. Shake bought a new Ferrari last week. He's *got money to burn*.

Например: на прошлой неделе мистер Шейк купил новый Феррари. У него *есть лишние деньги, которые можно с лихвой потратить*.

11. *Tighten your belt*- затянуть пояс

Эта денежная идиома относится к ситуации, противоположной предыдущей идиоме. Когда у человека мало денег – меньше, чем ему нужно для жизни, – ему нужно «затянуть пояс» – иными словами, исключить некоторые расходы, жить с меньшими деньгами, меньшим количеством еды (отсюда и необходимость «затянуть пояс», потому что он становится тоньше) и т. д.

For example: We were both laid off, so it looks like we'll have *to tighten our belts* until we find work.

Например: Нас обоих уволили, так что, похоже, нам придется *затянуть пояса*, пока мы не найдем работу.

12. *Live from hand to mouth* -жить впроголодь

Последняя идиома в нашем списке означает «зарабатывать очень мало денег; едва зарабатывать настолько, чтобы оплатить расходы на жизнь». Противоположностью этому является история «из грязи в князи», что означает переход от бедности к богатству.

For example: Since the economy took a downturn, *we've been living hand to mouth*.

Например: С тех пор, как в экономике произошел спад, *мы живем впроголодь*. Рассмотрев последние идиомы, подытоживаем цитатой Марка Твена что «Недостаток денег – корень всех зол» .

В заключение отметим, что денежные идиомы и выражения, которые относятся к финансовой свободе, являются неотъемлемой частью английского языка, и понимание их значений может значительно улучшить наши коммуникативные навыки.

Далее, рассмотрим кыргызские пословицы о деньгах и богатстве:

Труд

1. *Байлыктын атасы — эмгек, энеси — жер.*

Перевод на русский (дословно):

Отец богатства — труд, мать богатства — земля.

Эквиваленты на русском:

Без труда счастья не бывает.

Деньги, богатство

2. *Дунүйө бир тыйындан куралат.*

Перевод на русский (дословно):

Богатство по копейке создается.

Эквиваленты на русском:

Береженная копейка рубль бережет.

3. *Акча деген — суу.*

Перевод на русский (дословно):

Деньги как вода.

Эквиваленты на русском:

Деньги, что гости: то нет, то горсти.

Деньги как вода: плывут неизвестно куда.

4. *Артык дөөлөт баш жарбайт.*

Перевод на русский (дословно):

Лишнее богатство голову не сломит.

Эквиваленты на русском:

Запас — мешку не порча.

Запас пить-есть не просит.

5. *Байлык мурат эмес, жокчулук уят эмес.*

Перевод на русский (дословно):

Богатство — не цель, бедность — не позор.

6. *Байлык — өтөт, кедейлик — кетет.*

Перевод на русский (дословно):

Богатство, проходящее, бедность уходящее.

Эквиваленты на русском:

Век протянется, всем (всякому) достанется.

Жизнь жизни рознь,

Человек, семья

7. *Дүнүйө адамды таппайт, дүнүйөнү адам табат.*

Перевод на русский (дословно):

Не богатство творит человека, а человек творит богатство.

Эквиваленты на русском:

Не горюй о деньгах, не они нас нашли, а мы их.

Деньги дело наживное.

Торговля, базар

8. *Дыйкандын түбү — кенч, соодагердин түбү — борч.*

Перевод на русский (дословно):

Земледелие ведет к богатству, а торговля ведет к долгу.

Эквиваленты на русском:

В землю крошки — из земли лепешки.

Торговали — веселились, подсчитали — прослезились.

Дружба

9. *Байлык — байлык эмес, бирдик байлык.*

Перевод на русский (дословно):

Богатство — это не богатство, богатство — в дружбе.

Эквиваленты на русском:

Доброе братство милее богатства.

Город

10. *Акча шаар жерине жарашат.*

Перевод на русский (дословно):

Деньги городу к лицу.

Эквиваленты на русском:

Купил не купил, а поторговать можно.

Ум

11. *Акыл байлыгы — азбас байлык.*

Перевод на русский (дословно):

Умственное богатство — неисчерпаемое богатство.

Эквиваленты на русском: Знание границ не знает.

Здоровье

12. *Биринчи байлык — ден соолук, экинчи байлык — ак жоолук, үчүнчү байлык — жүз соолук.*

Перевод на русский (дословно):

Первое богатство — здоровье, второе богатство — жена, третье богатство — сто овец.

Эквиваленты на русском:

Ум да здоровье всего дороже.

Мы исследовали по 12 популярных денежных идиом и пословиц, а также их происхождение и значение, которые обогащают словарный состав, подсказывают нам пути решения, направления, отношения к той или иной концепции восприятия к успеху, достижения в финансах, достатку или позитивному мышлению. Эти английские идиомы и кыргызские пословицы предлагают также увлекательное представление об истории и культуре финансов в этих странах. Поэтому в следующий раз, когда вы услышите, как кто-то использует одну из этих идиом или пословиц, вы можете произвести на него впечатление своими знаниями об их происхождении и значении. Формирование культурных коннотаций связано с ролью данных слов в жизни носителей языка, их ролью в жизни, религии, мифологии, фольклоре, а также свойствами и образами самих реальных предметов и ассоциациями, которые они вызывают. При этом в культуре других народов эти слова обозначают лишь конкретные вещи, не вызывающие никаких дополнительных ассоциаций.

Все это говорит о том, что у обучающихся языку нарабатывается системный комплекс лингвистических и экстралингвистических знаний наиболее эффективно строить на материале пословиц и фразеологических единиц, поскольку в них ярко отражается характерный способ восприятия и осмысления окружающей действительности, культурно-познавательный и социальный опыт людей, тем более в национально-культурном колорите языка, как когнитивной памяти народа, отражается опыт его многовековых раздумий и наблюдений, духовные ценности и традиции.

Чтобы понять культурные концепты народного творчества необходимо научиться понимать содержащийся в нем особый глубокий смысл, сформировавшийся многими поколениями. Еще В. фон Гумбольдт пытался постичь индивидуальное национальное своеобразие людей, исходя из того, что в каждом языке содержится особый глубокий смысл, наработанный веками данным народом. В каждом слове, по утверждению Гумбольдта, отражается «внутреннее языковое сознание нации» [42].

Фразеологическая система любого языка представляет собой самобытное, сложное, комплексное явление, относящееся не только к языку, но и явление, существующее и развивающееся в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, опытом его духовной и практической деятельности.

Национально-культурная специфика пословиц и фразеологизмов связана с проблемами изучения соотношения языка и мышления, языка и культуры. У каждого народа свое восприятие мира, обуславливающее его исторический опыт, культуру, традиции, стереотипы, эталоны. Каждый народ обладает своей «ментальной картой», с помощью которой происходит его психолингвистическая и психосемантическая ориентация в окружающем мире и реализуется его креативная функция в организации и совершенствовании этого мира.

Фразеология - это та область, в которой наиболее ярко проявляется национально-культурное своеобразие и особенности семантики языка. Естественно, что существуют и различные подходы и методы исследования данной проблемы. Так, лингвострановедческий подход эффективен для изучения в языке безэквивалентной лексики и обязательно при наличии фоновых знаний в качестве основы языкового общения. Контрастивный подход позволяет в сопоставлении фразеологических единиц разных языков и анализа имеющихся соответствий в другом языке выявить структурно-семантические особенности и различий, которые и определяют национально-культурную специфику фразеологических эквивалентов. Широко распространенный на сегодняшний день лингвокультурологический подход ориентирован на исследование взаимосвязей между фразеологизмами и знаками культуры - символами, стереотипами, эталонами. При этом фразеологизмы не только отражают знаки национальной культуры, но и благодаря своим особым семантическим свойствам - устойчивости и воспроизводимости - сохраняют и передают их из поколения в поколение, участвуя в формировании национального сознания, национальной ментальности. Фразеология может рассматриваться с точки зрения изучения

всех видов устойчивых словосочетаний как непредикативного, так и предикативного типа и в не зависимости от того, образны, идиоматичны они или нет и многие другие. Мы разделяем точку зрения лингвиста Пивкина С.Д. в том, что «Лингвокультурологический компонент предполагает хорошее владение родным языком, знание иностранных языков и стремление адаптироваться к многоязычной среде в профессиональном сообществе, то есть усвоение профессионального подязыка, развитие тезауруса и языкового сознания, а также наличие этнокультурного самосознания, стремление к этнокультурному разнообразию, знание материальной и духовной культуры мира (языковой картины мира)» [102, с.35] .

Г.Л. Пермяков установил, что пословицы и поговорки - не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами. Отсюда он сделал вывод о необходимости разработать классификацию самих ситуаций. Дальнейшее изучение пословиц и поговорок помогло Г.Л. Пермякову уяснить их место в ряду других языковых и фольклорных клише, глубже разобраться в их внешней и внутренней структуре. В работе «К вопросу о структуре паремиологического фонда», говоря о тематике пословичных изречений, автор показывает, что подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов. К числу таких инвариантных тематических пар относятся «Большое-Малое», «Близкое-Далекое», «Хорошее-Плохое», «Старое-Молодое» и многое другое [100, с. 54] .

Используя понятия конструктивного типа предложений и мотивировки общего значения, Г.Л. Пермяков разделил все типы фольклорных клише на синтетические и аналитические формы и описал их свойства. Он прояснил вопрос о тематике паремий, показав, что она заключается в инвариантной паре противоположных сущностей, к которым сводится смысл употребляемых в той или иной паремии образов [100, с. 54] .

Выводы по первой главе:

Антропоцентризм в настоящее время уверенно занимает лидирующие позиции в исследованиях лингвистов. Как следствие одним из популярных понятий у современных авторов стало понятие концепта. Введение в понятийно-терминологический аппарат современных лингвистических исследований термина „концепт“ явилось результатом сдвига в ориентациях на исследования антропоцентрического характера, в которых исследователи стали стремиться осмыслить закономерности познания человеком окружающего мира и закрепления этого познания в своем языке. Существует множество определений концепта.

Экстенсивный подход к изучению концептов применительно к разным лингвокультурным традициям обусловил разнообразие подходов к его определению. В современной лингвистике наблюдается большой разброс дефиниций концепта. Он колеблется от простой констатации в качестве ментальной единицы до калейдоскопического диапазона своего содержательного наполнения [4, с. 21]. Говоря обобщенно, концепт выражается во всей ткани языка при его реализации в речи: словами (лексически), фразеологизмами, поговорками и синтаксическим контекстом.

Исследователи концептов сходятся в том, что вопросы исследования любого концепта сопряжены с понятием языковой картины мира. Более того, актуальность осмысления характеристик языковой картины мира усиливается при сопоставительном обращении к конкретному концепту на материале двух или более языков.

Динамичность концепта свободы – факт в такой же степени неоспоримый, сколько и нуждающийся в описании и осмыслении. Обратимся к следующему английскому примеру:

The best things in life are free. - Самые лучшие вещи в жизни бесплатны.

Это английская пословица, активно вошедшая в употребление в начале 20-го века первоначально из названия песни Бадди Де Сильвы и Лью Брауна. Содержание поговорки первоначально в восприятии тюркоязычных читателей не отличалось той актуальностью и емкостью, которую отмечают англоязычные реципиенты. Однако с переходом на рыночные отношения и особенно в наше время семантика поговорки раскрывается в полном объеме.

Значительные изменения в мышлении людей стали заметны с середины 80-х годов ушедшего столетия. Связаны они были с такими словами из русского языка, как «перестройка», кырг. «кайра куруу», «застой», кырг. «токтоп калуу», «гласность» кырг. «жарыялоо», «свободный челнок-человек в торговле» , кырг. «соода-сатык тармагындагы эркин жүргөн челнок-адам». «Челнок — торговцы товарами широкого потребления мелким оптом и в розницу методом «челночной» торговли: самостоятельная доставка мелкой партии товара с места закупки, быстрая реализация на «своём» рынке, следующая поездка по тому же маршруту» (Вик) и др. Именно через эти слова и стоявшие за ними значения по-новому стало осмысляться понятие свободы. Через русский язык возникли новые грани восприятия мира и места свободного человека в нем. Во многом это были экономические и культурные аспекты.

При обращении к исследовательским проблемам выявления языковой картины мира важно обращение ко всей языковой ткани речевых произведений. Целесообразно обращение к различным уровням и единицам языка. Обращение только к лексико-поговорочному уровню обуславливает поверхностное обнаружение фактов языковой картины мира. Чтобы понять устоявшиеся закономерности этнически своеобразного осмысления мира, на наш взгляд, важно также обращение к грамматическим репрезентантам языковой картины мира. Это тем более важно, если в исследовании сопоставляются не родственные языки.

Концепт «Свобода» входит в число ключевых концептов во многих лингвокультурах. Английская и тюркские лингвокультуры в этом смысле не составляют какого-либо исключения. При обращении к данному концепту

обычно и традиционно во главу угла ставится его функционирование и использование в политическом дискурсе.

Наши исследовательские интересы в большей степени связаны с процессами эксплуатации и трансляции затронутого концепта в гражданском социодинамическом аспекте [ср. 4, с. 163]. Поэтому мы больше были вынуждены обращаться к ценностному компоненту концепта и процессам сдвигов акцентов в этом малоизученном аспекте.

Следовательно, схематически существование свободы в сознании может быть представлено в виде цепочки «потребность (желание) — свобода — комфорт (счастье)». Если потребность не познана или не ценна для человека, то не существует и ситуации несвободы, связанной с ней.

«Рационалистический» когнитивный подход снимает многие противоречия и парадоксальные интерпретации свободы, разделяя ее на общечеловеческую и личностную и учитывая приоритет той или иной потребности в личном жизненном пространстве человека [119, с. 14].

Сопоставительный характер работ лингвокультурологического цикла создает предпосылки для осмысления взаимодействия концептов в пространстве нескольких культур. По сути речь идет о межкультурных процессах в современном глобализирующемся мире, когда меняются многие представления, понятия и концепты в сознании людей.

Мы обращаемся к материалу, который создается что называется буквально на наших глазах. Этим обусловлено наше обращение к таким понятиям, как, например, «финансалык эркиндик», «финансалык термостат», «экономикалык өнүгүү» и др. Они позволяют судить о том, как язык перерабатывает и выражает своими средствами новые (заимствованные) представления, понятия, образы в контексте данной лингвокультуры. Естественно, что при этом нельзя оставлять вопросы взаимодействия одного языка с другими. Языков,

функционирующих в полной изоляции, в настоящее время просто не существует, если, конечно, не иметь в виду какие-либо затерянные территории.

Для нашего случая актуальным является то, что при транзите акциональных компонентов концепта свободы из англоязычной лингвокультуры для кыргызской лингвокультуры посредническую роль часто выполняет именно русский язык. В качестве примера можно обратиться к понятию «финансалык термостат». Оно отражает сдвиг в сторону экономического осмысления свободы, пришедший из западных лингвокультур. Но само осмысление происходит сквозь призму русской лингвокультуры.

Таким образом, роль русского языка как «окна в мир» осуществляется, на наш взгляд, и при современном лингвокультурном взаимодействии. На наш взгляд, возможно говорить о своеобразной посреднической роли русского языка при трансляции ментальных единиц из англоязычных культурных систем. Мы можем это наблюдать, в частности, при сопоставлении вербализации концепта «Свобода» в английском и кыргызском языках.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА «СВОБОДА» В АНГЛИЙСКОМ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

2.1. Концепт «Freedom/Эркиндик» как объект исследования

В заголовок темы нашей работы вынесено словосочетание «концепт свободы». А в названии настоящего параграфа выставлено словосочетание *концепт «Freedom/Эркиндик»*, т. е. имя концепта называется при помощи двуязычного бинорма. Сразу же хотим отметить, что здесь имеет место не проявление терминологической вольности. Отмеченная лингво-графическая дифференциация указывает на моменты общего и частного (билингвального), которые мы дифференцируем при обращении к выбранному нами концепту. Мы употребляем терминированное словосочетание «концепт свободы» в том случае, когда речь идет о данном концепте вообще, вне конкретной лингвокультуры. Что касается термина *концепт «Freedom/Эркиндик»*, то мы его используем в конкретной ситуации сопоставления английской и тюркской, в частности, кыргызской лингвокультуры.

Объект нашего исследования – концепт «Свобода». Если говорить кратко, то мы различаем в работе две разновидности концепта «Свобода» в сопоставительном ракурсе.

Первая, относительно более или менее знакомая по специальной литературе разновидность, которую мы называем «лексическими» концептами. Их можно представлять через доминантные типовые лексемы, как например, в нашем случае лексемой «свобода» мы представляем концепт «Свобода». При исследовании таких концептов как ментальных единиц мы стремимся к реконструкции их структуры, включающей понятийную, образную и акциональную составляющие. Следовательно, незримая ментальная единица – концепт «Свобода» изучается нами с научной целью конструирования

многослойной исследовательской структуры. Для этого применяются методы анализа провербов, ассоциативного опроса, результаты которых при соотнесении с многослойной исследовательской структурой дают возможность «почувствовать» данный концепт в данной лингвокультуре.

Вторая разновидность концептов менее изучена, и в этом аспекте концепт «Свобода» также представляет для нас более менее значительный интерес. Речь идет о той разновидности, которая в специальной лингвистической литературе именуется «синтаксическими концептами» (ср.: З.Д. Попова, Г.А. Волохина и др.). Здесь концепт исследуется не в «предметной», картиночной плоскости, а в ситуативной, событийной. Нас интересуют ситуации свободы и несвободы, точнее модели таких ситуаций, их классов и типов. Они называются «синтаксическими концептами» [34; 76; 130; 138 и др.]. Возьмем, например, двухкомпонентный синтаксический концепт в кыргызском языке:

КИМ КИМДИ БОШОТТУ

Он требует для своей вербализации структурную схему:

{Nnom – Nakk - V^{trnz}}

Синтаксический концепт, соотносясь со структурной схемой, образует модель как основную грамматическую единицу, по которой в речи могут быть построены сколько угодно высказываний на тему свободы. Например;

Тажрыйбалуу аксакал түлкүнү капкандан тез эле бошотту (Т. Сыдыкбеков)

Тажрыйба=луу аксакал түлкү=нү капкан=дан тез эле бошот=ту

Опыт=**Adj** аксакал лиса=**Akk** капкан=**Abl** быстро освободить=**PP**

‘Опытный аксакал быстро освободил лису из капкана’

Таким образом, мы не ставим знак равенства между моделями (единицами языка) и «синтаксическими концептами» (означаемыми моделями).

Для сравнения обратимся к синтаксическому концепту в английском языке на примере высказывания:

A crowd of young people released their friends from prison (газ.)

A crowd of young people release=d their friend=s from prison

Толпа молодой люди освободить=**PP** их друг=**PL** из тюрьма

‘Толпа молодых людей освободила друзей из тюрьмы’

Здесь мы видим синтаксический концепт-

WHO RELEASED WHOM

Он вербализуется через структурную схему:

Nnom – Vf^{tran} – Nnom

В английском языке синтаксический концепт выражается в высказываниях, построенных по модели:

{ Nnom – Vf^{tran} – Nnom – (WHO RELEASED WHOM) }

Высказывания могут различаться конкретным лексическим материалом, однако они все будут выражать данный синтаксический концепт. Как отмечают отдельные авторы, «синтаксический концепт играет основную роль в речемыслительной деятельности, так как одновременно обращен и к реальной действительности, и к языку» [138, с. 119].

Для того, чтобы изучать концепт «Свобода» в таком предикативном воплощении, мы использовали соответствующие методы. Это метод идентификации структурно-семантических моделей элементарных простых предложений. Для выделения структурных схем применялся метод элиминации с целью выделения минимума обязательных компонентов структуры предложения. С целью репрезентации синтаксических концептов как разновидностей лингвокультурного концепта «Свобода» применялся метод записи формул с использованием вопросительно-относительных местоимений.

Обзор специальной литературы, касающейся концепта свободы в различных лингвокультурных традициях, показывает, что с опорой на понятийное ядро концепта в центре внимания авторов преимущественно оказывался политический аспект бытия концепта. Учитывая сложность и многогранность современного мира, мы старались принимать во внимание и другие аспекты понимания свободы современными людьми.

Приведем ответы наших информантов относительно смысла синонимов-вербализаторов концепта свободы, отражающих разные аспекты его функционирования применительно к англоамериканской ментальности:

What do the following words mean for you? - Что для вас означают следующие слова?

a) *human rights*: The basic rights of human beings to not be tortured, imprisoned, or otherwise punished for their beliefs. It also means basic food, clothing, shelter, and access to clean water and a safe place to live.

a) *права человека*: Основные права человека не подвергаться пыткам, тюремному заключению или иным образом наказываются за их убеждения. Основная еда, одежда, жилье и доступ к чистой воде и безопасное место для жизни

b) *financial independence*: The ability to earn your own money and spend it as you see fit. The ability to not have to rely on others for your existence.

б) *финансовая независимость*: Возможность зарабатывать собственные деньги и тратить их по своему усмотрению. Возможность не полагаться на других для вашего существования.

c) *independence (sovereignty) of the country*: The ability of a country to chart its own course and make its own policy decisions even if they are unpopular with other countries. Independence and sovereignty are two difference concepts. You can have a sovereign nation, such as North Korea, but that does not mean its citizens are independent.

в) *независимость (суверинитет) страны*: Способность страны определять свой собственный курс и принимать собственные политические решения, даже если они непопулярны для других стран. Независимость и суверинитет - это две разные концепции. Вы можете иметь суверенную нацию, такую как Северная Корея, но это не значит, что ее граждане независимы.

d) *health*: The condition of feeling good and being free from disease. This is a fundamental aspect of someone's human rights—to be able to enjoy good health and to be treated for disease.

г) здоровье: Состояние хорошего самочувствия и отсутствия болезней. Это фундаментальный аспект чьих-либо прав человека — иметь возможность иметь хорошее здоровье и лечиться от болезней.

2.2. Предмет и методы исследования

Предмет нашего исследования детерминирован современным ракурсом разворота темы диссертации. Тема работы может быть расчленена на две составные части. Первая часть номинирует концепт свободы и его бытование в настоящее время, а вторая часть подразумевает выражение концепта в английском и тюркских языках.

Ограничив бытование концепта свободы английским и тюркским языками, мы прежде всего не ставили себе цель просто исследовать общее и различное. В первую очередь наши интересы были связаны с процессами взаимодействия концептосфер в условиях современного объединяющегося мира. Таким образом, этот ракурс взаимодействия и определил основной предмет нашего исследования. Мы имеем в виду взаимодействие и динамику привлеченных к исследованию языков и культур.

В отмеченном выше смысле особую актуальность в контексте нашей работы приобретают, на наш взгляд, подходы и взгляды такого течения в лингвистике, как плюрилингвизм. Плюрилингвизм, по нашему мнению, ориентирован на исследование языков в их взаимодействии. Упрощенно говоря, здесь речь идет о научном моделировании того реального взаимодействия языков и культур, которое мы наблюдаем в жизни.

Инвариантные начала и «корни» такого подхода уходят, с одной стороны, в процессы лингвокультурного трансфера, а с другой стороны, обуславливают в контексте нашей работы использование типовых иллюстративных баз. Что это значит?

Лингвокультурный трансфер подразумевает перенос концептов из одной лингвокультуры в другую. По своим масштабам такие процессы можно подразделить на локальные, глобальные и частные межкультурные. Локальные процессы ограничены конкретной локацией. В качестве примера таких процессов можно сослаться на культурное взаимодействие таких казалось бы отдаленных друг от друга этносов в условиях Кыргызстана, как татары и калмыки. Но факты – упрямая вещь, и они свидетельствуют о том, что во время своих празднеств калмыки г. Каракол и близлежащих селений исполняют кыргызские и татарские народные песни. Почему наше внимание привлекло малоизученное обстоятельство межкультурного взаимодействия между казалось бы малоконтактировавшими между собой этническими группами татар и калмыков Прииссыккуля? Татары — представители кыпчакской группы тюркских языков. Сарт-калмаки в лингвистическом плане представляют монгольские языки. Мы называем данный феномен культурным трансфером, хотя данный термин в своем научном употреблении в специальной литературе пока не отличается однозначностью. Анализ культурного трансфера подразумевает перенос в конкретную регионально-культурную среду каких-либо элементов, характерных для другого культурно-географического ареала и их последующую трансформацию. Во время своих празднеств каракольские калмыки постоянно поют кыргызские и татарские песни. К числу таких песен относится, например, татарская народная песня «Сарман». Где корни указанного явления? Когда мы обращались с таким вопросом к представителям различных возрастных групп, то молодежь, как правило, затруднялась в ответах. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что данная традиция сформировалась относительно давно. Представители старшего поколения отвечали, что данный феномен является отражением межкультурной коммуникации. Калмыки как адаптивная этническая группа живут по соседству с кыргызами, сочетаются браком с кыргызами и также находили общий язык с преуспевающими на ниве торговли и просвещения единоверцами из числа татар. Такая коммуникация сопровождалась переносом определенных

концептов и стереотипов поведения. Указанные процессы имели место в начале XX столетия и глубоко укоренились в быту каракольских калмыков.

Глобальный аспект межкультурного взаимодействия сегодня ни у кого не вызывает сомнений. Транскультурализм проник во многие сферы, в том числе и в научную. Как будет показано в дальнейшем изложении работы, целые отрасли научных исследований, например, современная тюркология испытывают на себе такой вектор своего дальнейшего развития.

Под частным межкультурным взаимодействием нами понимаются очерченные с исследовательских позиций рамки взаимодействия выбранных лингвокультур. Так, в нашем случае мы можем говорить о взаимодействии англоамериканской и тюркской лингвокультур.

Типовой иллюстративной базой в своем исследовании мы именуем творческое наследие и в какой-то мере биографию типичного представителя той или иной лингвокультуры, ключевой темой в творчестве которого является тема свободы. Использование типовой иллюстративной базы позволяет не «расстекаться» в сфере таких феноменов, как язык и культура, тем более в сопоставительном аспекте.

Все вышесказанное о предмете исследования касалось собственно концепта свободы. Что касается его выражения в английском и тюркских языках, необходимо сказать следующее. Когда говорят о способах репрезентации концептов, обычно указывают паремии, фразеологизмы и другие номинативные средства из области лексики. Мы же в своей работе старались обращать свое внимание на менее разработанные области «овнешнения» концептов. Наше внимание было ориентировано на грамматические способы вербализации концепта свободы. Более того, мы рассматривали широкий синтаксический контекст в качестве способа выражения концепта. Естественно, что при этом мы старались держать в поле своего зрения современные подходы к исследованиям по синтаксису как наиболее коммуникативному уровню системы языка [131, с. 138-143].

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы по изучению лингвокультурных концептов на материале разных языков (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Е. В. Бабаева, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, З.К. Дербишева, К.З. Зулпукаров, Т. В. Евсюкова, У.Дж. Камбаралиева, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Н. А. Красавский, В. В. Красных, М. В. Пименова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, М.Дж. Тагаев, А. Д. Шмелев и др.).

Чтобы реализовать свои цели и задачи мы использовали в работе сопоставительно-описательный метод. Кроме того, нами применялись методы моделирования и ассоциативного эксперимента.

Материалом исследования послужили лексические и грамматические способы выражения концепта свободы в привлеченных к сопоставлению языках. Нами собрана картотека объемом в 2500 карточек, включающая паремии, примеры из художественной литературы, анкеты информантов.

В работе использовался сопоставительно-описательный метод, а также приемы моделирования, анкетирования и ассоциативного эксперимента. В ходе исследования мы прибегали к методу художественной рефлексии в рамках типовой иллюстративной базы на примере мастеров художественного слова.

2.3. Англистика в контексте межкультурной коммуникации в лингвистике: трансляция ценностного компонента концептов

Лингвистическое исследование английского языка в контексте нашей работы представляет интерес в рамках антропоцентрического направления современной науки о языке. Не вдаваясь в пространные рассуждения о проблемах современной англистики, отметим, что наше исследование ставит своей целью сопоставление особенностей вербализации концепта «*Freedom/Эркиндик*» в английском и тюркских языках.

Нас прежде всего интересуют вопросы бытования данного концепта в современных условиях. В этом смысле английский язык осмысливается нами в

качестве опорного. Скажем больше, мы в начале нашего исследования гипотетически предположили возможность процессов трансляции каких-то компонентов названного концепта из одной лингвокультурной традиции в другую. Анализ материалов и наблюдения показали, что такие процессы применительно к рассматриваемому вопросу преимущественно протекают на современном этапе по направлению от английского языка к тюркским. Другой вопрос составляет то обстоятельство, что эти процессы осуществляются при посредстве третьего языка, а именно современного русского языка.

Лингвокультурный трансфер – явление интересное и динамичное, как сама жизнь. Этот феномен может иметь разный масштаб. В частности, это может быть локальный масштаб, например, в пределах одного города Каракол Иссык-Кульской области Кыргызстана [ср. 8]. Нас же в данной работе интересует масштабы взаимодействия целостных лингвокультур.

Как известно, многие аспекты жизнедеятельности тюркских народов Центральной Азии изменились после начала перестройки и особенно после того, как перестал существовать СССР. Рыночная экономика вызвала к жизни новые понятия и ситуации, для обозначения которых языки приступили к мобилизации различных средств. Языки оказались как бы на перекрестке культур. Такое наблюдается в принципе всегда, но в переходный период возможности языков актуализируются особенно сильно. В этом смысле происходило (повторим, не без опосредующего участия русского языка) взаимодействие тюркских и англо-американской лингвокультур.

Вопросы трансляции каких-либо компонентов концепта свободы в основном касаются ценностного компонента, хотя, как показывают наши наблюдения над художественно-образной составляющей концепта, объективация в языке может варьировать и в этом аспекте. Так, например, для современных тюрков Центральной Азии (Средней Азии), исповедующих Ислам, все больше характерным становится увязка свободы как таковой со свободой вероисповедания в качестве приоритетной ценности и потребности. Об этом подробнее говорится в параграфах, рассматривающих вопросы

образного и акционального компонентов в многомерной структуре концепта и художественной картины мира. Сейчас же ограничимся констатацией того обстоятельства, что на современном этапе имеет место своеобразный лингвокультурный трансфер. В качестве точки опоры при осмыслении этих процессов мы исходим в основном от английского языка и англоамериканской лингвокультуры.

2.4. Тюркология на современном этапе: путь к моделированию синтаксиса и выражение ментальных единиц

Предваряя данную часть работы, зададимся вопросом, непосредственно касающимся общего фона и контекста исследования (концепт свободы в тюркских языках): тюркоязычность, тюркизм, тюркология – как следует осмысливать данные понятия в формате современных постоянно изменяющихся реалий? С одной стороны, тюркология – это популярное и известное научное направление, самостоятельная отрасль из цикла гуманитарных наук, занимающая свое системное место в системе современных знаний о Востоке [122]. С другой стороны, мы становимся очевидцами того, как происходит явное размежевание некогда общего исследовательского пространства данной научной отрасли после того, как огромная страна – Советский Союз перестала существовать, и возник целый ряд молодых независимых государств [122, с. 15].

Нам важно уяснить для себя системное место, современное состояние и вектор развития тюркологии, т. к. по меньшей мере пятьдесят процентов доказательной базы нашей диссертационной работы квалифицируется в качестве тюркологического материала.

Невооруженным глазом заметно, что тюркология переживает этап трансформации функционально-содержательных установок своего развития. И причиной здесь является не только упомянутое политическое событие – распад

СССР со своими геополитическими последствиями, отражающимися и в сфере науки и культуры. В современных условиях изменяется весь мир, который становится транскультурным. Эти современные реалии детерминируют актуальность проведение научных исследований интердисциплинарного характера.

Такой интегративный подход и стилистическое решение отражают активизацию меж и интердисциплинарных тенденций в современной научно-познавательной среде, в свою очередь адаптирующейся к архитектуре современного транскультурного мира вообще. Такой подход позволяет обращаться к тексту не раз, что подтверждается и примерами из истории научных исследований. Вспомним лингвиста-тюрколога с мировым именем М. Кашгари и его интегративный подход в «Словаре тюркских наречий» [7, с. 8].

На наш взгляд, имеются достаточные основания наметить автономные вехи развития тюркологии в XX и XXI столетиях:

- западно-европейская и российская тюркология;
- советская тюркология со своей монолитной теоретико-концептуальной базой;
- этап разветвления на «частные» суботрасли;
- этап интеграции научных сил ближнего и дальнего зарубежья по направлению к транскультурализму.

Это живые процессы, последние из которых в определенной мере протекающие, что называется на наших глазах на современном этапе. По этой причине они, безусловно, находятся в сфере наших научных интересов. Более того, современный вектор транскультурализма привлекает наше внимание, прежде всего в контексте темы проводимого нами исследования, посвященного сопоставительному рассмотрению концепта «Свобода» в тюркоязычной и англо-американской лингвокультурах. Уже одно то обстоятельство, что мы в дефиниции употребляем атрибут «тюркоязычный» предполагает некое культурное единство целого ряда тюркских языков, литератур и культур в сопоставлении с тем единством, которое возникло на

англо-американской почве. По этой причине мы сочли целесообразным провести аналитическое отступление, направленное на анализ современного состояния и перспектив развития тюркологии как раздела современной науки.

Адекватность и актуальность проблематики той или иной отрасли нынешней науки детерминированы тем, вписываются они или нет в архитектуру современного транскультурного мира. Другими словами, динамичность изменяющихся реалий сегодняшней действительности во многом обуславливают вызовы современной науки, гуманитарное измерение которой отнюдь не теряет своей значимости. Место тюркологии в системе отраслей современной науки также определяется релевантностью указанных факторов.

Тюркология изначально позиционировала себя в качестве комплексной отрасли науки о многочисленных тюркоязычных народах. В уютной научной квартире под названием «тюркология», как у себя дома, чувствовали и продолжают чувствовать себя и поныне языковеды, литературоведы, историки, археологи, искусствоведы и другие специалисты-тюркологи. С точки зрения современной науки, отдающей предпочтение интердисциплинарности в противовес монодисциплинарности, данное обстоятельство можно расценивать как несомненный плюс и явное преимущество тюркологии как отрасли науки.

Современная тюркология в большей мере является преемницей советской тюркологии, своеобразным рупором которой был одноименный журнал, много лет издававшийся в Баку и пользовавшийся большой популярностью среди специалистов. Для советской тюркологии была характерна горизонтально-вертикальная направленность и явно экстенсивный характер научно-исследовательских изысканий и их эмпирической базы. К анализу привлекался материал практически из всего ряда тюркских языков, народов и культур, а сами исследования могли проводиться как в плане синхронии, так и в плане диахронии [см., например: 6]. После 90-х годов такой подход, к сожалению, поэтапно стал утрачиваться, а для тюркологических исследований постепенно начал становиться характерным принцип моноэтнической ограниченности формата научных подходов.

Главной целью проводимых исследований в области тюркологии по сути является выявление закономерностей формирования и бытования общетюркской картины мира [61, с. 63-71]. Как отмечают Н.Ш. Калиева, А.М. Жалалова, такая исследовательская перспектива является сегодня как никогда актуальной и отвечающей требованиям дня [61, с. 71].

Исторический опыт развития тюркологической науки свидетельствует о наличии вполне сложившейся традиции проведения в рамках тюркологической научной традиции исследований, для которых характерен интегративный характер научных интересов. Они восходят еще к исследованиям Махмуда Кашгари, а в более позднее время активизации тюркологических изысканий в этом ключе можно сослаться на работы С.Е. Малова, Г. Ярринга, Э. Р. Тенишева и др. [6]. По сути, те «тексты», которые являются своеобразным результатом подобного рода исследований, служат объектом для исследования тюркских этнокультурных концептов. Об этом говорят не только тюркологи, но и представители других лингвистических традиций, в частности Кемеровской научной школы когнитивной лингвистики [124; 138]. Так, например Л.А. Араева неоднократно упоминала об этом во время научной конференции «Языки в диалоге культур», которая прошла в Бишкеке в 2017 году. Такое понимание отражено и в коллективной монографии, посвященной языковой картине мира на примере одного из тюркских народов – телеутов [138].

Обращаясь к истории развертывания разносторонних исследований в области тюркологии как комплексной отрасли генерирования и трансляции научных знаний, нельзя не заметить, что на протяжении этого эволюционного процесса сформировались целые исследовательские коллективы единомышленников и научные школы, давшие науке новые доктрины и работающие в общем генеральном направлении. В числе таких крупных научных коллективов можно, в частности, назвать Казанскую тюркологическую школу, представленную такими именами известных и маститых ученых, как М. А. Казем-бек, В. В. Радлов, С. Е. Малов.

Как научное направление Казанская тюркологическая школа берет начало с 30-40-х гг. XIX века. Основателями этой признанной во всем мире научной школы являются И.С.Хальфин, Х.М.Френ, Ф.И.Эрдман, А.К.Казем-Бек, А.Троянский, И.Н.Березин, М.Махмудов, А.Вагабов, М.Иванов, С.Кукляшев, Каюм Насыри, Н.Ф.Катанов, В.В.Радлов и др. Заложенные ими традиции продолжают развиваться до сих пор.

Со второй половины XX столетия активно разворачивает масштабные исследования Новосибирская школа тюркологов, в своих работах охватившая широкий спектр тюркоязычных народов Сибири и сопредельных регионов (А.П. Окладников, В.А. Аврорин, Е. И. Убрятова, М. И. Черемисина, В.М. Надеяев, Е. И. Коркина, А. Т. Тыбыкова, И. А. Невская и мн. др.).

Наиболее крупными и масштабными достижениями являются разработки в области синтаксиса. Е.И.Убрятова и М.И.Черемисина практически создали самостоятельную сибирскую синтаксическую школу. В рамках теоретических положений этой школы описан синтаксис сложного и простого предложения ряда языков алтайской, финно-угорской и палеоазиатской языковых семей, разработана и апробирована на материале многих языков доктрина предикативного склонения в алтайских языках.

В настоящее время в исследованиях сибирских тюркологов сформировалось три направления:

1. синтаксическое описание простого и сложного предложения в алтайских, уральских и палеоазиатских языках;
2. экспериментально-фонетическое исследование языков народов Сибири;
3. изучение истории, лексики и диалектологии тюркских языков Сибири.

Каждое из этих направлений сформировалось на основе новых теоретических концепций.

М.И.Черемисина наметила концепцию комплексного сопоставительно-типологического исследования сложного предложения в языках народов Сибири и разработала его методику. Результаты исследований подтвердили выдвинутую ранее гипотезу о том, что синтаксические механизмы

полипредикативности в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, расходясь в деталях, в типологическом плане глубоко сходны. В настоящее время синтаксическая группа продолжает работать над выявлением базовых моделей простого предложения в тюркских, финно-угорских и чукотско-камчатских языках. При этом в поле зрения исследователей попадают и так называемые синтаксические концепты.

Сегодня тюркский мир в крупном плане можно условно разделить на две крупные субзоны. Первая относится к территории распространения Ислама и мусульманской культуры, а вторая выходит за пределы этой территории. Эти две субзоны представляют значительный интерес в плане проблем этнокультурного взаимодействия на современном этапе.

В XXI столетии наряду с центрами тюркологических исследований в Германии, Турции, странах Центральной Азии, Азербайджане, КНР созрели предпосылки к формированию международного коллектива единомышленников в рамках концепции современного транскультурализма. В настоящее время ощущается актуальность усилий по сохранению, возрождению и качественной трансформации гуманитарного измерения в науке, системе образования и в обществе в целом.

Дальнейшее сохранение монодисциплинарности и прежней модели генерирования, трансляции и передачи знания в рамках науки, социума и образования нового столетия постепенно становится невозможным потому, что оно не вписывается в новую архитектуру транскультурного мира. Мы становимся свидетелями динамичности процессов исследования окружающей действительности и их гносеологических оснований. В меняющемся мире и в условиях глобальной взаимозависимости возникают новые вызовы и условия, на данный момент далеко недостаточно осмысляемые в рамках существующих принципов и подходов гуманитарных дисциплин, которые, по большей части, остаются на периферии актуальных социальных дебатов. Перед гуманитариями, в частности - тюркологами, стоит задача активной

трансформации и приближения гуманитарных наук к нуждам современного человека и мира [136; 128, с. 38].

В ноябре 2016 года в Москве прошел Международный научный форум «Современные проблемы тюркологии: язык-литература-культура», ориентированный на новую изменяющуюся парадигму научных изысканий в сфере тюркологической науки. В числе компонентов-направлений этой парадигмы высветились проблемы общетюркского языка как средства межнационального общения, трансформации монодисциплинарности в сторону мультидисциплинарности, проблемы преодоления этноцентрической замкнутости, вопросы тюркского лингва-туризма и мн. др. Участники конференции сошлись во мнении о том, что пришло время для интеграции исследовательской деятельности тюркологов из разных стран в рамках новой мультидисциплинарной парадигмы современной тюркологической науки [122]. К этому подталкивает необходимость дальнейшего развития тюркологии, представленной многочисленными исследователями во многих странах. Как своеобразная реакция на подобные вызовы начинают складываться международные коллективы ученых-единомышленников, ставящих перед собой новые исследовательские задачи, в том числе и исследования по когнитивной лингвистике.

Проблемы когнитивной лингвистики в тюркологии представлены в работах Абдуазизов А.А., Ашурова Д.У., Маматов А.Е., Расулова М.И., Сафаров Ш.С., Ширинова Р.Х., Юсупов У.К., Якубов Ж.А., Тухтасинов И.М., Ергашева Г.И., Ағзамова Д., Атаханова Г.Ш., Галиева М.Р., Морозова А.А., Халикова М.К. и других авторов [61, с. 68]. В современной кыргызстанской лингвистике концепты в кыргызском языке исследовали такие авторы, как Дербишева З.К., Ибрагимов С., Зулпукаров К.З., Камбаралиева У.Дж., Кадырбекова П.К., Толокова Э.Т., Дарбанов М., Калмурзаева А.А., Пазилова С.К. и другие. Надо отметить, что для большинства этих исследований характерно изучение «лексических» способов репрезентации концептов на примере пословиц и фразеологизмов. Структура концептов представляется в

виде круга с ядром и периферией. Вместе с тем имманентные традиции тюркологии как комплексной науки детерминируют обращение к тексту (контексту) и воспроизводимым синтаксическим структурам.

Выводы по 2 главе:

Данная глава посвящена осмыслению актуальных вопросов вербализации концепта свободы в английском и тюркских языках и уточнению понятийно-терминологического аппарата исследования, методам и приемам, используемым в работе, а также обращение к современным англистике и тюркологии в том ракурсе, который детерминирован целью и задачами предлагаемой диссертации.

Прежде всего мы считаем целесообразным разграничить терминопотребление в плоскости привлекаемых к рассмотрению лингвокультур. В работе встречаются три основных варианта употребления основного термина, которые обусловлены непосредственным обращением или необращением к конкретным лингвокультурам.

Мы употребляем терминованное словосочетание «концепт свободы» в том случае, когда речь идет о данном концепте вообще, вне конкретной лингвокультуры. Что касается термина концепт «Freedom/Эркиндик», то мы его используем в конкретной ситуации сопоставления английской и тюркской лингвокультур.

В нашей диссертации мы иногда в качестве общенейтрального, т. е. используемого в широком, не билингвокультурном аспекте термина употребляем словосочетание концепт «Свобода».

Применяемые методы в определенной мере обусловлены выбранными аспектами исследовательской работы. Малоисследованные синтаксические субконцепты реализуются в контексте своего предикативного выражения. Они изучаются при использовании метода моделирования и представляются при

помощи формул моделей. При презентации примеров из тюркских языков используется метод глоссирования с целью показать морфемный состав слов.

Сегодня тюркский мир в крупном плане можно условно разделить на две крупные субзоны. Первая относится к территории распространения Ислама и мусульманской культуры, а вторая выходит за пределы этой территории. Эти две субзоны представляют значительный интерес в плане проблем этнокультурного взаимодействия на современном этапе.

В XXI столетии наряду с центрами тюркологических исследований в Германии, Турции, странах Центральной Азии, Азербайджане, КНР созрели предпосылки к формированию международного коллектива единомышленников в рамках концепции современного транскультурализма. В настоящее время ощущается актуальность усилий по сохранению, возрождению и качественной трансформации гуманитарного измерения в науке, системе образования и в обществе в целом.

Для тюркологических исследований по концептам характерно изучение структуры концептов как многоуровневого образования, чаще всего представляемого в виде окружности. В качестве способов выражения концептов, как правило, указываются фразеологизмы, крылатые изречения, пословицы и поговорки. Тем самым описывается консервативный аспект языковой картины мира. Поэтому обращение к более широкому контексту и грамматическим способам в лице моделей, по которым каждый раз строятся «живые» высказывания, дает возможность изучения новых граней концептов как сложных мыслительных образований.

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «FREEDOM/ЭРКИНДИК» В АНГЛИЙСКОМ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Вводная часть

Данная глава посвящена анализу способов представления концепта «Freedom/Эркиндик» в английском и тюркских языках. Мы отдаем себе отчет в том, что такие ключевые концепты в языках представлены широким спектром вербализаторов. Одновременно с этим мы стремились акцентировать наше внимание на таких малоисследованных аспектах, которые были описаны меньше в специальных работах, посвященных данному и другим концептам на материале рассматриваемых языков. По этой причине мы старались обращаться не столько к прецедентным текстам, сколько к другим разновидностям «текстов культуры», а именно публикациям в социальных сетях, экранным произведениям, текстам из разговорного языка на бытовые и экономические темы. Другими словами, мы старались обратить внимание на язык в действии, на процессы, которые протекают в настоящее время что называется «на наших глазах». Носители языка зачастую представляют концепты через ситуации. Например, «свобода» это когда никто и ничто не ограничивает тебя в поступках [12; 118; 131]. Ситуации являются денотатами синтаксических конструкций, в частности, предложений. Как единицы языка предложения в современной науке понимаются в качестве двусторонних моделей, имеющих знаковую природу. Обозначаемым здесь являются пропозиции, «синтаксические концепты» (З.Д. Попова, Г.А. Волохина и др), а обозначающим – структурные схемы. Мы четко разводим синтаксические модели предложений как единицы языка и концепты как ментальные единицы [19]. Сами модели рассматриваются нами в качестве одного из важных малоизученных грамматических способов вербализации концепта «Свобода».

Как известно, в большинстве современных работ, посвященных исследованию тех или иных концептов в «лексическом» ракурсе, выделяются три основных компонента концептуальной структуры [112; 117]. К ним относят понятийный, образный и ценностный (аксиологический) компоненты. Следуя своим целеустановкам по изучению динамических процессов межкультурного взаимодействия, мы старались вместе с обращением к понятийному ядру концепта больше останавливаться на образном и аксиологическом компонентах структуры концепта «Свобода» при изучении специфики концепта в конкретном этносознании.

Уже стало аксиоматичной истиной утверждение о том, что антропоцентрический вектор в науке о языке превратился в одно из ведущих направлений в сфере научных исследований по разным языкам. Вопросам этого направления в лингвистике посвящены работы таких авторов, как Е.С.Кубрякова, Ю.С.Степанов, В.В.Колесов, В.И.Телия, И.А.Стернин, З.Д.Попова, А.П.Бабушкин, В.В.Красных; М.Дж.Тагаев, К.З.Зулпукаров, З.К.Дербишева, У.Дж.Камбаралиева, П.К. Кадырбекова и др.

Работая в антропоцентрическом и когнитивном направлении, исследователи пришли к тому заключению, что носители тех или иных языков, помимо прочего, являются создателями и носителями своеобразных концептуальных систем. Интересно, как эти системы бытуют и взаимодействуют в социуме.

В понимании этого большую роль сыграло понятие концепта. Для нас концепт – это прежде всего важная ментальная сущность. В концепте сфокусированы актуальные на данный момент и важные для людей информационные знания о мире.

Концепт в крупном плане содержит понятийное ядро, образную составляющую и акциональный ценностный компонент. В каждой лингвокультуре и отражающем ее языке есть своя система концептов. Выделяются ключевые и периферийные концепты. Они в совокупности составляют языковую картину мира. Языковая картина мира – это

своеобразный в этнокультурном плане целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека.

«На современном этапе развития общества понятийная составляющая концепта «свобода» включает следующие значения, зафиксированные в Энциклопедии - Эсперанто:

1) способность человека действовать в соответствии со своими целями и интересами, опираясь на познание объективной необходимости – *Свобода – это осознанная необходимость;*

2) отсутствие политического и экономического гнета – *Стали думать о свободе от турок;*

3) отсутствие рабства – *Крепостной земледелец собирал деньги, чтобы купить себе свободу;*

4) состояние того, кто находится в заключении – лишение свободы;

5) личная независимость – *Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя;*

6) возможность действовать без ограничений – *Свобода торговли;*

7) легкость – *Он отвечал урок свободно и уверенно;*

8) непринужденность – *В его манерах сквозила свобода, доходящая до развязности;*

9) (разг.) свободное, незанятое время – *Обед считался часом отдыха и свободы [85, с. 165].*

В приведенных ниже примерах из английского языка иллюстрируется осмысление понятийного ядра концепта «Freedom» через обращение к так называемым синтаксическим концептам, лингвистическую технику выражения которых мы считаем наиболее вербализованным способом репрезентации ментальных единиц.

He believes that children have too much freedom these days (инф.)

«Он считает, что в наши дни у детей слишком много свободы».

Здесь концепт свободы выражен через обращение к такой основной единице языка, как модель предложения:

{N_{nom} Vf N_{nom} - (WHO HAS WHAT)}

She has the freedom to do as she pleases (инф.)

«У нее есть свобода делать все, что ей заблагорассудится»

В данном случае задействована та же модель, но уже встроенная в полипредикативное высказывание, используется во втором примере.

A political prisoner is fighting for his freedom (инф.)

«Политический заключенный борется за свою свободу»

{N_{nom} Vf for N_{nom} - (WHO IS FIGHTING FOR WHAT)}

Здесь уже отмечена другая модель, в составе которой мы видим синтаксический концепт свободы:

WHO IS FIGHTING FOR WHAT

Ср. пример в кыргызском языке:

Азаттыкты эңсешип,

Зарлап жүрөт кайран эл (Малабаев Ж.)

В указанном примере из кыргызского языка реализуется языковая модель

{N_{nom} N_{akk} Vf - (КИМ ЭМНЕНИ ЭҢСЕЙТ)}

Эркиндик сүйгөн эл күчү,

Тынчтыкты сактап кала алат (Б. Сарногоев)

В данном примере концепт свободы манифестирует в атрибутивной конструкции в составе простого предложения.

Важно подчеркнуть, что в работе акцент делается на исследование в основном не лексических и фразеологических способов репрезентации концепта, а на малоисследованные грамматические (синтаксические) и текстовые способы выражения концепта. Такой подход обнаруживает самые устойчивые лингвистические механизмы экспликации концепта, т. к. грамматика является относительно консервативным уровнем системы языка по сравнению с лексикой. В этом смысле здесь отмечаются устоявшиеся способы, характеризующие своеобразие конкретного языка или языков. Широкий контекст как способ выражения концепта объемлет ментальную творческую

лабораторию мастеров художественного слова. Это можно трактовать в качестве типовой иллюстративной базы при исследовании того или иного концепта.

Во многих случаях понятийное ядро концепта становится тем отправным пунктом, с которого начинается изучение и описание концептов, в т. ч. и концепта «Freedom/Эркиндик». Так, например, О.С. Егорова и О. А. Кириллова, обращаясь к прототипу концепта «Свобода», отмечают, что «определяющим компонентом в структуре концепта считается понятийный компонент, составляющий ядро концепта. Вторым по значимости является образный компонент, опредмечивающий в языковом сознании образы и метафоры, через которые постигаются абстрактные сущности» [58, с. 154-158]. По этой причине эта составляющая оказывается более изученной, чем другие составляющие концепта, что обусловило в определенной мере постановку акцентов в нашей работе.

Для англо-американской ментальности фундаментом послужила европейская лингвокультура, восходящая к античным ментальным сущностям, которые основывались на противопоставлении свободного гражданина и раба. В этом смысле мы можем сослаться на высказывание Э. Бенвениста о том, что «в каждом из индоевропейских обществ господствует противопоставление статусов свободного человека и раба: греческое слово *eleutheros* и латинское слово *liber* восходят к протоиндоевропейскому *leudh-* «расти, развиваться». Этот корень (**leudh-*) дает в славянском- старославянском людь «народ», людие «люди», в германском - др. -в. -нем. *Hut*, др.-англ. *leod*, совр. нем. *Leute* «люди». Глагольный корень дает в готском *liudan* «расти», в индоиранском – санскр. *rudh-*, авест. *Rud* – «расти, развиваться» [20, с. 355].

Таким образом, античная лингвокультура стала отправной точкой для формирования понятийного ядра современного концепта свободы в англо-американской ментальности. Концепт получил свое развитие по направлению к осмыслению политической и гражданско-правовой свободы. В продолжении этой мысли укажем на размышления другого автора: « латинское слово *libertas*

исходно означает статус «liber», то есть лицо, не являющееся рабом, поэтому следующим этапом образования понятийного ядра концепта «свобода» является отрицание, то есть «отрицание ограничений, налагаемых рабством». (Ср. современное РАБ=отать на кого-то и финансовая свобода). Далее автор развивает свою мысль, подтверждающую наши выводы о гражданско-правовой подоплеке концепта свободы в англоамериканской лингвокультуре. «Итак, античная свобода – это, прежде всего, возможность быть гражданином города-государства. Отрицание ведет к формированию ядерного пространства концепта свободы, заключенного в слове *libertas* «в направлении, намеченном Цицероном: *Quidestenimlibertas? Potestasvivendiutvelis* (ибо что есть *libertas*? Возможность жить как ты хочешь). Разумеется, никто не может жить полностью, «как он хочет», или делать все, что он захочет по причине разнообразных ограничений, налагаемых на жизнь человека. Быть в состоянии жить, как ты хочешь, означает контролировать свою жизнь – как может *liber* и не может раб» [29, с. 213].

Понятийный компонент концепта свободы на данном этапе формируется на основе тех значений, которые отражены в дефинициях словарей. А.С. Солохина на основе анализа лексикографических источников выделяет четыре базовых значения концепта «свобода»: 1) возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию; 2) отсутствие ограничений, запрещений в политической области; 3) вообще отсутствие ограничений, стеснений; 4) свобода как нахождение не в заключении, рабстве [117, с. 54–55].

Понятие свободы нацелено на ситуации. Причем, ситуации могут быть не только о событиях физического мира, но часто в английской речи могут касаться ситуаций ментального характера. Обратимся к примеру:

Freedom— this is the freedom to forget (Orwell G, «1984») «Свобода - это свобода забыть»

Здесь речь идет о внутренней свободе личности. Следовательно, понятийная составляющая концепта свободы в свою очередь может быть разноплановой и многоликой.

3.1. Образность и художественная картина мира

Where there is no freedom, there is death and destruction

(Mustafa Kemal Ataturk)

Где нет свободы, там смерть и разрушение

(Мустафа Кемаль Ататюрк)

В данном параграфе, обращаясь к литературе и кино как двум самобытным формам искусства, в качестве *типовой иллюстративной базы* мы выбрали творчество представителя тюркоязычной литературы, певца свободы Л. Муталлипа по двум причинам. Первое - творчество этого несомненно талантливого мастера пера изучено недостаточно. Второе - широкий контекст творческой лаборатории поэта очень колоритно передает концепт свободы в контексте современной тюркоязычной лингвокультуры. Поэтому мы обращаемся к его творчеству в широком лингвострановедческом ключе.

Тема свободы, выражение одноименного концепта, по всеобщему признанию муталлиповедов, являются основными направлениями в творчестве необычайно талантливого художника слова. Но они складывались не в одночасье и не просто так. В числе прочих составляющих здесь можно отметить такие компоненты, как гуманизм-человеколюбие и глубокая духовность. Последние стихи о свободе были написаны мастером художественного слова кровью на стенах тюрьмы, что не может не тронуть сердце любого человека и в те дни, и в наше время:

Бу кәң дунйа мән үчүн болди дэвзәх,

Яш гүлүмни газаң қилди қанхор әбләх.

Этот мир для меня стал как-будто бы ад,

Нераскрывшись цветок мой кровопийцей распят.

Прожив стремительную и очень яркую, словно отблеск молнии, необычайно насыщенную жизнь, Л. Муталлип оставил многогранное наследие,

достойное литератора-классика [3, с. 5; 141, с. 79-83]. Это и поэзия, и драматургия, и проза, и публицистика, и литературоведение [136]. Произведения поэта – пример художественного воплощения концепта свободы. Ослепительно озарив своей яркой жизнью и творчеством реалии современной ему эпохи, поэт стал одним из ярких представителей новейшей тюркоязычной литературы [3, с. 4].

Нам кажется, что будет уместным отметить субконцептуальное художественное осмысление концепта свободы на примере жизни и творчества таких трибунов и певцов свободы, как Л. Муталлип (22 ноября 1922 — 17 сентября 1945) — уйгурский поэт, проживавший в Китае, писатель-памфлетист, драматург, М. Джалиль Муса Мустафович Залилов (Джалилов) (Муса Джалиль) (1906-1944) – поэт, Герой Советского Союза (1956), Лауреат Государственной премии (посмертно, 1957), Ш. Петёфи (настоящее имя Александр Пётрович) — национальный поэт Венгрии, революционный демократ, один из руководителей Революции 1848—1849 гг. в творчестве Р. Рождественского. Речь идет о своеобразной образной формуле и ее металитературоведческой экстраполяции.

Наши представления связаны с тем, что именно движение человеческого духа позволяют концептам лингвокультуры и произведениям искусства переходить среди людей от сердца к сердцу и в результате этого жить своей долгой жизнью. Попытаемся верифицировать данное утверждение на примере творчества, отраженного в литературе и на экране.

Благодаря теме свободы многие произведения Л. Муталлипа превратились в песни [140]. Помимо этого, мы знаем и много песен о самом Л. Муталлипе. Эти песни, как правило, отличаются тем, что приобретают черты народных песен [2, с. 48]. Здесь просматривается среда функционирования концепта свободы, являющегося ключевым для творчества талантливого мастера художественного слова.

Например, в припеве одной из песен о пламенном трибуне, говорится буквально следующее:

Үеч қандақ шаир мошу кәмгичә

Жилларға жавап берәлмигәнтийи.

Никакой поэт доселе

Не мог дать ответ годам-времени.

Определенный интерес вызывает вербализация концепта «Свобода» в аспекте художественного перевода и взаимодействия лингвокультур. Вопросы перевода - это сфера сложной и многогранной человеческой деятельности. Она представляет из себя не просто замену продуктов реализации одного языка другим, а является территорией специфической деятельности. Здесь встречаются представители различных культур и происходит перенос различных культурных ценностей из одной системы в другую с учетом этнокультурных особенностей, склада ума и картины мира людей, проживающих иногда в различных эпохах нашего стремительного века и мира. Здесь имеет место сопоставление концептосфер конкретных лингвокультур.

В то же время человеческая история представляет собой не что иное как «метаморфозу человеческого духа, развитие великих идей, которые определяют ход событий» [128, с. 3].

Межкультурные коммуникации сегодня - возможность познания и сохранения единого, многообразного и постоянно изменяющегося мира. В этом смысле художественное слово помимо прочих функций имеет еще одну благородную миссию познания действительности глазами других. В этом случае обнаруживается значительная лакуна межкультурных коммуникаций, которая никак не может быть заполнена в контексте отношений «старших и младших братьев», «национальных меньшинств и малых народов». Здесь литература выступает не только в качестве «моста дружбы», но и дает для других возможность удовлетворить эстетические потребности, а также познакомиться с реальной художественной картиной мира того или иного этноса.

Нашей целью является осмысление значимости перевода произведений художественной литературы как способа межкультурной коммуникации. Если

воспользоваться словами А. Д. Швейцера, то «перевод может быть определен как двунаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде» [134, с. 75].

Многочисленная читательская аудитория получила возможность познакомиться с одним из ключей к культурному коду и яркой страницей из истории современной уйгурской литературы, в которой нашла свое адекватное воплощение уйгурская художественная картина мира. Обратимся к известному стихотворению Л. Муталлипа «Жилларға жавап» («Ответ эпохе»). При обращении ко вторичному тексту русского перевода сразу же перед нами встает образ времени, отражающий уйгурско-тюркскую темпоральную модель:

*Время торопится, время не ждет.
Годы рвутся вперед – бытия иноходцы.
Чтоб ни делали мы, а стареть ведь придется,
Не стареют лишь реки,
Да солнца восход.*

В целом для творчества Л. Муталлипа характерна свободолобивая тематика и воспевание творческого созидательного труда людей-тружеников независимо от национальной принадлежности.

Еще одной целью, которую мы ниже ставим перед собой в рамках нашей модельной типовой иллюстративной базы, является осмысление и описание бинарной модели созидательной борьбы и ратования за свободу, отраженной в произведениях поэта. Это продиктовано необходимостью обращения к такой типологической черте тюркского мировосприятия, как художественное мышление в антитезах. К достижению поставленной цели ведет решение следующих взаимосвязанных задач:

- охарактеризовать образно-структурную сторону модели свободы;
- дать описание особенностей содержательного плана модели.

Содержание рассматриваемой нами модели в контексте созданного Л. Муталипом образа составляет противопоставление Свободы и зависимости, проактивной (созидательной), с одной стороны, и реактивной (пассивной), с другой стороны, жизненных позиций человека в обществе. В связи с этим следует отметить, что вообще судьбоносным призванием поэта была его миссия будить народ [10]. Поэт пронзительно четко осознавал это. Его псевдонимом было «Qaynam orkishî» (Торнадо), которое как нельзя адекватно передавало и отражало его кипучую и неумную натуру.

Для тюрков представление о судьбе часто ассоциируется с геометрической фигурой круга. Эта ассоциация может указывать на бесконечность и вечность бытия, но может пониматься и в пассивной интерпретации в смысле порочного круга. Об этом круге и говорит Г. Гачев, разбирая роман Ч. Айтматова «Плаха»: «И недаром унылый круг в конце романа очерчен волнами Иссык-Куля: как нирвана-угасание, омерзение жить и устремление не быть, выйти из круга жизни, рождений-перевоплощений, из сего колеса Сансары» [39, с. 446].

Тюркоязычные народы Центральной Азии являются последовательными приверженцами Ислама как одной из мировых религий. В тюркомусульманской концептосфере тесно связан с концептом «Судьба» и лингвоэтнокультурный концепт «Счастье». Инвариантная обусловленность-обостренность такой связи в экстраординарной ситуации может дать парадоксальный с точки зрения обыденного сознания поворот. Тюркская концептуализация понятия «Судьба» ассоциируется с кругом – символом бесконечности и безграничности, в которой человек может найти свое счастье – свидетельство его уникальности и неповторимости.

Миссия поэта для тюркоязычных народов заключается, очевидно, в том, чтобы встряхнуть народные массы, не дать им погрязнуть в инерции кругов судьбы. Поэт здесь призван будить в людях творческое начало, вдохновлять их на подвиги созидания, на то, чтобы покорять вершины познания и науки. В конце концов, именно этим отличались славные периоды в истории мусульман,

давших миру первый университет и множество научных открытий, и тюрков, представленных в прошлом именами Махмуда Кашгари, Жусупа Баласагына и многих других ученых мужей.

Роман «Плаха» среди прочих произведений Ч. Айтматова своеобразен своим пафосом: сохранить общечеловеческие ценности и понять, как культивируются мотивы формирования чувства глобальной гражданственности. Нас в данном случае интересуют больше аспекты обращения в этом контексте к теме свободы как естественному состоянию человека. В этом смысле всякое проявление несвободы, например, пленение человека, современные ужасные примеры сексуального рабства и культурного геноцида, война в любых своих масштабах является противоестественным.

Для нас понятия гражданственности и гражданства не представляются синонимичными. Первое отражает процессы, по которым объективно можно судить о направлении движения всего мирового сообщества, - объединение мира и стремление к взаимопониманию, к осознанию того, что все мы находимся «в одной лодке». Второе понятие отражает скорее юридико-политическую принадлежность человека к определенному государству. Такой подход характерен для этнократически и популистски настроенных политиков, стремящихся построить свой имидж в изолированных национальных квартирах и не заботящихся о том, чтобы поддерживать со своими соседями по-человечески нормальные отношения. Это особенно заметно во время политических выборов. Но возможно ли полное раскрытие свободы как условия человеческого развития в рамках эгоцентризма? Наше внимание было направлено на художественно-функциональное осмысление бинарной дихотомии «Судьба/Тагдыр», «Свобода/Эркиндик» в контексте произведений Ч. Айтматова. Известный исследователь творчества писателя Г. Гачев определяет данный бинотип в качестве двух моделей художественного описания реальности [39, с. 441].

Идея Свободы многогранна, и это подтверждается ее параллельным освещением в литературе и на экране. Каждый из этих аспектов взаимно

дополняет друг друга, что очень важно в современных условиях, когда читательская активность заметно упала.

Наша работа помимо прочего ориентирована на сопоставительный анализ и аналитическое описание художественного концепта «Свобода» в сфере литературы как одной из областей современного искусства, образного мышления и художественного слова. Данная сфера – это зона пересечения художественных образов и ментально-языковых феноменов. Мы намерены специально акцентировать наличие такого компонента, как художественные образы и образность. По нашему убеждению, это дает нам возможность почувствовать своеобразие современного момента в плане выражения образности и направление тенденций использования современных средств относительно традиционной художественной литературы. Кроме того, анализ в подобном ракурсе открывает возможности для обращения к образному компоненту концепта «Freedom/Эркиндик». Языковая картина мира – это прежде всего система этноспецифических образов.

Художественный образ – это и цель, и инструмент искусства, в том числе художественной литературы. Кроме того, образ – это своеобразное и неперемное условие появления художественности, способ изящного и привлекательного для реципиентов отражения окружающей действительности. С течением времени использование упомянутого орудия в искусстве также претерпевает определенную трансформацию. Современная ситуация – это ситуация, когда реципиенты сравнительно меньше читают, но больше воспринимают разнообразную информацию визуально. Современная ситуация – это ситуация игрового кино, смартфонов и гаджетов. Данное обстоятельство влияет на отношения с художественной литературой в такой мере, что мы вынуждены принимать его во внимание.

Что общего между литературой и визуальными способами восприятия художественной информации, которые мы в своей работе обобщенно назовем экранизацией или экраным вариантом художественного осмысления действительности? Общее сводится к тому, что принято сегодня обозначать

популярным словосочетанием «картина мира», на котором мы останавливались в первой главе нашей работы.

В художественной картине мира могут быть обнаружены концепты, присущие восприятию мира только данного автора, - индивидуальные концепты писателя. Процесс вербализации таких концептов происходит при посредстве средств того или иного национального языка.

Таким образом, язык выступает средством создания вторичной, художественной картины мира, которая отражает картину мира создателя художественного произведения.

В художественной картине мира могут отразиться особенности национальной картины мира - например, национальные символы, национально-специфические концепты. При этом следует всегда помнить, что художественная картина мира - вторичная, опосредованная картина мира, причём она опосредована дважды - языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира.

Применительно к нашей работе картина мира – это тот обязательный элемент, который нельзя каким-то образом обойти при обращении к художественному концепту «Свобода». В качестве одного из ключевых концептов тюркской и американской концептосфер концепт «Свобода» входит в культуру наряду со специфическими отношениями, ценностями и нормами. Он является органичной частью художественной картины мира.

Как же соотносятся между собой версии художественной картины мира в художественной литературе и игровом или другом кино? Мы считаем, что они взаимно дополняют друг друга в процессе формирования относительно полной художественной картины мира. Они помогают друг другу уловить животрепещущий нерв современного искусства.

Не случайно, что известный писатель Ч. Айтматов, многие произведения которого обрели вторую жизнь на экране, понимал и придавал большое значение экранизации литературных произведений. В этой связи можно сказать, что театральные или экранные перевоплощения литературы есть

трансфер искусства в новую плоскость изобразительности, и это предстает всегда как творческое событие, поскольку повествовательный сюжет преобразуется в наглядные действия, а образы становятся живыми и зримыми.

Картина мира в художественном тексте создаётся языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается:

- в отборе элементов содержания художественного произведения;
- в отборе языковых средств: использование определённых тематических групп языковых единиц, повышение или понижение частотности отдельных единиц и их групп, индивидуально-авторские языковые средства др.;
- в индивидуальном использовании образных средств (система тропов).

Поскольку экранная и литературная версии произведений - и шире выражения художественных концептов - дополняют друг друга и обогащают реципиентов, то, как нам кажется, есть предпосылки отразить данное явление и использовать при анализе в нашей работе. Очевидно, важно отразить ту услугу и помощь, которую сегодня оказывают визуальные способы постижения художественных концептов. Поэтому вести речь о каком-то противостоянии между этими двумя способами выражения художественных концептов и просто беспредметно сетовать на то, что читатели стали мало читать представляется некорректным.

Согласно результатам последних социокультурных и эстетико-художественных изысканий, представляется возможным предположить существование некоего культурно-эстетического универсума, который постоянно видоизменяется. Погружение в него художественных высказываний и образов любого типа определяет их порождение и восприятие. При этом художественный текст (а под текстом в данном случае мы понимаем и высказывание, и фильмы, и другой культурообразующий продукт) проявляет новые качества: его содержание видоизменяется за счёт приращений смысла, возникающих в силу того, что каждое художественное высказывание взаимодействует одновременно с культурно-эстетической информацией

прошлого, настоящего и будущего, формируя в сознании реципиента своего рода художественный код.

Имеются все основания рассматривать такое идеальное образование как художественную картину мира, которая служит эстетической базой художественной коммуникации и состоит из специфических структур. Эти структуры не имеют формальных показателей в тексте как таковом и представляют собой своего рода эстетико-интернациональную информацию в сознании представителей определённой этнокультурной общности. Это по своей сути, художественные концепты, образующие особое эмоционально-интеллектуальное поле, наличие которого не позволяет автору, как замечает И. Т. Касавин, «пусть даже бессознательно не самоопределяться по отношению к другим творческим проектам» [63, с. 332]. Содержащаяся в концепте информация подвергается развёртыванию в процессе восприятия текста, порождая национально обусловленные ассоциации и коннотации, определяя их соотношение и, в конечном итоге, способствует расшифровке смысла произведения, эксплицируя эстетический объект.

Особую актуальность представляет изучение концептов в связном тексте, здесь можно сказать речь идет об особом художественном видении мира и способах его языковой репрезентации.

Художественный текст, как уже отмечалось, отображает индивидуально-авторскую картину мира, которая является вариантом художественной картины мира. По мнению Р.П. Мусат художественная картина мира - это, своего рода, художественно-эстетический символ культуры, присущий конкретным периодам ее развития. За внешней выразительностью ее образов скрыты социокультурные контексты с ценностями мировоззренческого и духовно-нравственного порядка [91, с.2].

3.1.2. Образ свободы: американская экранная версия на примере мультипликационного фильма «Спирит»

Мы уже отмечали, что в современное время в лице экранного искусства художественная литература получает мощного союзника на поприще создания своих образов и концептов. В сочетании с таким актуальным и востребованным фактором, как музыкальное сопровождение экранной версии того или иного литературного произведения (его мотивов) сильно дополняют выразительные возможности художественного слова, а подчас и открывают в них новые аспекты и грани восприятия реципиентами. Как пишет М.А.Павлова в своей научной статье “Анимация (Мультфильм) как взгляд на текст”: Трудно найти ребенка, который не любит смотреть мультфильмы. Трудно найти взрослого, который не любил бы смотреть мультфильмы в детстве. Одна из причин всеобщей любви к анимации – это возможность для зрителя существовать в безопасном пространстве и получать удовольствие от происходящего на экране. Мультфильм (анимационный фильм) – это рассказанная особым языком история. Ю.М.Лотман, один из авторов замечательной книги «Диалог с экраном», писал, что «разные искусства, обладая каждое своим языком, воссоздают разные образы мира, но только два из них – искусство слова и кинематограф – пользуются целым набором языков, позволяющих воссоздавать предельно полный образ реальности». Зрителю предлагается не какой-то образ внешнего мира, а условный рисованный кадр, ориентирующийся на рисунок, живописное полотно, фреску. «Движущиеся рисунки» вступают со зрителем в игру по особым правилам: «это игра, все здесь условно, здесь все возможно, и вы знаете про это». Принимая эти правила, зритель тут же забывает о них, смеется или замирает от волнения, но может вспомнить об этих правилах в любой момент.

По мнениям Н.С. Кабылкиной, Т.Н.Ломтева в статье “Анимационный текст как речевой жанр и способы его языковой реализации”, “анимация представляет собой уникальный жанр киноискусства. Композиционные особенности и основные жанровые характеристики анимации определяют подбор лексико-семантических, грамматических, синтаксических и стилистических средств и

приемов, направленных на раскрытие сюжета и прагматики произведения. Жанр анимации в мировом кинематографе является одним из наиболее оригинальных с точки зрения композиции, формы представления и языка.” Мультфильм демонстрирует не только эмоциональные состояния, которые испытывают его герои, но и формирует стереотипы поведения и предлагает пути разрешения ситуаций, что вербализируется набором языковых средств как каналом передачи авторских интенций. Анимационный текст как речевой жанр имеет свои отличительные особенности. Как отмечает Бахтин, речевой жанр относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов). К языковым особенностям жанра анимации мы относим простоту языка; образность; эмоциональность; динамичность; использование простых понятных шуток. Как отмечает Блумфилд, простота – характеристика языка, определяемая его конструктивными особенностями, и является объективным понятием. Простоту языка определяют два его качества: минималистичность парадигматики, выражаемая в лаконичности, и непосредственная понятность [4]. Простота в языке – это ясное и четкое, непосредственное, гармоничное использование определенных языковых средств, выражения явлений или идей. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой определяет простоту как отсутствие сложности; отсутствие вычурности, прикрас. Два этих определения сходятся в понятии простоты как отсутствии сложности, вычурности; наличию лаконичности и понятности, например в мультфильме “Спирит”: 1) “Only there!” – Только туда!. В данном примере простота в языке достигается повторения одного и того же слова. Еще к одной характеристике жанра анимации мы отнесли образность. В толковом словаре Ушакова под образностью понимается один из основных признаков художественного произведения. Живость, красочность изображения. Как отмечает Лосев, образность – сложная и многозначная категория стилистики, имеющая различные интерпретации в связи с различными осмыслениями понятия и термина «образ». «Необходимо иметь в виду, что самый термин «образ» имеет множество самых различных значений,

особенно когда он сопровождается такими эпитетами, как поэтический», «художественный», «творческий», или употребляется в таких выражениях, как «мышление в образах». Везде в таких случаях термин «образ» получает с трудом формулируемую массу семантических оттенков и становится поразному семантически нагруженным». Еще одной языковой особенностью анимации является эмоциональность. Эмоциональность передается, как правило, следующими языковыми средствами: междометиями, словами, называющими эмоции и ассоциирующимися с ними, интонацией и особыми синтаксическими структурами (повтор, эллипсис, инверсия и т. д.). Часто эмоциональное значение слова проявляется только в определенном контексте, который передает индивидуальное настроение или ощущение носителя языка. Определены формально-структурные элементы, передающие эмоциональные значения. К таким элементам в английском языке относятся суффиксы: «-у», «-ie», «-let» (sonny, birdie, ringlet), в русском языке: «-ек», «-ик», «-ечк/ -еньк» (цветочек, бегемотик, чашечка, доченька); слова-усилители: terrible, nice, great, dreadful, в русском языке: очень, сильно, ужасно. Встречаются факты, когда эмоциональность передается словами, теряющими свое предметно-логическое (денотативное) значение и, как следствие, приобретающими эмоциональную окраску. Эмоциональность в данном случае выражается через повтор. В данном примере эмоциональность выражается путем выбора языковых средств и интонации, которая выражается в текстах путём использования восклицательных знаков. Языку анимации также присуща динамичность. В нашем исследовании под повторяемостью мы понимаем частотное повторение одних и тех же языковых эффектов, а так же повторение определенных особенностей, присущих жанру анимации, таких как яркость и образность; краткость и динамичность смены образов; присутствие реального и фантастического; добрых и злых сил; анимизм (одушевление неодушевленных предметов, наделение животных и растений человеческими способностями).

Для нас в контексте нашей работы здесь важен национально-художественный аспект формирования концептов. Учитывая данное

обстоятельство, мы сочли возможным обратиться к широко известному продукту современной американской киноиндустрии, мультипликационному фильму «Spirit», Спирит, что в переводе с английского языка означает «Дух».

Фильм «Спирит», безусловно, отражает тему свободы. Если сказать, что это его главная тема, то это не будет преувеличением. Это произведение дает возможность ощутить американский дух при обращении к теме свободы, что очень важно для нас. Как же репрезентируется концепт «Свобода» в данном фильме?

Одиннадцатилетняя дочь моего коллеги в непринужденной беседе сказала об этом так: «Когда смотришь «Спирит», слушаешь песню из фильма, то грудь распирает, и сердце готово выпрыгнуть наружу». В этих словах можно уловить степень результативности художественного решения проблемы репрезентации концепта «Свобода».

Почему обращение к концепту «Свобода» в американском фильме, который с одинаковым интересом и упоением смотрят и дети, и взрослые, достигает такого эффекта, когда «грудь распирает»? Создателям фильма удалось выразить такое американское видение и ощущение свободы, как чувство возвращения к естественному и родному, как слияние с просторами первозданной природы, как противостояние грубому насилию и несправедливости, как вектор жизнедеятельности по защите фундаментального права человека на свободную жизнь.

Художественный концепт «Свобода» вылился в динамичное развитие связной и стройной фабулы произведения на примере судьбы одного животного – симпатичного жеребца Спирита. Поскольку наша работа носит сопоставительный характер в тюрко-американском ключе, мы не преминули воспользоваться возможностью провести типологические параллели с айтматовскими Гульсары и Акбарой и их непростыми судьбами. В этом сходстве, по нашему допущению, могут скрываться типичное и даже универсалии в аспекте формирования и выражения художественных концептов, в частности художественного концепта «Свобода». Художественный концепт,

безусловно, объемлет в своей структуре и содержании образный компонент и ментально-языковую семантику. В обоих компонентах присутствуют как национально-своеобразное, так и общеуниверсальное, особенно в плане выражения ключевых знаков в художественном произведении. Второе скрывает в себе такие глубинные сущностные характеристики, которые можно и, наверное, нужно моделировать с тем расчетом, чтобы четче вскрыть то, что недоступно непосредственно восприятию как в литературной версии обращения к художественному концепту «Свобода», так и его экранной параллели.

Модели, которые мы имеем в виду, по сути, являются знаковыми сущностями. Они являются программами, аккумулирующими и обобщающими в себе формально-функциональные и содержательные свойства художественных концептов как отражений национальных лингвокультур и одновременно содержащих в себе общие и универсальные черты. Исследовательская задача уловить эти две тенденции составляет назначение нашей работы, и поэтому мы не преминули возможностью воспользоваться преимуществами метода моделирования.

Инструментарий метода моделирования нами заимствован из монографии «Модельно-правовые вопросы этнокультурализма» [7]. В этой работе представлен и описан под единым углом зрения понятийно-терминологический аппарат, который позволяет моделировать этнокультурные процессы, в том числе, как оказалось, и при художественном восприятии и моделировании окружающего мира.

В аспекте внешне-формального моделирования, на наш взгляд, релевантны такие признаки, как способы выражения и формирования образности, языковые средства и т. д. Со стороны функционально-смыслового содержания модели речь следует вести о ментально-языковом содержании художественного концепта «Свобода» и его «овнешнении».

Итак, вернемся непосредственно к популярному экранному произведению «Спирит», которое, на наш взгляд, успешно и доходчиво

раскрывает и представляет обсуждаемый в работе концепт на американской культурной почве. Оговоримся, что под культурой в данном случае мы, вслед за Э. Сепиром, понимаем то, о чем люди думают и что они непосредственно делают [115; 116, с. 185-190].

Сюжет фильма заключается в зарисовках из описываемой жизни жеребца, именуемого Спиритом. Зооним «Спирит» содержит в себе указание на свободный дух, который лежит в основе известной многим американской мечты. «Спирит/Рух/Дух» – это когнитивно-лингвистический символ той невидимой силы, которая в решающий момент (а судьба часто складывается именно из таких решающих моментов) во многих художественных произведениях – будь то литературные творения или экранные произведения – позволяет положительным героям одержать победу над собой и силами зла и негативного взгляда на мир. Спирит/Рух/Дух, безусловно, связан с концептом «Freedom/Эркиндик/Свобода», и в этом заключается еще одна значимая причина нашего обращения к одноименному произведению на экране.

В фильме повествуется о волнующих перипетиях, выпавших на долю Спирита. Художественное повествование ведется от имени самого главного героя, и здесь можно уловить когнитивно-типологическое сходство, например, с айтматовским Гульсары. Такую сопоставительно-сходную черту, мы считаем, можно отнести к внешне-выразительной стороне модели, о которой мы говорили выше и которая помогает в уяснении прямо не воспринимаемых характеристик рассматриваемого концепта «Свобода».

Оценочный компонент в составе концепта подается под углом зрения природы, как естественный взгляд, не замутненный какими-либо предрассудками. Что значит свобода для американцев? Это право всех и каждого на свободу. В этом – содержательное существо концепта как объекта рассмотрения в диссертации.

Родившийся на широких просторах романтической прерии и выросший на лоне природы свободолюбивый мустанг не подозревал о будущих событиях, в которых ему было уготовано участвовать. Эти события по крупному счету

представляют собой не что иное, как столкновение сил зла, добра, гнета (ср. в тюркской концептосфере: зулум) и свободы (в тюркской концептосфере – соответственно: эркиндик, боштондук, азаттык).

Молодой мустанг то и дело попадает в руки пришедших откуда-то людей, которые осваивают «дикий Запад» и которые почему-то непременно хотят полонить его, сломать, оторвать от своих корней и превратить в бездушную рабочую силу. Однако Спирит не желает превращаться в безвольную скотину, он хочет быть свободным и сохранить в себе естественное начало, и в этом вся соль американского художественного решения темы свободы.

Настоящая и реальная свобода – это, прежде всего, свобода духа. Такие мотивы мы можем наблюдать и в современных тюркоязычных художественных публикациях в социальных сетях, которые упоминаются в нашей работе. Но что такое свобода духа под углом зрения американской мечты? Это право каждого жить своей жизнью и пользоваться условиями естественной среды обитания, в которой ты родился и тебе предназначено жить. Ведь в этом мире солнце светит всем одинаково. Но в этом же мире за свое свободное место под этим солнцем часто приходится вступать в отношения антагонизма и противостояния. Они возникают по той причине, что другие силы начинают посягать на твое место и твои права. Такие отношения именуется борьбой за свободу и они детерминируют бинарный характер рассматриваемого в нашей работе концепта. В этой борьбе люди ведомы именно силой духа, что необходимо отразить как элемент присутствия в концепте «Свобода». Эта сила воплощена в слове из английского языка – вербализаторе концепта свободы: *Spirit* – Дух.

Впечатляющий прыжок и полет над пропастью в стремлении уйти от погони преследователей-солдат американской армии, желавших поймать и покорить жеребца, является символом торжества свободолюбивого Духа. Это вынужден был признать и главный преследователь – офицер, который отдал должное порыву свободолюбивого Духа. На наш взгляд, в этом эпизоде скрыт акт признания свободы американских колоний от британской короны, которая

признала свершившееся историческое событие, приведшее к независимости, и примирилась с данным фактом, позволив колониям уйти.

3.2. Акциональный аспект структуры концепта свободы и его акцентные вариации

В данном параграфе мы ставим своей целью попытаться ощутить пульс и нерв состояния концепта свободы в языковой динамике. При этом мы наметили две генеральные тенденции трансформации бытия концепта в современных условиях: социально-идеологическую и социально-экономическую.

Первое направление ценностных сдвигов предполагает изменения в приоритетах восприятия идеалов свободы в сторону духовной жизни общества с приоритетами личностной самореализации.

Второе направление характеризуется экстенсивным характером трансляции и использования концепта свободы в обществе. Дело в том, что современное общество характеризуется все более усиливающейся тенденцией к экономической стороне бытия. Человек из политизированной личности превращается в экономически самодостаточную личность.

Итак, концепт свободы является не застывшей константой, а изменяющейся ментальной сущностью. Динамика содержательного наполнения концепта во многом зависит от текущей ситуации, в которой находится социум [50, с. 164]. Ценностная составляющая лингвокультурного концепта «свобода» определяется прежде всего тем, что этот концепт имеет отношение практически ко всем сферам человеческой жизни и составляет сущностную характеристику самой экзистенции человека. В начале данного параграфа мы обозначили релевантные в контексте нашей работы сферы рассмотрения акциональной составляющей концепта свободы. Рассмотрим каждое из намеченных выше направлений.

С целью оттенить специфику восприятия концепта свободы в современных условиях мы разработали анкету для работы с англоязычной и тюркоязычной аудиторией информантов. Приведем один из ответов в анкете.

What is freedom or liberty for you?

The ability to read whatever I want, watch whatever I want, say whatever I want, vote, travel, and live where I want. This is all posited on the fact that with freedom comes responsibility. While it is nice to say “whatever you want” you always need to be sensitive to the effect your words will have on another person. You need to speak carefully and clearly in order to express your ideas in an inoffensive way that can still challenge the ideas of another person. Constructive and responsible discourse is vital (Cynthia A. Ruder, Associate Professor of Russian Studies from Cornell University).

Что значит свобода для вас?

«Способность читать все, что я хочу, смотреть все, что я хочу, говорить все, что я хочу, голосовать, путешествовать и жить там, где хочу. Все это связано с тем, что со свободой приходит ответственность. Хотя приятно сказать «что бы вы ни хотели», вам всегда нужно быть чувствительным к эффекту, который ваши слова будут иметь для другого человека. Вы должны говорить внимательно и четко, чтобы выразить свои идеи безобидным способом, который может все еще бросать вызов идеям другого человека. Конструктивный и ответственный дискурс жизненно важен».

Мы привели указанный ответ на конкретный вопрос, т.к. здесь присутствует симптоматический, на наш взгляд, элемент выхода мышления за узко национальные рамки. Свобода проецируется широко в рамках планетарного мировосприятия. В этом плане американская лингвокультура, как нам кажется, все таки отличается от тюркских, в частности, кыргызской, лингвокультур. Конечно, в художественном плане полотна Ч. Айтматова учат нас мыслить в планетарном масштабе, и это, очевидно, путь, по которому впоследствии пойдет все человеческое сообщество.

В контексте развиваемых нами мыслей для нас представляется актуальным трансфер составляющих концепта «Свобода» в акциональном ракурсе. Мы имеем в виду, что в последнее время для менталитета тюрков, проживавших в республиках бывшего Советского Союза, характерно пробуждение «капиталистических и религиозных» моментов в понимании рассматриваемого нами концепта.

Таким образом, художественное воплощение концепта свободы в современном тюркоязычном сознании характеризуется динамичностью. Оно отражает особенность этносознания в целом. Концепты в тюркоязычных лингвокультурах, как правило, характеризуются изоморфизмом, поэтому сказанное на материале одного тюркского языка может обобщено в общетюркском формате в контексте евразийского мышления [3, с. 5]. Если в прошлом веке преобладал акцент на классово-идеологическом понимании сущности данного концепта, то в настоящее время отмечается ощутимый сдвиг в сторону общечеловеческих ценностей, сопряженных с религиозными устремлениями людей.

Разновидностью современной свободы, к которой сегодня стремятся буквально все, является экономическая свобода. Каждый человек хочет видеть себя экономически свободным и самодостаточным. Как нам представляется, особый интерес в затронутом ракурсе представляют процессы «переплавления» интернациональных терминов в горниле тюркских, в частности, кыргызского языка.

Бином «экономическая свобода – экономикалык эркиндик» иллюстрирует такие дуплетные пары, которые нам представляются как буферная зона перехода, в истоке которой стоят англоязычные термины типа «economic freedom». Как происходит межязыковое взаимодействие на участке терминов указанного разряда? Какие различия в семантическом плане можно заметить при сопоставлении языков?

Экономическую свободу мы понимаем как своего рода «награду» за неустанный и последовательный труд и деятельность, которая влечет за собой

перестройку и изменение человеческой личности. Другими словами, формирование ментальной единицы, каковой является концепт свободы, происходит в виде сложного процесса. Данный процесс не может не привести к определенным последствиям.

Наш аспект исследования детерминирует обращение к материалу, который создается что называется буквально на наших глазах. Этим обусловлено наше обращение к таким понятиям, как «финансалык эркиндик», «финансалык термостат», «экономикалык өнүгүү» и др. Они позволяют судить о том, как язык перерабатывает и выражает своими средствами новые представления, понятия, образы в контексте данной лингвокультуры. Естественно, что при этом нельзя оставлять вопросы взаимодействия одного языка с другими. Языков, функционирующих в полной изоляции, в настоящее время просто не существует, если, конечно, не иметь в виду какие-либо затерянные территории.

Современный мир – это мир взаимодействующий и объединяющийся. Процессы взаимодействия идут по всем направлениям и сферам. Они касаются и ментально-языковой сферы. При этом высвечиваются не только политические, но и другие аспекты функционирования концепта свободы. Так, например, в последнее время это касается прагматико-экономической стороны жизнедеятельности людей.

Очень много представителей общества в настоящее время заняты индивидуально-предпринимательской деятельностью, пустившись в «самостоятельное плавание». Это было трудно представить лет тридцать назад, когда люди в основном работали на государственных предприятиях. Сейчас четко разделились ситуации, в которых человек сам работает на себя и отвечает по своим обязательствам или работает на иного работодателя. В этой сфере человек тоже стал активно применять противопоставление «свобода : не свобода». Мы посчитали обязательным обратить внимание на подобные процессы.

Еще один момент. В тех случаях, когда современные авторы обращаются к вопросам репрезентации того или иного концепта, в специальных работах чаще

описываются лексические и близкие им функционально другие единицы, например, фразеологизмы, провербы и др. Мы сочли возможным акцентировать и грамматические возможности языка, когда целостный грамматический (синтаксический) контекст является типологически релевантным способом выражения (овнешнения) концепта.

Отмеченный подход базируется на внимании к вопросам глагольно-предикативного представления концепта свободы, которые открывают широкий диапазон эксплуатации данного концепта от ситуаций освобождения, в частности, от вредных привычек до идей духовной и творческой свободы личности. Это составляет одно из новшеств нашей работы, которое, как нам кажется, дополнительные сведения по сопоставительной когнитивной лингвистике наших дней.

Концепт «Свобода» входит в число ключевых концептов во многих лингвокультурах. Английская и тюркские лингвокультуры в этом смысле не составляют какого-либо исключения. При обращении к данному концепту обычно во главу угла ставится его функционирование и использование в политическом дискурсе. Исследователи, как уже отмечалось, больше обращаются к контексту борьбы за политическую независимость (свобода Родины), за освобождение от колониального гнета и т. д. В значительной мере данное обстоятельство обусловлено политизированностью развития культуры и науки в прошлом столетии.

В указанном аспекте были проведены исследования, в том числе и сопоставительного характера, использования концепта свободы в разных лингвокультурах. Наши исследовательские интересы в большей степени связаны с процессами эксплуатации и трансляции затронутого концепта в гражданском социодинамическом аспекте. Поэтому мы больше были вынуждены обращаться к ценностному компоненту концепта и процессам формирования сдвигов акцентов в этом малоизученном аспекте.

Сопоставительный характер работы создает предпосылки для осмысления взаимодействия концептов в пространстве нескольких культур. По сути речь

идет о межкультурных процессах в современном глобализирующемся мире, когда меняются многие представления, понятия и концепты в сознании людей. На наш взгляд, эти процессы отличаются значительной степенью актуальности и содержат в себе определенные закономерности, которые необходимо вскрыть и осмыслить.

3.3. Грамматический контекст репрезентации концепта свободы в английском и тюркских языках

При проведении исследований сопоставительного характера обращение к грамматическому строю языков имеет принципиальное значение. Грамматика – это, как известно, наиболее консервативный уровень системы языка. Данное обстоятельство позволяет сохранить своеобразие языка и его неповторимость, а, следовательно, создает условия для адекватного сопоставления.

Лексика по сравнению с грамматикой является более открытой и изменчивой областью языка. В этом смысле она менее четко отражает своеобразие языка, накопленное в течение длительного периода времени. Не случайно при классификации всего множества естественных языков мира языковеды обращаются именно к грамматическим признакам.

В нашей работе мы придаем приоритетное значение малоизученным возможностям грамматического воплощения концепта свободы. К ним относятся разнообразные способы. Это и глагольно-предикативное представление концепта, и широкий синтаксический контекст, передающий колорит этносознания.

Обращаясь к концепту свободы, отдельные авторы специально акцентируют глагольное представление концепта [52, с 81-87]. Нам представляется, здесь скрыты большие возможности, особенно в типологическом плане. Поясним почему.

Речь идет по сути о предикативном воплощении концепта [96, с. 202-204]. Что значит «предикативный»? Другими словами, мы сейчас обращаемся представлению концептов на уровне событий или ситуаций.

Как известно, в языке существуют предикативные и непредикативные единицы. К числу предикативных относят предложения. Выделяются моно- и полипредикативные предложения. Монопредикативное предложение обозначает одно событие или ситуацию. Полипредикативные предложения обозначают два или более событий и отношения между ними.

Мы начнем свое описание с монопредикативного уровня по направлению полипредикативному. Сразу же отметим, что наше описание носит вербоцентрический характер, поскольку в глаголе-сказуемом, как в зародыше, скрыта вся структура монопредикативного предложения в целом, т. е. представления концепта свободы в контексте целостного события. . Именно этим и ценен глагольный способ репрезентации концепта свободы.

Глагол-предикат характеризуется своей конфигурацией семантических элементов. К ним относятся в качестве основных субъект, объект и различные конкретизаторы [131, с. 56-60]. Например, в современном кыргызском языке глагол *күрөшүү* «бороться» сопровождается такими семантическими элементами, как *ким? эмне үчүн? ким менен/ кимге каршы? «кто? за что? с кем/против кого?»*. Этот глагол попадает в группу глаголов достижения свободы [119]. В языках глагольное представление концепта свободы осуществляется при помощи нескольких групп глаголов.

Концепт свободы – это ментальная сущность. Поэтому логично предположить, что она связана с такими сущностными единицами языка и мышления, как модель элементарного простого предложения. И это действительно так на уровне алгебраичности языка. В силу данного обстоятельства осмелимся утверждать, что глубинные различия и сходства между английским и тюркскими языками возможно обнаружить именно на этом уровне. Здесь релевантны выбор компонентов моделей и другие факторы. Среди них назовем так называемый принцип композициальности [21, с. 9].

Чтобы не быть голословными, обратимся к конкретным моделям в английском и одном из современных тюркских языках, а именно кыргызском языке. Прежде чем перейти непосредственно к интересующим нас группам глаголов, поясним смысловую подоплеку обращения к глагольно-предикативному способу представления концепта свободы. Мы считаем концепт свободы бинарным, поскольку в этносознании состояние свободы прочно связано с противоположным состоянием зависимости и несвободы. Более того, сам концепт свободы актуализируется как процесс, направленный от состояния несвободы в сторону состояния свободы, а также и в противоположном направлении.

Со стороны своих валентностных свойств в тюркских языках как глаголы достижения свободы, так и глаголы ее лишения формируют сходную конфигурацию. Они выступают в качестве транзитивных глаголов. Например, в современном кыргызском языке глаголы *камоо «заклЮчить под стражу» и эркиндик берүү, азат кылуу, кутулуу , эрк алуу, бошотуу «осовободить, даровать свободу»* демонстрируют сходную валентность, управляя номинативом и аккузативом. Сравним высказывания и их модели в английском и кыргызском языках.

Young people are fighting for freedom.

young people be=pl fight=ing for freedom

молодые люди бороться за свобода

‘Молодые люди борются за свободу’.

Данное высказывание реализует следующую модель:

англ. {Nnom – Vf – prep Nnom} – (who is fighting for what)

А теперь обратимся к кыргызской фразе:

Эр жүрөк Манас эркиндик үчүн күрөштү

эр жүрөк=Nom Манас эркиндик=Nom үчүн күрөш=tү

мужчина сердце Манас свобода ради бороться=PP

‘Отважный Манас боролся за свободу’

В приведенной фразе манифестирует соответствующая модель:

кырг. {Nnom – Npost – Vf} – ким эмне үчүн күрөшүп жатат

Прежде чем перейти к конкретному сопоставлению моделей по языкам, укажем на то, что в данном случае мы придерживаемся позиций лингвистического релятивизма. Основные черты идеи лингвистического релятивизма (идеи о лингвистической относительности) были сформулированы уже в работах философов XIX столетия, таких, к примеру, как немецкий мыслитель Вильгельм фон Гумбольдт, воспринимавший язык как дух нации.

В начале XX столетия американские антропологи, лидером которых были Эдвард Сепир и Франц Боас также делали попытки приблизиться к этой гипотезе, однако именно Сепиром наиболее всего критиковался лингвистический детерминизм, что прослеживалось в его работах. А Бенджамин Уорф, являвшийся студентом Сепира, активно поддерживал как своего наставника, так и других сторонников теории релятивизма. Уорф, занимавшийся изучением языков индейцев Американского континента, смог опубликовать свои работы, в которых рассказывалось о том, какое воздействие оказывают лингвистические различия на познавательные и поведенческие структуры людей. А уже другим студентом Сепира по имени Гарри Хойджер было введено само понятие «гипотеза Сепира-Уорфа». Строгая же формулировка вообще была введена лишь в начале 20-х годов XX века немецким лингвистом Лео Вайсгербергом.

В научную гипотезу как таковую принцип лингвистического релятивизма переформулировали лингвист Эрик Леннеберг и психолог Роджер Браун, когда проводили свои эксперименты по выяснению зависимости цветового восприятия людей от классификации цветов в родных им языках. Когда же исследования в области универсальной природы языка и познания оказались в 60-х годах самым актуальным направлением, интерес к идее лингвистической относительности со стороны лингвистов был утрачен. Но в конце 80-х годов сторонники новой школы лингвистического релятивизма, занятые исследованием последствий, возникающих из-за различий в языковой

категоризации познания, предоставили неоценимую поддержку в плане экспериментальной базы для релятивистских версий гипотезы Сепира-Уорфа.

Смысл гипотезы Сепира-Уорфа сводится к тому, что структура языка оказывает формирующее воздействие на человеческое мышление и то, как он познаёт окружающий мир. Согласно базовым её предпосылкам, народы, которые говорят на различных языках, обладают различиями при восприятии основных категорий окружающего мира, таких как понятие собственности, количество, число, пространство, время и т.д. Не менее значительна и разница в том, как оценивают носители разных национальных языков реальные события и явления. А главным отличием самой гипотезы является идея, исходя из которой, люди, способные говорить на нескольких языках, способны применять и несколько способов мышления. Система языка, соответствующая рассматриваемой нами теории лингвистической относительности, определяет уникальную классификацию окружающего мира, где реальная действительность предстаёт перед человеком в образе постоянно меняющегося потока образов и впечатлений.

Вернемся к нашим моделям в английском и кыргызском языках. В английской модели предпредикатную позицию занимает указание на субъект (**Nnom**). Таким образом, в данной картине мира в представлении о борьбе за свободу акцент делается на личностном начале, на роли человека как личности, носителя прав и свобод.

В кыргызской модели в рематической позиции мы видим позицию дополнительного актанта (**Npost**) . Следовательно, в тюркской картине мира в борьбе за свободу логическое ударение делается на идее свободы как целевой установке.

Актуализация концепта свободы может иметь место в виде желания достичь свободы, например, в поэзии. Отмеченные ситуации выражаются в языке предложескими конструкциями, которые возглавляются глаголами определенных семантических групп. К ним мы и намерены обратиться. Какие это группы?

Вслед за другими исследователями [50; 117], к таким группам мы относим:

1. группу глаголов обретения свободы;
2. группу глаголов наделения свободой;
3. группу глаголов утраты свободы;
4. группу глаголов лишения свободы.

1. глаголы обретения свободы — *өчүрүү, чечилип калуу, таштоо, мыйзамсыз аракет жасоо, аскерден кайтуу, кутулуу, бошотулуу, чыгарылуу* и др.;

2. глаголы наделения свободой — *жиберүү, киргизүү, руксат етүү, чечүү, сууруп алуу* и др.;

3. глаголы утраты свободы — *бойсунуу, көнүү, тил алуу, жыгылуу, сөздү эки кылбоо* и др. ;

4. глаголы лишения свободы — *камакка алуу, кысуу, туткунга алуу, байлоо, буйрук берүү, руксат бербөө, тыйуу, чек койуу* и др.

(*This meeting freed me from involuntary stiffness aliens* (Fitzgerald Francis Scott. "The Great Gatsby"))

«Эта встреча освободила меня от невольной скованности пришельца».

В данном примере мы видим использование глагольного предиката *to free* «освободить». Данный предикат формирует структурную схему

$N_{\text{nom}} \text{ Vf } N_{\text{from}} N$

Указанная структурная схема ориентирована на выражение синтаксического концепта

WHO FREES WHOM FROM WHAT

Таким образом, мы можем констатировать предикативное воплощение концепта свободы посредством использования синтаксической модели

$\{N_{\text{nom}} \text{ Vf } N_{\text{from}} N - (\text{WHO FREES WHOM FROM WHAT})\}$

как двустороннего лингвистического знака английского языка.

Под синтаксическим концептом в современной лингвистике подразумевают «типовую пропозицию, которая зафиксирована конкретной структурной схемой простого предложения» [33, с. 59; 75; 129]. Исследуя

синтаксические концепты конкретных языков, исследователь выходит на уровень системы языка, на котором представлены способы выражения концептов как ментальных единиц.

Глагольное воплощение концепта указало, что концепт «Эркиндик» в кыргызском языке так же, как в других тюркских и английском языках, актуализирует в «пограничных» ситуациях перехода от свободы к несвободе и, наоборот, или при наличии у человека желания такого перехода. Здесь интересно привести результаты ассоциативного эксперимента, проведенного при сравнении казахского как тюркского языка в сравнительном плане [1, с. 85-87]. Ниже мы приводим результаты ассоциативного эксперимента, подготовленного и проведенного нашими коллегами из Казахстана.

Анализ результатов проведенного свободного ассоциативного эксперимента проводился в трех плоскостях: языковой (каз.язык), гендерной (мужской / женский), возрастной (от 19 до 25 лет, от 25 до 61 года). Основные ядерные значения лексеморепрезентантов концепта в английской и казахской культурах являются общими: 1) возможность поступать как хочешь; 2) отсутствие ограничений; 3) нахождение не в заключении, в рабстве. Индивидуальные ассоциаты интерпретационного поля на самом деле очень разнообразны и часто связаны с возрастными различиями.

Респонденты в возрасте до 25 лет понимают свободу как что-то особенное, интерпретируют «свободу» «независимость ни от кого; что хочу, то и делаю; полная свобода действий; заниматься тем, чем хочешь; сам себе хозяин; сама себе предоставлена; нет преград, свободно выражать свои мысли без гонений, быть в гармонии с самим собой, никто не мешает, гулять, веселиться, интересная жизнь, музыка, ярко, весело». Другими словами говоря, данные реакции характеризуют людей в возрасте до 25 лет инфантильными, эгоистичными, думающими только о своей неущемленности.

Респонденты от 25 лет и старше относятся к свободе своим серьезным отношением к жизни, серьезными взглядами на жизнь (свобода слова, сво-

бода выбора, свобода действий, равенство, жизнь, братство, деньги, независимость, демократия, небо, полет, ветер, беспрепятственность).

Для женского пола «свобода» ассоциируется с независимостью, с чистым голубым небом, с полетом, ветром, простором, птицей, жизнь. Для женщин важна также демократия, свобода выбора, свобода действий, свобода слова, свободомыслие, личность, гармония, победа.

Женщины выделили также как отдельную характеристику воли «право человека быть самим собой» (самостоятельность, сама себе предоставлена, сам себе хозяин, сам себе господин, никто не мешает, быть в гармонии с самим собой, заниматься тем, что нравится; өзін-өзіне би, өз бетімен шешім қабылдау, өз қалауын, өз-өзіне жауап беру, өз қалағаның істеу, өз еркімен өмір сүру).

Для мужчин, понятие «свобода» -это демократия, независимость, возможность выпить пива после работы, друзья, отдых, свободное время от работы, гулянка, одиночество, единение, путь, дорога, гулять, веселиться, братство. Понимание свободы как отсутствия семейных обязанностей встретилось у одного респондента (*холостяцкая жизнь*) в значении «холостой» (женитьба оценивается им как некая несвобода). Респондентам и также было упомянуто наличие денег, следовательно, больших возможностей для человека.

Любопытно отметить, что и американцы, и казахи связывают свободу с Америкой:

США 61, Амерка 44, eagle 4 (изображен на американском гербе), *July 4th* (4 июля день независимости США); *США 7, НьюЙорк 1, Америка 1, Статуя свободы 1*.

Это еще раз подтверждает общепринятый взгляд на Соединенные Штаты как на страну демократии и свободы. Свобода в сознании респондентов ассоциируется с демократическими ценностями, независимостью государства (независимость, тәуелсіздік, равенство, равноправие, теңдік, тәуелсіздік, тәуелсіз ел, тәуелді болу, теңдік, ой бостандығы, патриотизм, сөз бостанды

ғы, сөз еркіндігі, татулық, демократия, азат ел, әділдік, азамат, бірлігі жарасқан ел, егемендік, егеменді ел, намыс, қарсы тұру, құқық, таңдау құқығы, 16 желтоқсан, желтоқсан құрбандары, жариялаулық). Подобное понимание свободы является доминирующим во всех сравниваемых культурах.

Свобода это также отсутствие запрета, наличие денег и, иногда, мир и покой. Англоязычные респонденты, кроме того, назвали свободу анархией и вольностью. В казахской лингвокультуре подобное понимание не представлено.

Ценность свободы велика во всех сравниваемых лингвокультурах, при выделении разных сторон свободы позитивное восприятие доминирует. «Пассивность» казахских респондентов по отношению к свободе проявляется в том, что они готовы ждать, когда некто дарует им свободу.

Анализ паремиологического фонда также подтверждает двойственность концепта СВОБОДА, существующего во взаимодействии, свободы и несвободы. Являясь свернутым воплощением правил поведения и норм морали в обществе, паремии, с одной стороны, показывают ценность свободы для человека, с другой утверждают необходимость ограничения личной свободы человека ввиду существования нравственных норм и норм человеческого общежития (*Әдептіліктің белгісі иіліп сәлем бергені, жақындықтың белгісі көп кешікпей келгені. Жақсымен жолдас болсаң, Жетерсің мұратқа. Жаманмен жолдас болсаң, Қаларсың ұятқа; Бетің қисық болса, айнаға өкпеле ме; Көзің ауырса қолынды тый, Ішің ауырса тамағынды тый; Өз етігің тар болса, дүниенің кеңдігінен не пайда; Қызым, саған айтам, келінім, сен тыңда. Атаңа не қылсаң, алдыңа сол келер. Сөзің тәтті болсын, ашуың қатты болсын. Киім пішсең кең піш, тарылтуың оңай*).

Наличие таких ограничителей свободы, как законы природы, высшие силы, нравственные нормы и материальное неблагополучие признается в английской, в казахской лингвокультурах. Однако в то время как для казахов характерна покорность судьбе, обстоятельствам и подчинение сил

ному, носителю английской лингвокультуры свойственна активность в управлении своей судьбой, улучшении своего благосостояния и борьба.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что среди казахских паремий доминирует нейтральная оценка свободы (констатация несвободы человека, у казахов все предопределено судьбой, человек вынужден соблюдать нравственные нормы и правила поведения, принятые в обществе) (69 %), положительная оценка свободы выражена в 21 % пословиц, отрицательная оценка свободы встречается в 10 % пословиц.

Проанализировав казахский паремиологический ряд, обнаружилось, что в казахском паремиологическом фонде практически нет пословиц, связанных с ограничением свободы «в четырех стенах», с заточением в тюрьму. На наш взгляд, это связано с социальной историей казахов: у казахов раньше не было тюрем. За убитого человека, за воровство, грабеж, взыскивали кун взамен кровной мести. По законам степной демократии, человека, преступившего нормы обычного права, «заклучали», поместив его в ограниченное пространство (порой чисто символически, например, очертив вокруг него землю, которое он не смел переступить). Для члена родового сообщества гораздо важнее было отношение сельчан, ибо одним из самых жестоких наказаний считалось изгнание из аула, рода и т. д. [51].

Сравнивая оценку свободы в пословицах, можно утверждать, что для казахского паремиологического сознания характерна констатация подчиненного положения человека (69 % каз.), в то время как среди английских паремий доминирует положительная оценка свободы (52 %). Для казахстанцев характерен, скорее, пространственный, нежели динамичный образ свободы. Итак, американцы связывают свободу с большим количеством разнообразных явлений, как актуальных, так и исторических. Американская свобода более «реальна», в большей степени носит правовой характер [3, с. 21]. Казахский круг представлений о свободе и образов свободы, по нашему мнению, шире (*небо, полет, птица, высота, жизнь, радость, гармония,*

музыка). Кроме того, у современных казахстанцев образная составляющая имеет бытовой характер (*отдых, комфорт, отсутствие обязанностей*) [51, с. 86].

Таким образом, концепт свободы часто представлен в виде символа, его сущность состоит в бинарном противопоставлении свободы и несвободы, он актуализируется в ситуациях перехода человека из состояния свободы в состояние несвободы (или из состояния большей свободы в состояние меньшей свободы), и наоборот.

Грамматический контекст не ограничивается рамками отдельных высказываний, моно- или полипредикативных. Язык может демонстрировать свое своеобразие при выражении концепта и на уровне текста. Как известно, в лингвистическом смысле термин «текст» понимается достаточно широко и включает в себя различные продукты речемыслительной деятельности человека. Такие способы оснещения концептов в работе мы называем синтаксическим контекстом.

Примером синтаксического контекста может быть ментальный диалог-обмен мысле-суждениями в популярном американском фильме «Спирит». Данный фильм представляет собой повествование о борьбе жеребца по кличке Спирит за свою свободу.

Кульминационным моментом фильма является прыжок во время погони через огромную пропасть. Спиритовский прыжок - это как сделать невозможное возможным. Даже дитя природы, юноша-индеец, подумал, что такую пропасть преодолеть жеребцу с человеком на спине невозможно:

Just not there! «Только не туда!».

Однако для Спирита выбора не было – либо свобода, либо в очередной раз попасть в руки ненавистных преследователей, спешивших сзади по узкой тропе и уже дышавших в спину. И он принимает решение в решающий момент:

Only there! «Только туда!».

Туда – это был путь к *свободе*. Путь, подобный судьбоносному прыжку через бездну. Путь, подобный полету. Полету духа и плоти, в которой он был

воплощен. Полет, символизирующий вектор мышления и жизнедеятельности американского народа, выбравшего идеалы свободы и сформировавшего свой концепт «Свободы».

Синтаксическая модель, облигаторные позиции в которой заполняются указательными местоимениями, является средством репрезентации концепта «Свобода» в английском языке и отличает данный язык, в частности, от тюркских языков, с которыми мы можем провести сопоставление. Данный репрезентант употреблен в аспекте художественного решения при использовании приема повтора, в котором обыгрывается оппозиция «отрицание – утверждение»:

-Just not there!

Только не туда

-Only there!

Только туда!

Семантическое усиление достигается за счет употребления ограничительно-усилительной частицы *only* «только». Синтаксические способы выражения концепта свободы, которые, в отличие от лексических, еще очень мало изучены, позволяют передать динамизм внутреннего содержания концепта и значительный диапазон имеющихся коннотаций.

Основными моментами синтаксического контекста выражения концептов мы считаем микротему сложного надфразового целого (фрейм), характер моделей, по которым строятся высказывания в микротексте, средства межфразовой связи. К концептам как означенной информации можно выходить, отталкиваясь от пресуппозиций, синтаксических структур и конструкций, провербиальных единиц и лексики. В данном направлении возможно исследование глубинных закономерностей концептуализации в рамках той или иной лингвокультуры.

Выше мы рассматривали пример представленности концепта свободы в англоязычном контексте. «Овнешнение» данного концепта встречается и в

произведениях тюркоязычных авторов, например, в произведениях Ч. Айтматова, в частности, в повести «Белый пароход».

Обращаясь к повести Ч. Айтматова «Белый пароход», можно сразу же заметить, что собственно про белый пароход в повести написано относительно мало строк. Но этот образ (а образ корабля можно назвать образом свободы в тюркоязычной поэзии) вобрал в себя основное содержание произведения, его основной нерв, и поэтому данное словосочетание вынесено в название повести. Писателем рисуется образ смутно возникающего и затем удаляющегося символа свободы, тем не менее открывающего перспективу на мечты и надежду.

Белый пароход удалялся. Уже не различить было в бинокль его труб. Скоро он скроется из виду. Мальчику теперь было пора придумать конец своего плавания на отцовском пароходе. Все получилось хорошо, а вот конец не удавался. Он мог легко представить себе, как он превращается в рыбу, как плывет по реке к озеру, как встречается ему белый пароход, как он встречается с отцом. И все, что он рассказывает отцу. Но дальше дело не клеилось. Потому что вот, к примеру, уже виден берег. Пароход направляется к пристани. Матросы готовятся сходить на берег. Они пойдут по домам. Отцу тоже надо уходить домой. Жена и двое ребятишек ждут его на пристани. Как тут быть? Идти с отцом? Возьмет ли он его с собой? А если возьмет, жена его спросит: «Кто это такой, откуда он, зачем он?» Нет, лучше не идти ...

А белый пароход уходил все дальше, превращаясь в едва видимую точку. Солнце уже ложилось на воду. В бинокль было видно, как ослепительно сияла огненно-лиловая поверхность озера.

Пароход ушел, исчез. Вот и кончилась сказка о белом пароходе.

Сопряженный с понятием сказки фрейм «Белый пароход» делает ссылку на интенции главного героя произведения. Данный фрейм выступает в качестве отражения стереотипа тюркской художественной мысли, которая отождествляет понятия свободы и независимости с тем, чтобы

беспрепятственно бороздить бескрайние и тянущиеся до горизонта просторы степи и моря.

Повествование о белом пароходе строится при помощи простых коротких фраз. Эти рубленые фразы словно отсчитывают время сказки, которая тает. Параллелизм предложений в данном случае выступает в качестве средства межфразовой связи. В тюркской речи параллелизм обычно сглаживается благодаря использованию соотносительно-местоименных средств межфразовой связи, стягивающих рядом расположенные предложения-фразы в единства сильной синтаксической связью [2, с. 121].

Затронутый нами фрейм сформирован на основе концепта «Свобода». Благодаря указанному фрейму концепт свободы поворачивается гранью желанной мечты. Поэтому ключевой фразой всего произведения служит высказывание: «Салам, ак кеме, бул менмин!» ‘Здравствуй, белый пароход, это я!’.

3.4. Предикативное воплощение концепта в кыргызском и английском языках

В данном параграфе мы обращаемся к такой разновидности ментальных единиц, как синтаксические концепты. С.Е. Кузьмина, обращаясь к синтаксическим концептам в свете идей когнитивной лингвистики, пишет о том, что современной когнитивной лингвистике признается возможность выражения концептов разноуровневыми языковыми средствами, обладающими знаковой природой. В работах последних лет исследуются концепты, выражаемые средствами синтаксиса языка; наряду с терминологическими сочетаниями «лексический концепт», «лексико-фразеологический концепт» вводится понятие синтаксического концепта [76, с. 87].

И. А. Стернин и З. Д. Попова подчеркивают: «Концепт репрезентируется в языке:

– готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющими “подходящие к случаю” семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные (потенциальные, скрытые));

– свободными словосочетаниями;

– структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты);

– текстами и совокупностями текстов» [111, с. 14]

В чем отличие синтаксических концептов от привычных понятийно-лексических, фразеологических лингвокультурных концептов? Последние можно интерпретировать в качестве понятий, погруженных в национальную культуру [46; 47]. Синтаксические концепты моделируются посредством исследования семантики предложения как языковой единицы, в отвлечении от его конкретного лексического наполнения, то есть посредством установления обобщенного содержания структурной схемы предложения. Специфика содержания предложения как языковой единицы заключается в его способности отображать целостную ситуацию внеязыковой действительности. Ситуация отражается не зеркально и непосредственно, а через посредство мысли, преломляясь в человеческом сознании, чем и объясняется тот факт, что одной и той же реальной ситуации соответствуют разные синтаксические построения. Переработанная мышлением человека ситуация, отнесенная к определенному типу, или представление о типовой ситуации и составляет то мыслительное содержание, которое выражается предложением определенной структуры [76, с. 87].

У З.Д. Поповой синтаксический концепт получает следующее определение: «синтаксические концепты – это образы ситуаций, осмысленных людьми и вербализованных синтаксическими структурами» [112, с.56–61].

Некоторые из современных лингвистов приравнивают понятие синтаксического концепта к понятию пропозиции, подразумевая под пропозицией ментальный коррелят внеязыковой ситуации. Так, в монографии

Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой синтаксический концепт определяется как «типовая пропозиция, которая зафиксирована конкретной структурной схемой простого предложения» [34].

Синтаксические концепты ориентированы на культурно отформатированные ситуации и события. Синтаксические концепты передают типовые классы ситуаций на заданную тему. В результате складывается типологически значимая и специфическая для данной культуры «картинка» той или иной темы, в частности, свободы. И в том, и в другом случае ключевым является слово «культура». Под культурой в данном случае мы подразумеваем то, о чем думают и что создают люди.

Мы допускаем, что лингвокультурный концепт может быть связан с синтаксическим концептом в процессе порождения связной речи. Между конкретным лингвокультурным концептом и высказыванием в реальной речи лежат синтаксические концепты, а также и их типовые структурные схемы как формальная сторона в составе речемыслительных моделей. Пословицы, поговорки и фразеологизмы мы отделяем от высказываний и относим их к «готовым речениям», сближающимся с лексикой. Ниже мы вслед за большинством современных авторов принимаем следующее определение синтаксических концептов: синтаксический концепт – это выражаемая структурной схемой предложения и представленная в виде типовой пропозиции (структурированной совокупности смыслов) информация о типе ситуации (совокупности предметов и связывающего их отношения), к которому мышление человека относит наблюдаемый фрагмент действительности [76, с. 90].

Предикативный способ воплощения концептов прежде всего предполагает выделение групп предикатов, которые формируют структурные схемы предложения на заданную лингвокультурным концептом тему. Так, например, концепт «Свобода» задает тематику высказываний, которые включают предложения, формируемые четырьмя группами глагольных предикатов [119; 51].

«Предикативные воплощения концепта «Свобода» в языке, - пишет А.С. Солохина, - представлены следующими группами глаголов: 1) глаголы обретения свободы; 2) глаголы наделения свободой; 3) глаголы утраты свободы; 4) глаголы лишения свободы. Тот факт, что наиболее представленной численно является группа глаголов лишения свободы, а также немногочисленность глаголов утраты свободы свидетельствуют о ее (свободы) высокой ценности для человека, не склонного добровольно лишать себя свободы и не желающего ее терять. Кроме того, разнообразие глаголов лишения свободы говорит о том, что в мире существует множество факторов, способных отнять у человека его свободу. Бинарный концепт "свобода" существует в виде оппозиции свобода - несвобода и актуализируется в ситуациях перехода человека из состояния свободы в состояние несвободы (или наоборот), или при наличии у человека желания такого перехода» [123, с. 59].

Синтаксические концепты на тему свободы образуют своеобразное ментальное ситуативно-понятийное поле. Здесь можно говорить о четырех инвариантных речемыслительных схемах. Внутри себя они содержат по разным языкам разное количество синтаксических концептов и выражающих их типовых структурных схем.

Обратимся к инвариантным схемам.

1. Ситуация когда свобода «приходит».
 - 1.1. КТО-ТО ПОЛУЧАЕТ СВОБОДУ
 - 1.2. КОГО-ТО НАДЕЛЯЮТ СВОБОДОЙ
2. Ситуация когда свобода «уходит».
 - 2.1. КТО-ТО ТЕРЯЕТ СВОБОДУ
 - 2.2. КОГО-ТО ЛИШАЮТ СВОБОДЫ

Таким образом, бинарный концепт «Свобода» может быть репрезентован в виде шкалы. На одном полюсе этой условной шкалы располагается ситуация свободы (приобретения, наделения), а на другом – ситуация несвободы (утраты, лишения). Рассмотрим примеры реализаций глагольных предикатов из каждой из приведенных групп в кыргызском и английском языках.

В кыргызском языке представляем следующие группы глагольных предикатов, при помощи которых формируются четыре синтаксические конструкции, выражающие поле концепта «Свобода».

<p>1. глаголы обретения свободы</p>	<p>эркиндикке ээ болуу, ыргытуу, жок кылуу, жазылуу, пакетти ачуу, боосун чечүү, кур чечүү, курду бошотуу, баш көтөрүү, аскерден кайтуу, бошотуу/ аскердик кызматтан кайтуу, демократияга жетишүү, демократизациялаштыруу, эркиндике чыгуу, боштондукка чыгуу, демобилизациялоо, кутулуу, бошонуу, чыгарылуу, бош болуу, эркин болуу, азаттыкта болуу, ойлонуу, суроо беруу, талашуу, күрөшүү, эгемендүүлүккө жетишүү;</p>
<p>2. глаголы наделения свободой</p>	<p>жөнөтүү, киргизүү, эркиндик берүү, уруксат берүү, ыраазычылык билдирүү, алып салуу, ачуу, чечүү, бүктөлүү, жулуп алуу, чыгаруу, таңгактоо, чечип коюу, бошотуп берүү, боштондук берүү, чечип берүү, кайтаруу, азаттыкка чыгуу, каршы көрсөтүү, бошотуу/кайтуу аскердик кызматтан, жеңүү, демобилизациялоо, бошонуу, кутулуу, азаттыкка чыгуу, чыгарылуу;</p>
<p>3. глаголы утраты свободы</p>	<p>баш ийүү, багынуу, багынып берүү моюн сунуу, бут тозуу, жыгылуу, айтканды орундоо, тил алуу, сөздү эки кылбоо,</p>

	<p>блоктоо, обочолонуу, жекелештирүү, изоляциялоо, тосмо куруу, курчоого алуу, мыйзам бузуу, чектөө, канааттандыруу эмес, чек коюу, жаза алуу, укукту чектөө, күч көрсөтүү;</p>
4. глаголы лишения свободы	<p>тосуу, курчоо, камоо, кысуу, көчүрүү, тыюу салуу, байлоо, кишендөө, камакка алуу, буйрук берүү, буйрук кылуу, баш ийүү, мажбурлоо, ашыкча жүктөө, жүктөө, милдеттендирүү, тыюу салуу, токтотуу, басмырлоо, коркутуу, басып алуу, алып кетүү, басып алуу, блоктоо, татаалдаштыруу, канааттануу, токтотуу, чектөө, согуу, кан төгүү, согушка катышуу;</p>

В целях сопоставления приведем группы глагольных предикатов из английского языка.

1. verbs of gaining freedom	<p>to have freedom, to throw, to delete, to subscribe, to open a package, to untie a belt, to loose a belt, to commit an illegality, to rebel, to rise, to return from the military, to be released from military service, to return, to demobilize, to release, to release, to discharge;</p>
2.verbs of giving freedom -	<p>to send, to enter, to release, to allow, to</p>

	thank, to remove, to open, to untie, to fold, to pull out, to release, to pack, to free, to untie, to return, to set free, to protest, to release /return from military service, to win , to demobilize, to deliver, to give liberty, to discharge;
3. verb of loss of freedom	to obey, to submit, to yield, to bow, to fall, to comply, to obey, to surrender, to block, to isolate, to individualize, to isolate, to fence, to besiege, to violate, to limit, to dissatisfy, to set a limit, to punish , to limit the right, to show force;
4. verb of imprisonment -	to block, to surround, to arrest, to squeeze, to transfer, to imprison, to interdict, to bind, to handcuff, to arrest, to order, to command, to obey, to coerce, to force, to encumber, to oblige, to prohibit, to discriminate, to intimidate, to frighten, to take away, to capture, to block, to complicate, to satisfy, to stop, to limit;

1. Синтаксические концепты, организуемые предикатами – это глаголы обретения свободы. В кыргызском к ним относятся следующие предикаты: эркиндикке ээ болуу, ыргытуу, жок кылуу, жазылуу, пакетти ачуу, боосун чечүү, кур чечүү, курду бошотуу, баш көтөрүү, аскерден кайтуу, бошотуу/ аскердик кызматтан кайтуу, демократияга жетишүү, демократизациялаштыруу, эркиндике чыгуу, боштондукка чыгуу, демобилизациялоо, кутулуу, бошонуу, чыгарылуу, бош болуу, эркин болуу,

азаттыкта болуу, ойлонуу, суроо беруу, талашуу, күрөшүү, эгемендүүлүккө жетишүү. Теперь обратимся к глаголу в английском языке *to free them selves* ‘освободиться.’ Обратимся к речевой иллюстрации:

() *An elderly man was released from prison yesterday* (информант)

an elder=ly man was releas=ed from prison yesterday

an=ART пожилой=ADJ быть=PP освободиться=PP из=POSTP

вчера=ADV

‘Пожилой мужчина вчера освободился из тюрьмы’

В данном примере мы имеем дело с синтаксическим концептом

«WHO IS FREE FROM WHAT (WHO, WHERE)»

Данный синтаксический концепт коррелирует с лингвокультурным концептом «Freedom», который является бинарным и покрывает семантическую зону от несвободы до свободы. Синтаксический концепт WHO IS FREE FROM WHAT (WHO, WHERE) в рамках речемыслительной модели связан со своим означаемым – типовой структурной схемой

Nnom Cop Adj from N/Adv.

По приведенной структурной схеме можно построить множество однотипных высказываний на тему приобретения свободы. Следовательно, для англоязычной лингвокультуры характерна модель

{Nnom Cop Adj from N/Adv - WHO IS FREE FROM WHAT (WHO, WHERE)}

А теперь посмотрим, чем отличается данная речемыслительная модель от своих аналогов в тюркоязычной, например, кыргызской лингвокультуре. Для этого обратимся вновь к теме приобретения свободы. Например:

() *Чарчаган түлкү капкандан акыры кутулду* (информант)

чарчаган түлкү капкан=дан акыры кутул=ду

усталый=**ADJ** лиса=**NOM** капкан=**ABL** наконец=**ADV** освобождаться=**PP**

‘Усталая лиса наконец-то освободилась из капкана’

Здесь мы видим синтаксический концепт

«КИМ ЭМНЕДЕН (КИМДЕН) КУТУЛДУ»

Означающим для этого синтаксического концепта выступает структурная схема

Nnom Nabl Vf

Другими словами, перед нами глагольная модель.

() *If you love someone, set them free* (The Last Act of Love by Cathy Rentzenbrink)

if you love someone, set them free

если ты любить кто-то делать его свободный

‘Если ты любишь кого-то, освободи его’

Синтаксический концепт

«SOMEONE FREES SOMEONE»

выраженный в данном примере предполагает для вербализации структурную схему

Nnom Vf N.

Пример из английского языка на вербализацию в ситуации наделения свободой.

This meeting freed me from the involuntary stiffness of the alien (Fitzgerald Francis Scott. "The Great Gatsby" Фрэнсис Скотт Фицджеральд “Великий Гэтсби!”с. 12)

‘Эта встреча освободила меня от невольной скованности пришельца’

Кырг. () *Биздин өлкө өткөн кылымдын аягында көз карандысыздыкка жеткен* (информант)

биз=дин өлкө өткөн кылым=дын аяг=ын=да көз карандысыздык=ка жеткен

мы=**GEN** страна прошедший=**PPRT** век=**GEN** конец=**POSS.3=LOK**
независимость=**DAT** достигать

‘Наша страна достигла независимости в конце прошлого века’

() *Кошунанын уулу бүгүн аскерден кайтты* (Информант)

кошуна=нын уул=у бүгүн аскер=ден кайт=ты

сосед=**GEN** сын=**POSS.3** сегодня армия=**ABL** возвращаться=**PP**

‘Соседский сын сегодня вернулся из армии’

В данных примерах представлен синтаксический концепт

«КИМ (ЭМНЕ) ЭМНЕГЕ ЖЕТҮҮ»

Он связан в рамках речемыслительной модели со структурной схемой

Nnom Ndat Vf.

Обратим наше внимание на английскую параллель данного синтаксического концепта:

() *The neighbor's son returned from the army today*

the neighbor's son returned from the army today

сосед=**GEN** сын вернуться из армия сегодня

‘Соседский сын вернулся из армии сегодня’

Для вербализации ситуации с данным синтаксическим концептом используется типовая структурная схема

Nsubj Vf from Nobj.

2. Синтаксические концепты, организуемые предикатами надления свободой.

В кыргызском языке к ним относятся: жөнөтүү, киргизүү, эркиндик берүү, уруксат берүү, ыраазычылык билдирүү, алып салуу, ачуу, чечүү, бүктөлүү, жулуп алуу, чыгаруу, таңгактоо, чечип коюу, бошотуп берүү, боштондук берүү, чечип берүү, кайтаруу, азатыкка чыгуу, каршы көрсөтүү, бошотуу/кайтуу аскердик кызматтан, жеңүү, демобилизациялоо, бошонуу, кутулуу, азаттыкка чыгуу, чыгарылуу.

Приведем примеры реализации указанного типа предикатов в составе высказываний.

Кырг. () *Дүйшөн милиция кызматкерлери менен кызды куткарып, балдар үйүнө жайгаштырат* (Ч. Айтматов «Биринчи мугалим»)

Дүйшөн милиция кызматкер=лер=и менен кыз=ды куткар=ып,
балдар үйү=нө жайгаштыр=ат

Дуйшен милиция сотрудник=**PL=POSS.3** совместно девочка=**ACC**
освободить=**CV**

Дети дом=**POSS.3.DAT** устраивать=**PrP**

‘Дуйшен вместе с сотрудниками милиции освобождает девочку и устраивает в детский дом.’

Кырг. () *Ынкылаптан кийин бардык элдерге эркиндик берилди* ()

ынкылап=тан кийин бардык эл=дер=ге эркиндик бер=ил=ди

революция=**ABL** после все народ=**PL=DAT** свобода
дать=**CAUS=PP**

‘После революции всем народам была дана свобода’

Еще пример.

Кырг. *Аюнун чоңойгон баласы азаттыкка токойдо чыгарылды*

Аю=нун чоңойгон бала=сы азаттык=ка токой=до чыгар=ыл=ды

Медведь=**GEN** подросший дитеныш=**POSS.3** свобода=**DAT**
лес=**LOK** выпускать=**CAUS=PP**

‘Подросший дитеныш медведя был выпущен на свободу в лесу’

Сопоставим теперь английские параллели данной группы предикатов, то есть verbs of giving freedom. К ним относятся, в частности, следующие глаголы: send, introduce, release, allow, thank, remove, open, solve, fold, to pull out, to take out, to pack, to untie, to release, to untie issuance, return, release/return from military service, demobilization, release, get rid of, escape, release.

Обратимся к высказывательным иллюстрациям.

АНГЛ. () *After World War II, many African countries were given freedom*

After World War II, many African countries were given freedom

После мировая война два многие африканские страна=PL быть=PP давать
свобода

‘После Второй Мировой войны многим африканским странам была дана
свобода’

Следующий пример.

() *The problem of island isolation was resolved by the two countries through negotiations*

The problem of island isolation was resolved by the two countries through negotiation=s

Проблема остров изоляция быть решен две страна через переговор=PL

‘Проблема изоляции острова была решена двумя странами путем переговоров’

В высказываниях, организуемых рассматриваемыми предикатами, наделение свободой интерпретируется как разрешение какого-то проблемного вопроса. В репертуар синтаксических концептов включены

«WHAT (freedom) IS GIVEN TO WHOM», «WHAT IS DECIDED BY WHOM».

АНГЛ. () *Money is valuable because it gives freedom* (Джек Лондон «Мартин Иден» с. 94)

Деньги тем ценны, что дают свободу

3. Синтаксические концепты, формируемые предикатами утраты свободы.

В кыргызском языке в эту группу предикатов входят такие глаголы, как баш ийүү, багынуу, моюн сунуу, бут тозуу, жыгылуу, айтканды орундоо, тил алуу, сөздү эки кылбоо, блоктоо, обочолонуу, жекелештирүү, изоляциялоо, тосмо куруу, курчоого алуу, мыйзам бузуу, чектөө, канааттандыруу эмес, чек коюу; жаза алуу, укугу чектөө, күч көрсөтүү.

Обратимся к примерам.

Кырг. () *Бугу уруусунун эли Ормон ханга баш ийген*

Бугу уруу=су=нун эл=и Ормон хан=га баш ий=ген

Бугу племя=**POSS.3**=GEN народ=**POSS.3** Ормон хан=**DAT**

голова склонять=**PP**

‘Народ племени бугу подчинился Ормон хану’

Англ. () *By 1211, all the tribes and peoples of Southern Siberia submitted to the Mongols.*

By 1211, all the tribe=s and people=s of Southern Siberia submitted to the Mongol=s

к 1211 все племя=**PL** и народ=**PL** от Южная Сибирь подчиняться к монгол=**PL**

‘К 1211 году все племена и народы Южной Сибири подчинились монголам’

Синтаксический концепт в данном случае осмысляется как некое состояние или действие (утрата=передача свободы) субъекта по отношению к другому субъекту:

«КИМ КИМГЕ МОЮН СУНУУ»; «WHO OBEYS WHOM».

Что касается типовых структурных схем, то здесь мы можем увидеть некоторые различия:

Кырг.	Nnom Ndat Vf
Англ.	Nsubj Vf Nobj

Они сводятся прежде всего к порядку расположения облигаторных (обязательных) компонентов структурной схемы.

4. Синтаксические концепты, организуемые предикатами лишения свободы.

К предикатам данной группы в кыргызском относятся следующие глаголы: тосуу, курчоо, камоо, кысуу, көчүрүү, тыюу салуу, байлоо, кишендөө, камакка алуу, буйрук берүү, буйрук кылуу, баш ийдирүү, мажбурлоо, ашыкча жүктөө, жүктөө, милдеттендирүү, тыюу салуу, токтотуу, басмырлоо, коркутуу,

алып салуу, алып кетүү, басып алуу, блоктоо, татаалдаштыруу, канааттануу, токтотуу, чектөө, согуу, кан төгүү, согушка катышуу и др.

В английском языке к указанной группе глаголов можно отнести следующие глаголы лишения свободы - verb of imprisonment:

to block, surround, arrest, squeeze, transfer, imprison, interdict, bind, handcuff, arrest, order, command, obey, coerce, force, encumber, oblige, prohibit, discriminate, intimidate, frighten, take away, capture, block, complicate, satisfy, stop, limit и др.

Обратимся к примерам-иллюстрациям.

Кырг. () *Колхоздун мал короосунун жумушчусу айгырды кишендеди* ()
Колхоз=дун мал короо=су=нун жумушчу=су айгыр=ды кишенде=ди
Колхоз=**GEN** скот двор=**POSS.3=GEN** работник=**POSS.3**
жеребец=**ACC** опутать=**PP**

‘Работник колхозного скотного двора надел путы на ноги жеребцу’

Кырг. () *Сыйлоо комиссиясы Президенттик стипендияга чектөө киргизди*
(информант)

сыйлоо комиссия=сы Президенттик стипендия=га чектөө киргиз=ди
награда комиссия=**POSS.3** президентская стипендия=**DAT**
ограничение вводить=**PP**

‘Наградная комиссия ввела ограничения на Президентскую стипендию’

Приведенный пример вербализует синтаксический концепт

КИМ ЭМНЕГЕ ЭМНЕ КЫЛУУ

связанный с типовой структурной схемой

Nnom Ndat Vf.

Англ. () Yesterday the city police arrested the instigators of the riots ()
yesterday the city police arrested the instigators of the riots
вчера город полиция арестовать организптор=**PL** беспорядок=**PL**
‘Вчера городская полиция арестовала зачинщиков беспорядков’

В данном предложении-высказывании *Yesterday the city police arrested the instigators of the riots* просматривается синтаксический концепт

«WHO DID WHAT TO WHOM»

Он связан со структурной схемой

Nsubj Vf Nobj.

АНГЛ. () *I was thrown into a punishment cell, deprived of light and food*
(Джон Стюарт Милль с. 36)

‘Я был брошен в карцер, лишен света и пищи’.

В примере *I was thrown into a punishment cell, deprived of light and food* синтаксическим концептом является

«WHO IS DEPRIVED OF FREEDOM»- КТО ЛИШЕН СВОБОДЫ

В ментальной сфере он связан с типовой структурной схемой :

Nsubj to be Vfcaus of Nobj.

Таким образом, исследование аспекта предикативного воплощения концепта «Свобода» позволяет очертить ментальное пространство бинарного концепта «Свобода». Данный аспект когнитивной лингвистики является малоисследованным и требует своего изучения. С этой целью мы обратились к синтаксическим концептам. Мы считаем, что их исследование является актуальным направлением в современной лингвистике. Как отмечают Цыганская О.Г. и Борисова Т.Г., «Синтаксический концепт играет основную роль в речемыслительной деятельности, так как одновременно обращен и к реальной действительности, и к языку» [138, с. 119].

Синтаксические концепты становятся объектом научных исследований лишь в последние годы. В имеющихся толкованиях синтаксического концепта отражается тот факт, что пропозиция, репрезентирующая синтаксический концепт, является сложной структурой – комбинацией смыслов (концептов), связанной определенным отношением [76, с. 88].

Среди тюркских языков мы выбрали современный кыргызский язык, с которым сопоставляли английский язык. Эмпирическое поле нашего исследования мы задали привлечением четырех групп глагольных предикатов, моделирующих высказывания на тему наличия и отсутствия свободы. Мы обнаружили разный набор синтаксических концептов и совсем разные структурные схемы.

3.5. Концепт свободы и вопросы ономастики

Во многих лингвокультурных традициях прочно устоявшимся является мнение о том, что человек связан какими-то связями со своим именем. Считается, что человека можно считать заложником своего имени. Следовательно, можно говорить, во-первых, о воздействии антропонимов на идею свободы личности вообще и, во-вторых, можно исследовать, какое место в отношении к выбору антропонимов занимает концепт свободы в той или иной лингвокультуре. По этой причине нас заинтересовали вопросы возможной соотносимости антропонимов с бытованием такого ключевого концепта, каковым является концепт свободы.

Рассмотрение вопросов взаимосвязи концепта свободы и процессов имя творчества мы решили начать с обращения к употреблению псевдонимов как разновидности антропонимов. Этот наш выбор обусловлен тем, что в случае с псевдонимами аспект свободы выбора антропонимов самим человеком как носителем имени актуализирован сильнее.

Псевдоним в качестве ономастической единицы представляет очень интересное явление. Псевдоним как термин пришел из греческого языка. Он осмысливается в значении ложного имени. Псевдоним может быть проинтерпретирован как авторизация антропонимов и, более того, как попытка личности «подкорректировать» зависимость своей судьбы от антропонимов.

В тюркологической терминологической традиции этому распространенному понятию в качестве адекватного соответствует термин «тахаллус», заимствованный из арабского языка [90, с. 248]. Данный термин прижился на тюркской почве и является очень активным. Он стал органической частью системы тюркских терминов. На наш взгляд, в семантике данного тюркского термина отмечается один нюанс, отличающий его от термина «псевдоним» и в определенной степени проливающий свет на проблему, которая ставится в нашей статье.

Терминированная лексическая единица «тахаллус» восходит к слову «халис» ‘нейтральный, искренний’. Следовательно, настоящий тахаллус как дополнительное наряду с автонимом имя улавливает, а подчас и настраивает-программирует подлинные свойства и особенности человека. В этом смысле тахаллус – это не ложное имя, а скорее лакмусовая бумажка, раскрывающая суть человека в антропонимическом плане. Этот наш вывод вытекает из словообразовательной модели, по которой образована терминированная лексема *тахаллус*. Для сравнения в плане словообразовательной модели можно провести параллель со словом *танаффус*, которое восходит к слову *нафс* ‘дыхание’ и означает ‘передышка, перерыв’.

А теперь в качестве примера вернемся к нашей типовой иллюстративной базе и перейдем непосредственно к литературному псевдониму легендарного представителя тюркоязычной поэзии двадцатого столетия, певца свободы Л. Муталлипа «Қайнам Өркиши» (Qaynam Orkishi). В рамках нашей работы мы задались целью лингвокультурологического осмысления моделирующей функции данного литературного псевдонима-тахаллуса как разновидности тюркских антропонимов. Предмет нашего рассмотрения заключается в соотношении автонима и псевдонима в качестве ономастических единиц в аспекте их лингвистических и лингвокультурологических особенностей. Мы намерены остановиться на решении таких частных задач, как обращение к литературному псевдониму как единице антропонимики и имманентно присущему элементу творческой лаборатории автора, сопоставление

псевдонима и автонима, проецирование результатов такого сопоставления на ролевую миссию-конструкцию «поэт-трибун или общественный деятель» в плане верификации приоритетов или судьбоносного призвания.

Қайнам Өркиши является псевдонимом-биномом, лингвистически представляющем из себя словосочетание, которое построено по типу свойственной тюркским языкам синтаксической связи, называемой изафетом [85]. Это не фразеологизм, а свободное словосочетание. Первый компонент «Қайнам» означает ‘кипение, бурление’, а второй компонент - «Өркәш» ‘вздыбленный горб, возвышение’ в форме с лично-притяжательным аффиксом 3 лица единственного числа - Өркиши (основа *өркәш* трансформируется в *өркиши* согласно фонетическому закону тюркского умлаута или регрессивного влияния узких гласных передает значение, соответствующее ‘гребень, подъем, взлет’. Став псевдонимом самого известного восточнотуркестанского поэта Л. Муталлипа, словосочетание «Қайнам Өркиши» с течением времени превратилось в своеобразное крылатое выражение, обозначающее образосмыслы ‘*Ни минуты покоя; No days off*’. Это выражение указывает на подъем в сознании и кипучей деятельности и непосредственно связан со способами репрезентации в тюркских языках концепта «Свобода».

Буквально переводимое с уйгурско-тюркского языка как ‘пик водоворота’ идиоэтническое сочетание мы сочли возможным в лаконичной форме перевести как ‘торнадо’. Более того, мы обнаружили, что псевдоним скрывает в себе синтезированное выражение лингвокультурного концепта «Свобода» как ключевого концепта тюркской этнолингвокультуры.

Кипучесть, водоворот, бурление, подъем, гребень, пик - этот ряд можно продолжить, но он емко выражается литературным псевдонимом, которое рассматривается в нашей работе.

Ментально-лингвистическое своеобразие бытия концепта «Свобода» можно и дальше проследить на примере ономастического пространства английского и тюркских языков. Такое сопоставление возможно осуществить, в частности, на примере английского и кыргызского языков.

Люди делятся между собой по разным признакам. По языку, цвету кожи, социальному положению и т.д. Однако, думается, что фундаментальным и изначальным является деление людей на мужчин и женщин. Оно представлено в любой ментальности. Любопытно обращение в этом аспекте к концепту свободы.

С каким гендерным началом больше ассоциируется обсуждаемый концепт? Обратимся к англоамериканской плоскости нашего сопоставления. Сразу же отметим, что мы склонны видеть здесь больше женское начало. К такому выводу приходят и другие авторы [123]. Не случайно *Статуя свободы* представляет собой воспроизведение фигуры женщины. Не будет лишним заметить, что официально она называется *Freedom which is lighting up the world.*-«Озаряющая мир Свобода». Скульптура расположена на одноименном острове в трех километрах к западу от Манхэттена. Надо сказать, что довольно продолжительное время он назывался остров Беллоу. Памятник Свободе держит в своей правой руке факел, который по замыслу и озаряет мир. В левой руке мы видим скрижаль с датой Декларации независимости США, записанной латинскими цифрами. Одна из ног Статуи свободы попирает разорванные кандалы. Семь лучей в увенчивающей статую короне по западной географической традиции символически обозначают семь морей и семь континентов.

Для сравнения укажем, что олицетворение свободы в кыргызской ментальности ассоциируется с изображением мужчины, батыра Манаса, памятник которого установлен на центральной площади столицы, хотя, как показали события прошлых лет, раньше были и иные представления-образы о кыргызстанском символе Свободы и последовавший в результате осмысления перенос памятника, апеллировавшего к женскому образу.

Тюрки, давая имена своим детям, часто используют лексемы с семантикой свободы, например *Эркин*. При этом используют такие грамматические форманты, как -жан, -бек, -кан, -бай, -тай и др. Менее частотные, но также связанные с концептом «свобода» антропонимы тат. Ирек,

кырг. *Эрик*. Ср. *ирекле тәржимә* «вольный перевод». Ср. также антропонимы уйг. *Хуррият*, кырг. *Уруят*.

Частные истории у каждого конкретного антропонима могут быть разными. Так, например, один наш коллега по имени Эркинбек рассказал, что когда он родился, его родителей отделили от родового семейного очага и в ознаменование такой «свободы» его нарекли соответствующим образом.

Тюрки, в отличие от англичан, давая имена своим детям, часто используют лексемы с семантикой свободы, например *Эркин*. Имя Эркин встречается у очень многих народов, включая тюркские и монгольские народы. Оно имеет разные вариации написания и произношения в различных языках. Например, в кыргызском языке имя пишется как *Эркин*, в турецком языке пишется как *Erkin*, в узбекском - *Erkin*, в казахском - *Еркин*, в татарском - *Әркин* и т.д. Анализируя переводы имени, с кыргызского языка слово *эркин*, с казахского языка слово *еркін*, татарского, узбекского, азербайджанского, турецкого языков *еркин* они показывают одинаковый смысл и означает «свободный», «непринужденный», «вольный». Имя Эркин используется при формировании сложносоставных имен, подчеркивая для его носителя пожелание вольной, не обремененной болезнями и бедностью, жизни. Как мы объясняли выше, часто используют такие грамматические форманты, как -жан, -бек, -кан, -бай, -тай и др. в кыргызском языке. Здесь мы рассмотрим происхождение имени Эркинбек, его значения и символику в различных культурах и языках. С тюркского языка слово бек (тюрк. *бәу*) означает «властитель», «князь», «господин», являясь синонимом арабского титула эмир. Иногда в турецких именах встречается в форме бей. Изначально, при родоплеменных отношениях в среде кыргызов Сибири и далее у тюрков, бек был главой рода. Например, возьмем выдающегося исторических деятелей, дипломатов, политических стратегов, защитников Отечества целого народа от врагов: кагана сибирских кыргызов-Барсбек и князя сибирских кыргызов 17 в. - Эренек бека по одноименной книге В.И.Козодоя. Возглавлял родовое ополчение в составе общеплеменного войска, во главе которого стоял бек или

хан. Позднее у тюркских народов Средней Азии и Закавказья титул земле- или скотовладельца, в широком смысле - господин. Это имя имеет глубокое историческое и культурное значение в кыргызском языке. Эркинбек – имя, которое несет в себе силу, свободу, независимость и уникальность, и его значения отражают важные аспекты личности и идентичности. Сегодня это имя продолжает быть популярным среди тюркских народов и имеет глубокое значение для тех, кто его носит. Оно символизирует смелость, силу духа и стремление к свободе. Имя Эркинбек – это не только просто имя, но и историческое наследие, которое передает ценности и традиции народа, от которого оно произошло. Это имя – это одно из самых распространенных и уникальных имен в культуре кыргызского народа. Оно имеет глубокий исторический корень и несет в себе множество символических значений. Судьба имени Эркинбек тесно связана с историей Кыргызстана. В разные периоды времени оно было символом национального единства. В период советской власти, когда национальная идентичность подавлялась, это имя стало одним из способов сохранить культурное наследие и национальную гордость. Сегодня имя Эркинбек продолжает жить в сердцах кыргызского народа. Оно стало неотъемлемой частью национальной культуры и традиций. Многие родители называют своих сыновей Эркинбеком, чтобы передать им силу и духовное наследие своих предков. Таким образом, это имя является символом национальной идентичности и гордости кыргызского народа. Оно отражает его характер и судьбу, его стремление к свободе и независимости, а также его готовность защищать свою землю и народ. Это имя – это не просто имя, это символ, который продолжает жить и вдохновлять поколения.

Но нас в данном случае интересует не этот аспект, а «гендерный» вектор формирования ассоциаций и образов в связи с концептом «Свобода». Наблюдения показывают, что в тюркских языках могут встречаться и женские антропонимы с «женскими» грамматическими формантами, Например, Эркингүл, Эркинай, Эркинбүбү, Эркинжан, но они заметно уступают по частотности и продуктивности вышеотмеченным мужским антропонимам.

Поэтому мы можем сделать вывод, что мужское начало ментальных представлений о свободе в тюркских языках имеет и лингвистическое выражение. Лексемы *Эркин* и *Азат* с суффиксоидами –бек, -жан это мужская плоскость в противоположность скажем, лексеме *Ай* с суффиксоидами –сулуу, -гүл, -күл, -ай, -бүбү, -дай, -зада и др.

Что же мы видим в англоамериканской лингвокультуре? С вопросом о возможности использования лексических вербализаторов концепта свободы в качестве антропонимов или других единиц в сфере ономастики мы обратились к носителям языка. Получили следующий результат:

Do you think the words freedom, liberty or their derivatives (associated with them) should be used as:

a) the names of people (yes,no) - No.

b) the names of cities, rivers, mountains, etc. – Yes.

Могут ли слова *freedom, liberty* (свобода) или их производные дериваты(ассоциирующиеся с ними) использоваться как:

a) имена людей (да, нет) – Нет.

б) названия городов, рек, гор и тд. – Да.

Следовательно, переносов лексического имени концепта свободы в антропонимическую сферу, как это можно наблюдать в тюркских языках, здесь мы не наблюдаем. Как нам кажется, в этом видится влияние устоявшихся религиозно-культурных традиций на Западе, более прагматический образ жизни носителей англо-американской лингвокультуры и проекция в сторону прав человека. А в тюркской лингвокультуре, в особенности среди народов, в большей мере сохранивших традиции кочевничества, связь концепта и способов его репрезентации носит более эзотерический характер.

Концепт «свобода» постоянно транслируется и эксплуатируется в большинстве современных динамично изменяющихся лингвокультурных традиций. Из этого следует, что факт высокой степени востребованности этого концепта не вызывает сомнений.

Содержание исследуемого нами концепта постоянно изменяется в зависимости от состояния и структуры общества, характера языковой личности и национальной картины мира. Сама динамика этих изменений естественным образом находит свое отражение в языке. Ценностная составляющая лингвокультурного концепта «свобода» определяется прежде всего тем, что этот концепт имеет отношение практически ко всем сферам человеческой жизни и составляет сущностную характеристику самой экзистенции человека. Не составляют исключения в этом и такие важные вопросы жизнедеятельности человека, как имянаречение. Не случайно у тюркских народов имянаречение входит в число базовых действий (парз амалдар), за которые несет ответственность отец семейства.

Можно ли, выбирая имя, воздействовать на судьбу человека, предопределив его жизнь, или человек свободен от своего имени? Эти вопросы, видимо, всегда волновали людей. В связи с этим вокруг имен так много разных суеверий и мотивов выбора конкретных антропонимов.

Многие и сейчас считают, что имя «обязывает» своего носителя быть таким, а не иным. У кыргызов, например, в прошлом существовала, да и в настоящее время сохраняется уверенность в тесной связи судьбы человека и его имени. Сильное воспитательное значение имела фраза «быть достойным имени своего отца». Это заставляло людей очень серьезно подходить к выбору имени для новорожденного. Ведь имя идет рядом с человеком до конца его жизни. Через имена можно определить этапы развития целого народа.

Для того чтобы четче оттенить системные особенности концепта свободы, резонно провести сопоставление с другой лингвокультурной традицией. Мы выбрали для сравнения американскую и тюркскую лингвокультуры. Из этого следует, что сопоставляться будут между собой тюркские, в частности современный кыргызский и английский языки.

В английском языке типовыми и центральными лексическими репрезентантами концепта свободы являются лексемы *freedom*, *liberty*. Никто не возразит против того, что в Америке концепт свободы входит в число

базовых и ключевых [123]. В кыргызском языке среди имен концепта свободы в первую очередь являются *эркиндик, азаттык, боштондук, эгемендүүлүк*.

Все они образованы от корневых основ при помощи присоединения субстантивирующего общетюркского аффикса –дык/-тык/-лык/-дук/-лук. Эти же корневые основы используются при образовании антропонимов с семантикой свободы. Например, Эркин - *Эркинбек*, Азат - *Азатбек*, Эгемен-*Эгеменбек*, *Эркин-Эркингуль*, *Эркинай*. Мы видим, что третья базовая лексема выпадает из перечня приведенных антропонимов.

Корневая морфема *бош* в адъективной функции передает значение свободы. В речи говорят: - *Сен бошсуң – Ты свободен (можешь идти)*. Здесь к основе присоединяется лично-предикативный аффикс 2 лица единственного числа –*суң*.

Имя *Бостон* встречается, в частности, в произведении Ч. Айтматова «Плаха». Но в целом этот антропоним употребляется в языке сравнительно реже.

Таким образом, лексем-репрезентанты концепта свободы в сопоставляемых лингвокультурах ведут себя по разному в омонимической пространстве. Этот интересный и любопытный аспект является малоизученным, и здесь мы наблюдаем ситуацию, достойную внимания исследователей.

В тюркских языках мы видим регулярное употребление их в роли антропонимов, а в английском языке подобное отмечается реже в настоящее время. Наблюдаем по истории имя Вильям или Уильям- имя королей и завоевателей. Впервые введенное в Англию Вильгельмом Завоевателем в 1066 году, это имя выдержало испытание временем и остается во всем англоязычном мире. Несмотря на это, Уильям на самом деле немецкого происхождения. Оно происходит от германского слова *Wilhelm*, чьи корни *will* («воля, желание») и *helm* («шлем, защита») в совокупности означают «решительный защитник». («The Vump»). Второе имя Шарлотта — женское имя, женская форма мужского имени Чарльз. Оно имеет французское или итальянское происхождение и

означает «свободный человек» или «маленький». На наш взгляд, это свидетельствует о том, что носители тюркских языков относятся к свободе как судьбоносному явлению, связанному и зависящему не только от самого человека. Свобода осмысливается как элемент судьбы. Она увязывается в целом с жизненным путем человека.

Носители английской лингвокультуры видят свободу как результат личных практических усилий. Они больше ограничивают свободу областью прав человека и, как правило, не выносят ее в область вопросов, связанных с судьбой человека и его жизненной дорогой, кроме двух собственных имен.

Выводы по 3 главе:

Концепт свободы – один из ключевых концептов во многих лингвокультурных традициях, под которыми мы в данной работе понимаем устоявшиеся концептосферы и системы вербальной репрезентации. Наши исследовательские интересы связаны с обращением к концепту «Freedom/Эркиндик». В том случае, когда мы говорим об отдельных компонентах данного концепта, мы называем его просто концепт «Свобода» в отличие от тех случаев, когда речь идет о концепте свободы вообще.

Рассматриваемый нами в нашей работе концепт не является застывшей ментальной единицей. Напротив, он динамичен и отражает изменения в обществе. Этот аспект признан нами релевантным не только в силу своей малоизученности, но и по причине предоставления возможности реального сопоставления лингвокультур на данном этапе.

Рассматривая образный компонент, мы предпочли обратиться преимущественно к тюркоязычной литературе и кино. Это обусловлено намерением внести свой вклад в сравнительно малоизученный аспект когнитивной тюркологии. Тюркологическая филология включает в себя знания по многочисленным тюркским языкам. В теме нашей работы обозначены

тюркские языки в сопоставлении с англо-американской лингвокультурой. Художественный концепт «Свобода» вылился в динамичное развитие связной и стройной фабулы произведения на примере судьбы одного животного – симпатичного жеребца Спирита.

Поскольку наша работа носит сопоставительный характер в тюрко-американском ключе, мы не преминули воспользоваться возможностью провести типологические параллели с айтматовскими Гульсары и Акбарой и их непростыми судьбами. В этом сходстве, по нашему допущению, могут скрываться типичное и даже универсалии в аспекте формирования и выражения художественных концептов, в частности художественного концепта «Свобода». Отдавая себе отчет в том, что это очень широкая область эмпирического материала, мы вводим понятие модельной иллюстративной базы. Оно позволяет нам на примере творчества одного тюркоязычного мастера художественного слова иллюстрировать типовые особенности выражения концепта «Свобода» в тюркских языках. В качестве такой модельной базы мы выбрали малоизученное творчество певца свободы Л. Муталлипа.

Свобода проецируется широко в рамках планетарного мировосприятия. В этом плане американская лингвокультура, как нам кажется, все таки отличается от тюркских, в частности, кыргызской, лингвокультур. Конечно, в художественном плане полотна Ч. Айтматова учат нас мыслить в планетарном масштабе, и мы думаем, что по такому пути пойдет все человеческое сообщество.

Таким образом, исследование аспекта предикативного воплощения концепта «Свобода» позволяет очертить ментальное пространство бинарного концепта «Свобода». Данный аспект когнитивной лингвистики является малоисследованным и требует своего изучения. С этой целью мы обратились к синтаксическим концептам. Среди тюркских языков мы выбрали современный кыргызский язык, с которым сопоставляли английский язык. Эмпирическое поле нашего исследования мы задали привлечением четырех групп глагольных предикатов, моделирующих высказывания на тему наличия и отсутствия

свободы. Мы выявили и установили разный набор синтаксических концептов и совсем разные структурные схемы. Разработаны и проанализированы наглядно синтаксические концепты, организуемые предикатами приобретения свободы, синтаксические концепты организуемые предикатами наделения свободой, синтаксические концепты, организуемые предикатами утраты свободы и синтаксические концепты, организуемые предикатами лишения свободы.

В контексте развиваемых нами мыслей для нас представляется актуальным трансфер составляющих концепта «Свобода» в акциональном ракурсе. Мы имеем в виду, что в последнее время для менталитета тюрков, проживавших в республиках бывшего Советского Союза, характерно пробуждение «капиталистических и религиозных» моментов в понимании рассматриваемого нами концепта.

В англоамериканской ментальности свобода – это прежде всего область естественных прав человека. Свобода – это результат борьбы человека за свои права.

В тюркской ментальности свобода является больше ощущением внутренней раскрепощенности и независимости от сил зла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, данная работа ставила своей целью осмысление и описание бытования концепта свободы в английском и тюркских языках. Понятие концепта превратилось в одно из наиболее активно употребляемых понятий современной лингвистики и смежных с ней научных дисциплин. В работе под концептом понимается динамичная ментальная сущность, связанная с национальной культурой и находящая свое выражение в языке. Аналогично тому, как языки и культуры в современном мире не могут существовать изолированно друг от друга и входят в отношения взаимодействия, концепты также могут оказывать влияние друг на друга в рамках переноса из одной лингвокультуры в другую. Поскольку концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации, то в этом заключен важный для нас смысл сопоставительного исследования того или иного концепта, т.к. в динамике процессов лингвокультурного трансфера отражаются изменяющиеся реалии современного социума. Сопоставительный характер работы создает предпосылки для осмысления взаимодействия концептов в пространстве нескольких культур. По сути речь идет о межкультурных процессах в современном глобализирующемся мире, когда меняются многие представления, понятия и концепты в сознании людей. На наш взгляд, эти процессы отличаются значительной степенью актуальности и содержат в себе определенные закономерности, которые необходимо вскрыть и осмыслить.

Концепт в нашем понимании является ментальной единицей. Он имеет сложную, во многом не изученную природу. В специальной литературе часто упоминается о многоуровневости концептов [см., например: 19, с. 124-134]. Соглашаясь с этим, мы подразумеваем под концептом ситуативно смоделированный контекст. Поэтому если спросить неподготовленного

человека о том, что такое для него, например, свобода, он говорит, что это когда делаешь, что захочешь;

когда не зависишь от кого-либо или чего-либо;

когда имеешь много свободного времени;

когда выезжаешь на природу ...

Другими словами, концепт часто репрезентуется через посредство ситуаций, которые являются денотатами синтаксических единиц. По этой причине, на наш взгляд, логично допустить синтаксический подход к изучению природы концепта. Он может исследоваться через обращение к пропозициям как плану содержания двусторонних синтаксических моделей, имеющих знаковую природу. Это своеобразные типовые мыслительные схемы. Такие исследователи, как Г. А. Волохина, З. Д. Попова называют их «синтаксическими концептами». Мы склонны рассматривать их в качестве важного и малоизученного вида (границы) концепта «Свобода» как ментальной единицы. Концепт как ситуативно смоделированный и культурно окрашенный контекст может иметь один или более стержней. Если их два, то могут соотноситься две ситуации, противопоставленные друг другу. Например, ситуация свободы и несвободы. Такие концепты мы называем бинарными.

В развитие понимания концепта как объекта лингвофилософского исследования большой вклад внесли такие учёные как С.А. Аскольдов-Алексеев, Д.С. Лихачёв, Ю.С. Степанов, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик и др. Введение в понятийно-терминологический аппарат современных лингвистических исследований термина „концепт“ явилось результатом сдвига в ориентациях на исследования антропоцентрического характера, в которых исследователи стали стремиться осмыслить закономерности познания человеком окружающего мира и закрепления этого познания в своем языке.

Понятие концепта и, в частности концепта свободы, сопряжено с понятием языковой картины мира, которая имеет национальную специфику и привязана к национальным языкам. Под языковой картиной мира в работе понимается целостная система образов внешнего мира, складывающаяся в некий единый

уникальный и своеобразный образ мира. Языковую картину мира можно сравнить с визуальным восприятием объективной реальности. Если человек говорит на национальном языке как родном с детства, и его использование данного языка носит естественный характер, то можно говорить о том, что носитель языка как бы смотрит на мир без очков и наиболее приближен к нему. Если человек осваивает в достаточной степени какой-то иной язык и может им пользоваться, то он смотрит на мир уже через очки. И такие очки меняются в зависимости от того, о каком языке и, соответственно, культуре идет речь [9, с. 34]. Обращение к языковой картине мира позволяет в этнолингвистическом плане понять великое многообразие языков и культур нашего мира и поэтому, на наш взгляд, поддерживается большинством современных исследователей. Подобный подход импонирует и нам. При этом мы рассматриваем языковую картину мира как видовую вариацию картины мира вообще, понимаемой в качестве широкого родового понятия.

Концепт «Свобода» входит в число ключевых концептов во многих лингвокультурах. Английская и тюркские лингвокультуры в этом смысле не составляют какого-либо исключения. При обращении к данному концепту обычно во главу угла ставится его функционирование и использование в политическом дискурсе. Исследователи, как уже отмечалось, больше обращаются к контексту борьбы за политическую независимость (свобода Родины), за освобождение от колониального гнета и т. д. В значительной мере данное обстоятельство обусловлено политизированностью развития культуры и науки в прошлом столетии. Наши исследовательские интересы в большей степени связаны с процессами эксплуатации и трансляции затронутого концепта в гражданском социодинамическом аспекте. Поэтому мы больше были вынуждены обращаться к ценностному компоненту концепта и процессам сдвигов акцентов в этом малоизученном аспекте. Релевантность этого аспекта приобретает характер дифференциального признака. Как отмечает Т.А. Светоносова, «ценностная сторона культурного концепта отличает его от когнитивного концепта» [117, с. 83].

Наш аспект исследования детерминирует обращение к материалу, который создается что называется буквально на наших глазах. Этим обусловлено наше обращение к финансовому аспекту концепта свободы к понятиям, как «финансалык эркиндик», «финансалык термостат», «финансалык көз карансыздык», «каржылык жаздык, «экономикалык өнүгүү» «кара базар же рыногу» и др. Они позволяют судить о том, как язык перерабатывает и выражает своими средствами новые представления, понятия, образы в контексте данной лингвокультуры.

В диссертации лингво-графическая дифференциация обозначения объекта исследования указывает на моменты общего и частного (билингвального), которые мы дифференцируем при обращении к выбранному нами концепту. Мы употребляем терминированное словосочетание «*концепт свободы*» в том случае, когда речь идет о данном концепте вообще, вне конкретной лингвокультуры. Что касается термина *концепт «Freedom/Эркиндик»*, то мы его используем в конкретной ситуации сопоставления английской и тюркской, в частности, кыргызской лингвокультур.

Лингвистическое исследование английского языка как мирового языка в контексте нашей работы представляет интерес в рамках межкультурного направления современной науки о языке. Анализ материалов и наблюдения показали, что процессы лингвокультурного переноса концептов применительно к рассматриваемому вопросу преимущественно протекают на современном этапе по направлению от английского языка к тюркским. Часто такие процессы осуществляются при посредстве третьего языка, а именно современного русского языка.

В настоящее время тюркология как отрасль науки переживает этап трансформации функционально-содержательных установок своего развития. И причиной здесь является не только упомянутое политическое событие – распад СССР со своими геополитическими последствиями, отражающимися и в сфере науки и культуры. В современных условиях изменяется весь мир, который становится транскультурным. Главной целью проводимых исследований в

области тюркологии по сути является выявление закономерностей формирования и бытования общетюркской картины мира. Такая исследовательская перспектива является сегодня как никогда актуальной и отвечающей требованиям дня.

Мы отдаем себе отчет в том, что такие ключевые концепты в языках, как концепт свободы представлены широким спектром вербализаторов. Одновременно с этим мы стремились акцентировать наше внимание на таких малоисследованных аспектах, которые были описаны меньше в специальных работах, посвященных данному и другим концептам на материале рассматриваемых языков. По этой причине мы старались обращаться не столько к прецедентным текстам, сколько к другим разновидностям «текстов культуры», а именно публикациям в социальных сетях, экранным произведениям, текстам из разговорного языка на бытовые и экономические темы. Другими словами, мы старались обратить внимание на язык в действии, на процессы, которые протекают в настоящее время.

Структура концепта свободы, согласно работам представителей лингвокультурологического направления, состоит из трех составляющих: понятийное ядро, образная и ценностная составляющие [см., например: 63; 64]. Античная лингвокультура стала отправной точкой для формирования понятийного ядра современного концепта свободы в англоамериканской ментальности. Концепт получил свое развитие по направлению к осмыслению политической и гражданско-правовой свободы. Что касается тюркской ментальности, то здесь значима эпическая эзотерика. Свобода интерпретируется как дар, который нужно отстаивать достойным сынам народа.

Образная составляющая концепта «Freedom/Эркиндик» представляет обширную область. Как известно, концепты включают в себя элементы узувального и индивидуального [11, с. 112]. Чтобы преодолеть расплывчатость и в то же время максимально объять образное поле концепта мы вводим понятие типовой иллюстративной базы. Это дает возможность на примере одной

типичной яркой фигуры в лингвокультуре иллюстрировать положения и выводы работы, касающиеся художественных образов.

В качестве одного из ключевых концептов тюркской и англоамериканской концептосфер концепт «Свобода» входит в культуру наряду со специфическими отношениями, ценностями и нормами. Он является органичной частью художественной картины мира. Художественное воплощение концепта свободы в современном тюркоязычном сознании характеризуется динамичностью. Оно отражает особенность этносознания в целом. Концепты в тюркоязычных лингвокультурах, как правило, характеризуются изоморфизмом, поэтому сказанное на материале одного тюркского языка может быть обобщено в общетюркском формате в контексте евразийского мышления [3 с. 5]. Если в прошлом веке преобладал акцент на классово-идеологическом понимании сущности данного концепта, то в настоящее время отмечается ощутимый сдвиг в сторону общечеловеческих ценностей, сопряженных с религиозными устремлениями людей. Рассматривая образный компонент, мы предпочли обратиться преимущественно к тюркоязычной литературе и кино. Это обусловлено намерением внести свой вклад в сравнительно малоизученный аспект когнитивной тюркологии.

Обращаясь к акциональной составляющей концепта, мы наметили две генеральные тенденции трансформации бытия концепта в современных условиях: социально-идеологическую и социально-экономическую. Первое направление ценностных сдвигов предполагает изменения в приоритетах восприятия идеалов свободы в сторону духовной жизни общества с приоритетами личностной самореализации. Второе направление характеризуется экстенсивным характером трансляции и использования концепта свободы в обществе. Дело в том, что современное общество характеризуется все более усиливающейся тенденцией к экономической стороне бытия. Человек из политизированной личности превращается в экономически самодостаточную личность. Концепт свободы является не застывшей константой, а изменяющейся ментальной сущностью. Ценностная

составляющая лингвокультурного концепта «свобода» определяется прежде всего тем, что этот концепт имеет отношение практически ко всем сферам человеческой жизни и составляет сущностную характеристику самой экзистенции человека.

В нашей работе мы придаем приоритетное значение малоизученным возможностям грамматического воплощения концепта свободы. К ним относятся разнообразные способы. Это и глагольно-предикативное представление концепта, и широкий синтаксический контекст, передающий колорит этносознания.

Во многих лингвокультурных традициях прочно устоявшимся является мнение о том, что человек связан какими-то связями со своим именем. Считается, что человека можно считать заложником своего имени. Следовательно, можно говорить, во-первых, о воздействии антропонимов на идею свободы личности вообще и, во-вторых, можно исследовать, какое место в отношении к выбору антропонимов занимает концепт свободы в той или иной лингвокультуре. По этой причине нас заинтересовали вопросы возможной соотносимости антропонимов с бытованием такого ключевого концепта, каковым является концепт свободы.

В тюркских языках концепт свободы активно транслируется в сферу ономастики. В англоамериканской лингвокультуре переносов лексического имени концепта свободы в антропонимическую сферу мы не наблюдаем за исключением двух имен. Как нам кажется, в этом видится влияние устоявшихся религиозно-культурных традиций на Западе, более прагматический образ жизни носителей англо-американской лингвокультуры и проекция в сторону прав человека. А в тюркской лингвокультуре, в особенности среди народов, в большей мере сохранивших традиции кочевничества, связь концепта и способов его репрезентации носит более эзотерический характер.

В английском языке типовыми и центральными лексическими репрезентантами концепта свободы являются лексемы *freedom, liberty*. Никто не возразит против того, что в Америке концепт свободы входит в число

базовых и ключевых [119]. В кыргызском среди имен концепта свободы в первую очередь являются *азаттык*, *эркиндик*, *боштондук*, *эгемендүүлүк*.

Все они образованы от корневых основ при помощи присоединения субстантивирующего общетюркского аффикса –дык/-тык/-лык/-дук/-лук. Эти же корневые основы используются при образовании антропонимов с семантикой свободы. Например, *Азат*, *Азатбек*, *Эгеменбек*, *Эркинбек*, *Эркингуль*. Мы видим, что третья базовая лексема выпадает из перечня приведенных антропонимов. В тюркских языках мы видим регулярное употребление их в роли антропонимов, а в английском языке подобное не отмечается.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что носители тюркских языков относятся к свободе как судьбоносному явлению, связанному и зависящему не только от самого человека. Свобода осмысливается как элемент судьбы. Она увязывается в целом с жизненным путем человека.

В англоамериканской ментальности свобода – это прежде всего область естественных прав человека. Свобода – это результат борьбы человека за свои права. В тюркской ментальности свобода является больше ощущением внутренней раскрепощенности и независимости от сил зла. Носители английской лингвокультуры видят свободу как результат личных практических усилий. Они больше ограничивают свободу областью прав человека и, как правило, не выносят ее в область вопросов, связанных с судьбой человека и его жизненной дорогой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдувалиев, И. Этимология жана лексикография [Текст] / И. Абдувалиев. – Бишкек; Жалалабат: Айт, 2007. – 144 б.
2. Абдуллаев, С. Н. Сложные предложения аналитико-синтетического типа в тюркских языках [Текст] / С. Н. Абдуллаев // Тюркские языки Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 108–122.
3. Абдуллаев, С. Н. Габдулла Тукай и Лутфулла Муталлип: линии евразийского мышления в татарской и уйгурской литературе [Текст] / С. Н. Абдуллаев // Проблемы формирования евразийского мышления: сб. материалов 5-ой Междунар. науч.-практ. конф. – Уральск, 2008. – С. 3–6.
4. Абдуллаев, С. Н. Метаморфозы творческого духа [Текст] / С. Н. Абдуллаев // Вестн. Иссык-Кул. ун-та. – 2015. – Ч. 3, № 40. – С. 129–133.
5. Абдуллаев, С. Н. Мультиэтническая русскоязычная интернет-картина мира: транскультурная специфика функционирования русского языка [Текст] / С. Н. Абдуллаев // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. Рос. ун-та Дружбы народов. – 2017. – С. 55–60.
6. Абдуллаев, С. Н. Вопросы развития современной тюркологии [Текст] / С. Н. Абдуллаев, Ч. А. Ногоева // Вестн. Кырг.-Рос. Славян. ун-т. – 2018. – № 1. – С. 3–9.
7. Абдуллаева, Г. С. Модельно-правовые вопросы этнокультурализма [Текст] / Г. С. Абдуллаева. – Саарбрюккен: [б.и.], 2016. – 69 с.
8. Абдыкадырова, С. Р. Корреляция понятий концепт, художественный концепт и межкультурный концепт [Текст] / С. Р. Абдыкадырова, М. К. Назарова // Филологические науки. – 2022. – Вып. 2, № 1(65). – С. 110–114.
9. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы вербализации концепта [Текст]: теорет. исслед. / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.

10. Амиралиев, С. М. Паремийные пропозиции в когнитивно-языковой картине мира [Текст] / С. М. Амиралиев, А. К. Козубаева // Наука. Образование. Техника. – 2018. – № 2 (62). – С. 76–82.
11. Апресян, Р. Г. Свобода [Текст] / Р. Г. Апресян // Новая философская энциклопедия [Текст]: в 4 т. / науч. ред. В. С. Степин. – М.: Мысль, 2001.– Т. 3: Н-С. – 694 с.
12. Ардашова, Т.Г. Лингвокогнитивный анализконцепта «Свобода» (на материале русского, английского и французского языков) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ижевск.-2012.-22 с.
13. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений [Текст]: Оценка. Событие. Факт. / Н. Д. Арутюнова; отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
14. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М., 1997. - С. 267-279.
15. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1976. – 607 с.
16. Багаутдинова, Г. А. Аксиологическая картина мира во фразеологии [Текст] / Г. А. Багаутдинова. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 168 с. Багаутдинова, Г. А. Человек во фразеологии. Антропоцентрический и аксиологический аспекты [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Г. А. Багаутдинова. – Казань, 2007. – 333 с.
17. Бекоева, Н.Д. Концепт «Свобода» в югоосетинской политической действительности [Текст] / Н.Д. Бекоева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.-2017.-№ 2.-С. 57-65.
18. Белошاپкова, Т.В. Принципы и параметры анализа концептов в современной отечественной лингвистике: лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные типы исследований [Текст] / Т.В. Белошاپкова // Филологические науки.-2016.-№ 4.-С 123-135.

19. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист; под. ред. с вступит. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
20. Бессонова, В. В. Экономическая свобода личности в условиях взаимодействия государства и гражданского общества [Текст] / В. В. Бессонова // Вестн. Заб ГУ. – 2014. – № 7 (110). – С. 127–137.
21. Богуславский, И. М. Сфера действия лексических единиц [Текст] / И. М. Богуславский. – М.: Шк. Яз. культуры: Кошелев, 1996. – 461 с.
22. Бойм, С. О свободе [Текст] / С. Бойм, Б. Гройс // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 27(1). – С.60–70.
23. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика [Текст]: курс лекций по англ. филологии: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. "Зарубеж. филология" / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – 123 с.
24. Буслаев, Ф. И. О преподавании отечественного языка [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 266 с. – (Антология мысли).
25. Бухаров, В. М. Концепт в лингвистическом аспекте [Электронный ресурс] / В. М. Бухаров // Межкультурная коммуникация. – Режим доступа: sch-yuri.narod.ru/transltn/komunikazia.htm. – Загл. с экрана. – 12.2002.
26. Бычков, В. И. 2000 лет христианской культуры [Текст] / В. И. Бычков. – М.: Университет. кн., 2003. – 141 с.
27. Бэндлер, Р. Структура языка [Текст] / Р. Бэндлер, Дж. Гриндер // Технологии программирования судьбы (теория и практика НЛП): хрестоматия, сост. К. В. Сельченко. – Мн.: Харвест, 1999. – 768 с.
28. Васильева, Е. В. Концептуальная оппозиция индивид-группа в языковой картине мира [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Васильева. – М., 2001. – 164 с.

29. Васильева, Т. В. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях [Текст] / Т. В. Васильева // Теория коммуникации & прикладная коммуникация. Вестн. Рос. коммуникатив. ассоц. – Ростов н/Д., 2002. – Вып. 1. – С. 28–37.
30. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Рус. слов., 1996. – 416 с.
31. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева; под. ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 780 с.
32. Вежбицкая, А. Понимание культур через средство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Яз. славян. культуры, 2001. – 287 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).
33. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
34. Волохина, Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения [Текст] / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж: [б.и.], 2003. – 196 с.
35. Воркачев, С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии [Текст] / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2002. – Вып.: 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – С.79–95.
36. Воркачев, С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов "любовь" и "счастье" (русско-английские параллели) [Текст] / С. Г. Воркачев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.
37. Воркачев, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии [Текст] / С. Г. Воркачев // Антология концептов. – Волгоград, 2005. – Т. 1. – С. 10–13.
38. Гак, В. Г. Язык как форма самовыражения народа [Текст] / В. Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2001. – С. 54–68.

39. Галиуллина, Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте [Текст]: дис. ... д-ра филол наук: 10.02.02 / Г. Р. Галиуллина. – Казань, 2009. – 403 с.
40. Гачев, Г. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос [Текст] / Г. Гачев. – М.: Изд. группа Прогресс-Культура, 1995. – 480 с.
41. Гольдин, В. Е. Проблема варьирования культурных концептов [Текст] / В. Е. Гольдин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Междунар. симп. Волгоград, 22-24 мая 2003 г.: в 2 ч. – Волгоград, 2003. – Ч. 1: Науч. ст. – С. 80–86.
42. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Текст] / Е. И. Горошко. – Харьков; М.: РА-Каравелла, 2001. – 320 с.
43. Гумбольдт, В. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 396 с. – (Филологи мира).
44. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке [Текст] / В. З. Демьянков // Вопр. филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47.
45. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика [Текст] / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 53–55.
46. Дербишева, З. К. От параметрического анализа лексики к языковой картине мира [Текст] / З. К. Дербишева // Вестн. Моск. ун-та. – 2021. – № 1. – С.19–31.
47. Дербишева, З. К. Когнитивно-концептуальный анализ романа Ч.Айтматова «Плаха» [Текст] / З. К. Дербишева // "Национальные лингвосферы - сопредельные зоны партнерства" (Ч. Айтматов). Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию Ч. Т. Айтматова. – Бишкек, 2018. – С. 136–142.

48. Дербишева, З. К. Концептуальные ценности в картине мира Чингиза Айтматова [Текст] / З. К. Дербишева // Возрождение национальных литератур во второй половине XX века и Чингиз Айтматов. Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Казань, 2018. – С. 20–24.
49. Джаманкулова, К. Т. Трансформационные формы сказуемого [Текст] / К. Т. Джаманкулова // Научный поиск в современном мире. – Махачкала, 2007. – С. 66–69.
50. Дробницкий, О. Г. Ценность [Текст] / О. Г. Дробницкий // Большая Сов. энцикл. – М., 1978. – Т. 28: Франкфурт-Чага. – С. 491–492.
51. Дуняшева, Л. Г. Концепт «Свобода» в афроамериканском песенном дискурсе [Текст] / Л. Г. Дуняшева // Уч. зап. Казан. ун-та. – 2011. – Т. 153, кн. 6. – С. 157–166.
52. Жанпеисова, Н. М. Концепт СВОБОДА в английской, русской и казахской лингвокультурах [Текст] / Н. М. Жанпеисова, А. Ж. Жумаханова // Наука вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 6 (13). – С. 81–87.
53. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 36–44.
54. Зинченко, В. Г. Система "культура" и культурная коммуникация; Культурная и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] / В. Г. Зинченко // Межкультурная коммуникация. – Режим доступа: sch Yuri.narod.ru/transltn/komunikazia.htm. – Загл. с экрана. – 12.2002.
55. Зулпукаров, К. З. К вопросу о типологии текста как когнитивно-речевого произведения [Текст] / К. З. Зулпукаров, З. М. Сабиралиева // Мир науки, культуры, образовани. – 2021. – № 1 (86). – С.423–425.
56. Зулпукаров, К. З. Некоторые пропозиции в паремиях, отражающие концепт «мысль» (ой) [Текст] / К. З. Зулпукаров // Изв. ВУЗов Кыргызстана. – 2019. – № 1. – С.150–153.

57. Егорова, О. С. Языковая репрезентация концепта «свобода» в медиа дискурсе (на материале прецедентных феноменов) [Текст] / О. С. Егорова, О. А. Кириллова // Ярославский пед. вестн. – 2010. – № 2. – С. 154–158.
58. Кадырбекова, П. К. Этнолингвистический компонент в языке [Текст] / П. К. Кадырбекова // Вестн. Кырг. нац. ун-та им. Ж. Баласагына. – 2013. – Вып.3. – С. 103–107.
59. Кадырбекова, П. К. Лингвокультурология как новая научная парадигма [Текст] / П. К. Кадырбекова // Вестн. Кырг. нац. ун-та им. Ж. Баласагына. – 2014. – Спец. вып. – С. 142–147.
60. Кадырова, Ш. К. Использование пословиц и поговорок в обучении английскому языку в кыргызкоязычной аудитории [Текст] / Ш. Кадырова // Вестн. Кырг. Гос. ун-та им. И. Арабаева. Филол. науки. – 2001. – Вып. 5. – С. 129–133.
61. Калиева, Н.Ш., Жалалова А.М. Қазиргі түркі тилдериндегі концептінің зерттелудегейі [Текст] / Н.Ш. Калиева, А.М. Жалалова // Тіл таным.- 2023.-№ 3(91).- 63-71 б.
62. Караева, З. К. Роль когнитивистики в переводческой деятельности (на материале концепта сказитель-манасчи и бард) [Текст] / З. К. Караева, Н. К. Касымбекова // Лингвистика века: традиции и инновации. Сб. науч. ст. к 30-летнему юбилею С.-петербург. ин-та иностр. яз. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». – СПб., 2019. – С. 477–483.
63. Карасик, В. И. Языковой круг [Текст]: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
64. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов [Текст] / В. И. Карасик // Антология концептов. – Волгоград, 2005. – Т. 1. – С. 13–15.
65. Касавин, И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания [Текст] / И. Т. Касавин. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. – 408 с.

66. Катаева, Н. М. Воля [Текст] / Н. М. Катаева // Антология концептов. – Волгоград, 2005. – Т. 1. – С. 42–58.
67. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова ...» [Текст] / В. В. Колесов. – СПб.: ООО Центр Златоуст, 1999. – 23 с. – (Сер. Язык и время. Кн. 2).
68. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 230 с.
69. Копыленко, М. М. Избранные труды по языкознанию [Текст]: в 2 т. / М. М. Копыленко. – Алматы: Ин-т языкознания им. А. Байтурсынова, 2010. – Т. 1. – 444 с.
70. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи [Текст] / В. Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 22 с.
71. Кошелев, А. Д. К эксплицитному описанию концепта свобода [Текст] / А. Д. Кошелев // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 61–64.
72. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
73. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 141–172.
74. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопр. когнитив. лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
75. Кубрякова, Е. С. Язык и знание [Текст]: на пути получения знаний о яз. Части речи с когнитив. точки зрения. Роль яз. в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Яз. славян. культуры, 2004 (ППП Тип. Наука). – 555 с. – (Язык. Семиотика. Культура / Ин-т языкознания Рос. АН).
76. Кузьмина, С. Е. Понятие «синтаксический концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / С. Е. Кузьмина // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2012. – Вып. 66, № 17 (271). – С. 87–90.

77. Кудрявцев, В. В. Три понятия свободы [Текст] / В. В. Кудрявцев // Полис. – 1998. – № 5. – С. 6–22.
78. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., 2006. – 381 с.
79. Лазариди, М. И. Вербализация концептов «Альбатрос» и «Буревестник» в разных национальных культурах [Текст] / М. И. Лазариди // Рус. яз. и лит. в шк. Кыргызстана. – 2016. – № 1. – С. 58–62.
80. Лазариди, М. И. Басня Эзопа «Цикада и Муравей» и ее переложения: сопоставительный анализ концептов [Текст] / М. И. Лазариди // Рус. яз. и лит. в шк. Кыргызстана. – 2020. – № 2. – С. 43–48.
81. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачёв // Изв. Рос. АН. Сер. Лит. и яз. – 1993. – Т.52, № 1. – С. 3–10.
82. Лихачёв, Д. С. Культура как целостная среда [Текст] / Д. С. Лихачёв // Новый мир. – 1994. – № 8. – С. 3–8.
83. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 280–287.
84. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода [Текст] / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные тр. Центроконцепта. – Архангельск, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.
85. Майзель, С. С. Изафет в турецком языке [Текст] / С. С. Майзель. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 184 с.
86. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст]: учеб. пособие: для студентов вузов / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2004. – 204 с. – (Высшее проф. образование. Филология).
87. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст]: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
88. Маслова, В. А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии [Текст] / В. А. Маслова // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М., 2004. – С. 69–77.

89. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка [Текст] / А. И. Молотков. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 283 с.
90. Морковкин, В. В. Язык, мышление и сознание et vice versa [Текст] / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина // Рус. яз. за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 63–70.
91. Мусат, Р. П. Художественная картина мира в универсуме мировоззренческих феноменов [Текст] / Р. П. Мусат. – Красноярск: СФУ, 2016. – 169 с.
92. Наджип, Э. Н. Уйгурско-русский словарь [Текст] / Э. Н. Наджип. – М.: Изд-во Сов. энцикл., 1968. – 828 с.
93. Нигъмәтов, Ж. Г. Этнопедагогика [Текст]: халыкчанлык һәм гуманитарлылык: Югары һәм махсус урта уку йортлары өчен уку ярдәмлеге / Ж. Г. Нигъмәтов. - Казан: Мәгариф, 2002. – 159 с.
94. Ногоева, Ч. А. Духовность как индикатор интенций свободы в художественном самосознании [Текст] / Ч. А. Ноева // Гуманитарное знание и духовная безопасность. – Грозный, 2016. – С. 314–320.
95. Ногоева, Ч. А. Концепт свободы и образ поэта-героя: корреляция экранной и литературной версии по роману А. Талипа «Qaynam orkishı» [Текст] / Ч. А. Ноева // Литература на экране: взгляд психологов, писателей и кинематографистов. – М., 2016. – С. 106–109.
96. Ногоева, Ч. А. Это сладкое слово «Свобода» [Текст] / Ч. А. Ноева // Современные евраз. исслед. – 2017. – № 4. – С. 99–103.
97. Ногоева, Ч. А., Абдуллаев С.Н. Литературный псевдоним как вид антропонима и синтез концепта «свобода» [Текст] / Ч. А. Ногоева, С. Н. Абдуллаев // Ономастика Поволжья. Материалы XVI Междунар. науч. конф. – Ульяновск, 2017. – Т. 2. – С.123–128.
98. Ногоева, Ч. А. Предикативное воплощение концепта «свобода» в английском, русском и тюркских языках [Текст] / Ч. А. Ногоева, С. Н. Абдуллаев // Актуальные вопросы преподавания иностр. яз. в высш. шк. – Чебоксары, 2022. – Вып. 6. – С. 202–208.

99. Оразбаева, Ф. Ш. Тілдік катынас [Текст]: создiк-слов. / Ф. Ш. Оразбаева. – Алматы: Ы. Алтынсарин атын. қазақтың бiлiм акад. респ. баспа кабинетi, 200. – 272 б.
100. Павиленис, Р. И. Понимание речи и философия языка [Текст] / Р. И. Павиленис // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 380–388.
101. Палашевская, И. В. Закон [Текст] / И. В. Палашевская // Антология концептов. – Волгоград, 2005. – Т. 1. – С. 92–110.
102. Перехвальская, Е. В. Этнолингвистика [Текст]: учеб. пособие для акад. бакалавриата / Е. В. Перехвальская. – М.: Юрайт, 2016. – 381 с.
103. Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда [Текст] / Г. Л. Пермяков. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
104. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки [Текст] / Г. Л. Пермяков. – М.: Наука, 1991. – 201 с.
105. Петрова, О. В. Межкультурная коммуникация в переводе [Электронный ресурс] / О. В. Петрова // Межкультурная коммуникация. – Режим доступа: sch-yuri.narod.ru/transltn/komunikazia.htm. – Загл. с экрана. – 12.2002.
106. Пивкин, С. Д. Развитие поликультурной языковой личности в учебно-воспитательном процессе [Текст] / С. Д. Пивкин // Наука и бизнес: пути развития. – 2011. – № 6 – С. 23–27.
107. Пименова, М. В. Методология концептуальных исследований [Текст] / М. В. Пименова // Антология концептов. – Волгоград, 2005. – Т. 1. – С. 15–19.
108. Подкопалова, О. И. Основные направления концептологических исследований в отечественном языкознании [Текст] / О. И. Подкопалова // Казан. наука. – 2019. – № 5. – С. 149–151.
109. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.

110. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст]: учеб. изд. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2009. – 314 с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая сер.)
111. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
112. Попова, З. Д. Способы вербализации концептов как проблема когнитивной лингвистики [Текст] / З. Д. Попова // *Respectus Philologicus*. – 2009. – Issue 16 (21). – P. 56–61.
113. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 8–26.
114. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с.
115. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация [Текст]: учеб. пособие по дисциплине «Культурология» / А. П. Садохина. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 287 с.
116. Сальников, А.С. Концепт «Свобода» в курдской лингвокультуре [Текст] / А.С. Сальников // Альманах современной науки и образования.- Тамбов: Грамота.-2009.-№ 8 (27).-Ч.1.-С. 134-137.
117. Светоносова, Т.А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия / Т.А. Светоносова // Филологические науки в МГИМО.-М., 2007.-№ 27.-С. 81-89.
118. Семенова, Е.М. Концепт «Свобода» в языковой картине мираамериканского и русского народов [Текст] / Е.М. Семенова // Филологические науки.-2006.-№. 4.-С. 233-238.
119. Сепир, Э. Положение лингвистики как науки [Текст] / Э. Сепир // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1960. – Ч. 2. – С. 175–182.

120. Сепир, Э. Язык [Текст] / Э. Сепир // Звегинцев, В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1960. – Ч. 2. – С. 182–198.
121. Сергеев, В. М. Сетевые аспекты проблем обучения в социальных науках [Текст] / В. М. Сергеев, А. А. Казанцев, К. Е. Коктыш. – М.: Проспект, 2010. – 192 с.
122. Современные проблемы тюркологии: язык-литература-культура [Текст] = Contemporary problems of Turkology: language - literature - culture: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, РУДН, 17-18 нояб. 2016 г. / сост.: У. М. Бахтикиреева, Н. М. Джусупов, С. В. Дмитриук. – М.: РУДН, 2016. – 818 с.
123. Солохина, А. С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Солохина. – М., 2005. – 191 с.
124. Степанов, Ю. С. Константы [Текст]: слов. рус. культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Акад. проект, 2001. – 990 с.
125. Сысоев, П. В. Язык и культура: в поисках нового направления в преподавании культуры страны изучаемого языка [Текст] / П. В. Сысоев // Иностр. яз. в шк. – 2001. – № 4. – С. 18–24.
126. Тагаев, М. Дж. Категоризации и концептуализация как основа формирования специфики языковой картины мира [Текст] / М. Дж. Тагаев // Рус. яз. и лит. в шк. Кыргызстана. – 2013. – № 3. – С. 71–76.
127. Тагаев, М. Дж. Билингвальное мировидение и образы мира в художественном тексте [Текст] / М. Дж. Тагаев, Б. Т. Борчиева // Уч. Зап. УО ВГУ им. П. М. Машерова. – 2018. – Т. 27. – С. 172–177.
128. Тагаев, М. Дж. Когнитивно-дискурсивное моделирование процессов языковой номинации [Текст] / М. Дж. Тагаев // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2022. – Т. 24, № 2 (90). – С. 186–193.

129. Тагаев, М. Дж. Национально-культурные образы мира через призму концепта «Печень» [Текст] / М. Дж. Тагаев, М. С. Чинлода // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 3. – С. 111–117.
130. Тарасенко, Е.В. К вопросу о базовых синтаксических концептах [Текст] / Е.В. Тарасенко // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014.– С. 117–120.
130. Тасуева, С.И. Берсенкаева М.Н. Концепт «свобода»-«freedom» в английском и русском языковом сознании [Текст] / С.И. Тасуева, М.Н. Берсенкаева // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа. 2005.-С. 376-381.
131. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия; отв. ред. А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
132. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст]: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. "Лингвистика и межкультур. коммуникация" / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 262 с.
133. Хаким, Р. Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации) [Текст] / З. Хаким. – Казань: Идел-Press, 2005. – 300 с.
134. Худяков, А. А. Концепт и значение [Текст] / А. А. Худяков // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 97–103.
135. Чакликова, А. Т. Иноязычное образование в контексте компетентностного подхода [Текст] / А. Т. Чакликова // Инновационность образования как ключевой фактор полноценной Международной интеграции. Материалы Международной науч.-практ. конф. 18-19 окт. 2007 г. – Алматы, 2007. – С. 162–163.
136. Черемисина, М. И. Исследование моделей элементарных простых предложений в тюркских языках Южной Сибири [Текст] / М. И. Черемисина // Гуманит. науки в Сибири. – 1997.– № 4. – С. 56–61.

137. Цыганская, О. Г. Синтаксический концепт: критерии и методы анализа [Текст] / О. Г. Цыганская, Т. Г. Борисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2019. – Т. 12, вып. 2. – С. 119–123.
138. Шанский, Н. М. 4000 наиболее употребительных слов русского языка [Текст] / под ред. Н. М. Шанского. – М.: Рус. яз., 1982. – 368 с.
139. Швейцер, А. Д. Теория перевода [Текст]: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
140. Щепотина, Е.В. Вербализация мифологем crime, punishment, freedom, justice, law в американской лингвокультуре [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Е.В. Щепотина.-Воронеж, 2006.-26 с.
141. Эльчиев, Ж. Э. Об основных подходах к изучению синтаксиса [Текст] / Ж. Э. Эльчиев, С. Ж. Тургунбаева // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород, 2017. – № 3/5. – С. 138–143.
142. Юсупова, Л. Г. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике [Текст] / Л. Г. Юсупова // Казан. наука. – 2019. – № 5. – С. 106–109.
143. Янушкевич, И. Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук:10.02.04 / И. Ф. Янушкевич. – Волгоград, 2009. – 492 с.
144. Языковая картина мира телеутов [Текст]: моногр. / [Л. А. Араева, О. А. Булгакова, Л. С. Калентьева и др.]. – Кемерово: КГУ, 2016. – 237 с.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

145. Абдукерим, Сабит. Лутпулла Мутэллип кандақ өлтүрүлгән [Текст] / Сабит Абдукерим // Уйғур авази. – Алмута, 1996. – 28 сент.
146. Аутова, Г. М. 40-жиллар Шинжаң уйғур поэзиясидә асасий мавзу вә Лутпулла Мутэллип шейирийити [Текст] / Г. М. Аутова // Языки, духовная

- культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Междунар. конф.: в 3 т. (Казань, 1992, 9-13 июня). – М., 1997. – Т. 2. – С.79–83.
147. Эршидин, Турсун. Лутпулла Мутәллип [Text] / Турсун Эршидин. – Үрүмчи, 1995.
148. Formulaic expressions and perceived oral proficiency: Putting a lexical approach to the test [Text] / F. Boers, J. Kappel, H. Stengers, M. Demecheleer // *Language Teaching Research*. – 2006. – N 10(3). – P. 245–261.
149. Cacciari, C. The place of idioms in a literal and metaphorical world [Text] / C. Cacciari, P. Tabossi // *Idioms, processing, structure and interpretation*. – Hillsdale, 1993. – P. 76–87.
150. Cain, K. The development of idiom comprehension: An investigation of semantic and contextual processing skills [Text] / K. Cain, A. S. Towse, R. S. Knight // *Journal of Experimental Child Psychology*. – 2009. – N 102(3). – P. 280–298.
151. Chafe, W. L. Idiomaticity as an anomaly in the Chomskyan paradigm [Text] / W. L. Chafe // *Foundations of Language*. – 1968. – N 4. – P. 109–127.
152. Christensen, T. Everyday money for everyday people [Text] / T. Christensen. – 2014. – 236 p.
153. Cooper, T. C. Processing of idioms by L2 learners of English [Text] / T. C. Cooper // *TESOL Quarterly*. – 1999. – N 33(2). – P. 233–262.
154. Crystal, D. English as a global language [Text] / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 212 p.
155. Daskalovska, N. The impact of reading on three aspects of word knowledge: Spelling, meaning and collocation [Text] / N. Daskalovka // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2011. – N 15. – P. 2334–2341.
156. Ember, C. R. Cross-Cultural Research Methods [Text] / C. R. Ember, M. Ember. – Lanham: AltaMira Press, 2009. – 184 p.
157. EnglishProverbs [Электронный ресурс]. – Ренжим доступа: www.eduweb.co.kr/online/english/jaryo/proverbs.htm. – Загл. с экрана. – 07.2002.

158. Fernando, C. Idioms and idiomaticity [Text] / C. Fernando. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 265 p.
159. Henry, Watson Fowler. Fowler's Modern English Usage [Text] / Henry Watson Fowler, R. W. Burchfield. – Oxford University Press, 1998. – 873 p.
160. Fraser, B. Idioms within a transformational grammar [Text] / B. Fraser // Foundations of Language. – 1970. – N 6(1). – P. 22–42.
161. James, Champlin Fernald. Funk & Wagnalls Standard Handbook of Synonyms, Antonyms, and Prepositions [Text] / James, Champlin Fernald. – NY: Funk & Wagnalls, 1947. – 515 p.
162. Glucksberg, S. Understanding figurative language: From metaphor to idioms (Oxford psychology series, no. 36) [Text] / S. Glucksberg, M. S. McGlone. – New York: Oxford University Press, 2001. – 144 p.
163. Jackendoff, R. What is a Concept? [Text] / R. Jackendoff // Frames, fields and contrasts. New essays in semantics and lexical organisation. – Hillsdale, 1992. – P. 629–643.
164. Laufer, B., & Goldstein, Z. Testing vocabulary knowledge: Size, strength, and computer adaptiveness [Text] / B. Laufer, Z. Goldstein // Language Learning. – 2004. – N 54. – P. 399–436.
165. Lewis, M. The lexical approach [Text] / M. Lewis. – Hove: Language Teaching Publications, 1993. – 200 p.
166. Processing idioms in advertising discourse: Effects of familiarity, literality, and compositionality on consumer ad response [Text] / E. A. C. Lim, S. H. Ang, Y. H. Lee, S. M. Leong // Journal of Pragmatics. – 2009. – N 41(9). – P. 1778–1793.
167. Моллаудов, С. Лутфулла Мутәллипниң мираси һәққидә [Text] / С. Моллаудов // Коммунизм туғи. – Алмута, 1984. – № 43 (4221).
168. Муталип, Л. Ешлик худди чақмоқ [Текст] / Л. Муталип. – Тошкент, 1976.
169. Nation, I. S. P. Vocabulary. In N. Schmitt (Ed.) [Text] / I. S. P. Nation, P. Meara // An introduction to applied linguistics. – New York, 2002. – P. 35–54.

170. Nattinger, J. Some current trends in vocabulary teaching [Text] / J. Nattinger // Vocabulary and language teaching. – 1988. – N 1. – P. 62–82.
171. Nelson, D. L. The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms [Электронный ресурс] / D. L. Nelson, C. L. McEvoy, T. A. Schreiber. – Режим доступа: <http://www.usf.edu/FreeAssociation/>. – Загл. с экрана. – 03.05.2004.
172. Ovando, C. J. Bilingual and ESL classrooms [Text] / C. J. Ovando, V. P. Collier. – New York: McGraw-Hill Book Company, 1985. – 354 p.
173. Peter, Elbow. "How Chaucer Transcends Oppositions in the Knight's Tale." [Text] / Peter Erbow // Chaucer Review. Robert Frank. – Pennsylvania, 1972. – Vol. 7, N 2. – P. 92–112.
174. Rafatbakhsh, Elaheh. A thematic corpus-based study of idioms in the Corpus of Contemporary American English [Text] / Rafatbakhsh Elaheh, Alireza Ahmadi // Asian-Pacific Journal Education. – 2019. – Vol. 4, N 11. – P. 1–21.
175. Report of the USA under the International Covenant on Civil and Political Rights, 1994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dosfan.lib.uic.edu/ERC/law.html. – Загл. с экрана. – 03.2001.
176. Teodorescu, A. Mobile learning and its impact on business English learning [Text] / A. Teodorescu // Procedia-Social and Behavioral Sciences. – 2015. – N 180. – P. 1535–1540.
177. Wray, A. Formulaic sequences in second language teaching: Principle and practice [Text] / A. Wray // Applied Linguistics. – 2000. – N 21(4). – P. 463–489.

Лексикографические источники

178. Большая советская энциклопедия [Текст] / под ред. А. М. Прохорова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – Т. 9: Евклид-Ибсен. – 624 с.
179. Гуревич, П. С. Философский словарь [Текст] / П. С. Гуревич. – М.: Олимп; АСТ, 1997. – 320 с.
180. Ислам [Текст]: энцикл. слов. / Г. В. Милославский, Ю. А. Петросян, М. Б. Пиотровский, С. М. Прозоров. – М.: Наука, 1991. – 315 с.

181. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
182. Мюллер, В. К. Англо русский словарь [Текст] = English-Russian dictionary: полная версия: более 180 000 слов, выражений и значений / В. К. Мюллер. – М.: Эксмо, 2008. – 909 с.
183. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: slovari.yandex.ru.7. – Загл. с экрана.
184. АБВУ Lingvo 6.0. [Text]: Система электронных словарей. Copyright 1989-1999 АБВУ (BIT Software).
185. Collins English Thesaurus in A-Z form [Text]. – Harper Collins Publishers, 1992. – 828 p.
186. Convention for Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 1950 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: worldpolicy.org/americas/treaties/echr.html. – Загл. с экрана. – 03.2001.
187. Encarta World English Dictionary North American Edition. 1999-2000 Microsoft Corporation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.encarta.com. – Загл. с экрана.
188. Kiss, G. R. The Associative Thesaurus of English [Text] / G. R. Kiss, C. Armstrong, R. Milroy. – Edinburgh: Univ. of Edinb., 1972. – 342 p.
189. Susan, Maingay. Longman Active Study Dictionary of English [Text] / Susan, Maingay. – New Edition. Longman Group UK Limited, 1991. – 784 p.
190. Della, Summers. Longman Dictionary of Contemporary English [Text] / Della, Summers, Adam Gadsby. – Longman Group Ltd, 1995. – 1668 p.
191. Longman English Dictionary of Language and Culture [Text]. – Longman Group UK Limited, 1992. – 1528 p.
192. New Merriam-Webster Pocket Dictionary [Text]. – New-York: Pocket Books, 1964. – 628 p.
193. Hornby, A. S. Oxford Advanced Dictionary of Current English [Text] / A. S. Hornby. – Oxford etc.: Oxford University Press, 1974. – 1041 p.

194. Eugene, Ehrlich. Oxford American Dictionary [Text] / Eugene Ehrlich, Stuart Berg Flexner. – NY: Oxford, Oxford University Press, 1980. – 816 p.
195. Pocket Oxford Dictionary of Current English[Text] / Seventh Edition. Edited by R. E. Allen. – Clarendon Press, Oxford, 1984. – 894 p.
196. Roget II: The New Thesaurus [Text]. – Boston: by Houghton Mifflin Company, 1980. – 1135 p.
197. The American Heritage First Dictionary A-Z [Text]. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1994. – 362 p.
198. Universal Webster Dictionary [Text]. – Langenscheidt K. G. Berlin & Munich, 1992. – 416 p.
199. Webster's Revised Unabridged Dictionary, 1996, 1998, MICRA Inc.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dictionary.com. – Загл. с экрана.
200. Wordsworth Dictionary of English Usage [Text]. – Ware: Wordsworth Editions, 1986. – 632 p.
201. WordWeb. Dictionary & Thesaurus. Antony Lewis, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wordweb.co.uk. – Загл. с экрана. – 05.2002.

Интернет ресурсы

202. Изучение французского языка с нуля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: w.w.w.linguists.ru. – Загл. с экрана.
203. Федеральный портал «Российское образование»: новости... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: w.w.w.edu.ru. – Загл. с экрана.

ИСТОЧНИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

204. Айтматов, Ч. Белый пароход [Текст]: повесть / Ч. Айтматов. – М.: Сов. писатель, 1980. – 159 с.
205. Айтматов, Ч. Прощай, Гульсары [Текст]: повесть / Ч. Айтматов. – М.: Молодая гвардия, 1967. – 205 с.

206. Кулуев, М. Азаттык [Электронный ресурс] / М. Кулуев. – Режим доступа: <https://kg-text.ru/maksat-kuluev-azattyk/>. – Загл. с экрана.
207. Шайбеков, И. Тарыхый ырлар, кошоктор жана окуялар. 19-т. “Эл адабияты” сер. [Электронный ресурс] / И. Шайбеков. – Режим доступа: https://www.azattyk.org/a/urkun_folklore_source_1916_by-nurjamal-myrzabaeva/27892202.htm. – Загл. с экрана.
208. Тата Улан. Эркиндик [Электронный ресурс] / Тата Улан. – Режим доступа: <https://kyrgyz-audio.com/tata-ulan-erkindik-teksti/>. – Загл. с экрана.
209. Baldwin, James . Giovanni's Room [Text] / Baldwin, James. – New York, N.Y.: Delta Trade Paperbacks, 2000. – 169 p.
210. Bauman, Zygmunt. Freedom [Text] / Bauman Zygmunt. – University of Minnesota Press, 1988. – 106 p.
211. Buchowski, Charles. The most beautiful woman in town [Электронный ресурс] / Buchowski, Charles. – Режим доступа: <https://allpoetry.com/The-Most-Beautiful-Woman-In-Town>. – Загл. с экрана.
212. Eger, E. E. Choice [Text] / E. E. Eger. – Rider: Penguin Books Limited, 2017. – 367 p.
213. Dickinson, E. “I am nobody” [Электронный ресурс] / E. Dickinson. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2015/10/21/4214>. – Загл. с экрана.
214. Fitzgerald, Francis Scott. The Great Gatsby [Text] / Fitzgerald Francis Scott. – New York: Scribner, 2004. – 315 p.
215. Franzen, J. Freedom [Text] / J. Franzen. – Farrar, Straus and Giroux, 2010. – 576 p.
216. Kelly, McGonigal. The Willpower Instinct [Text] / Kelly, McGonigal. – Penguin, 2011. – 272 p.
217. King, Stephen. The Gunslinger [Text] / King, Stephen. – New York, NY: Plume, 1988. – 224 p.
218. Lewis, Grassie Gibbon. Sunset Song [Text] / Lewis Grassie Gibbon. – Penguin UK, 2007. – 336 p.

219. Mitchell, M. M. *Gone With the Wind* [Text] / M. M. Mitchell. – Pan Publishing; Musical Tie-in Ed edition, 2008. – 1008 p.
220. Orwell, G. *Nineteen Eighty-Four* [Электронный ресурс] / G. Orwell. –Режим доступа:<https://medium.com/@ppregazzi/nineteen-eighty-four-a46330388c6b>. – Загл. с экрана.
221. Rentzenbrink, C. *The Last Act of Love* [Text] / C. Rentzenbrink. – Pan Macmillan, 2015. – 256 p.
222. Robertson, R. *Joseph Knight* [Text] / R. Robertson. – HarperCollins UK, 2013. – 384 p.
223. Smith, A. *How to Be Both* [Text] / A. Smith. – Knopf Doubleday Publishing Group, 2014. – 384 p.
224. Wilde O. *The Picture of Dorian Gray* [Text] / O. Wilde. – London: Simpkin, Marshall Hamilton, Kent, 2008. – 251 p.

Схема: структура ДИС.РАБОТЫ НА ТЕМУ

КОНЦЕПТ “СВОБОДА” и ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ в АНГЛИЙСКОМ и ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ.

